

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 3 (75)

2025

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

- Мордишева Л. Н., Юрасов И. А., Тимохина Д. М., Луканина Ю. Р.* Исламская религиозная идентичность в контексте формирования общегражданской российской идентичности: социологический анализ..... 5
- Бареев М. Ю., Полутин С. В., Иброхимов Д. Ф.* Адаптация иностранных студентов различных этноконфессиональных групп в условиях российского регионального вуза (на примере Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева)..... 29
- Рожкова Л. В., Дубина А. Ш., Марков Д. В.* Доверие молодежи медиа-источникам получения политической информации..... 43
- Иванишко А. М., Розенберг Н. В.* Представления современной молодежи о браке: властно-ролевой статус и модели отношений..... 54

ПРАВО

- Яшин А. В.* Детерминанты фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности в современной России 64
- Капитонова Е. А.* Смерть человека в контексте определения границ его правосубъектности..... 74
- Сосновикова А. М.* Система факторов, влияющих на стабильность клавиатурного почерка 83
- Назинцева А. Ю.* Проблемы правового регулирования административной ответственности за нарушения требований к ведению образовательной деятельности и организации образовательного процесса 95

<i>Митькина М. С.</i> Защита прав человека в области биомедицины в практике международных и национальных судебных органов	104
<i>Елистратова О. В., Фомин В. В.</i> К вопросу о проблеме политического абсентеизма	114
<i>Саломатин А. Ю., Лапенков Д. В., Хадарина Я. М.</i> Нормативное регулирование миграционного права.....	123
<i>Сеидов Ш. Г.</i> Процесс государствообразования в Закавказье и Дагестане в I тыс. – начале II тыс. н.э.	133
<i>Елизаров В. П.</i> Первые шаги к правовым реформам электорального финансирования в США.....	144

UNIVERSITY PROCEEDINGS

VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 3 (75)

2025

CONTENTS

SOCIOLOGY

- Mordisheva L.N., Yurasov I.A., Timokhina D.M., Lukanina Yu.R.** Islamic religious identity in the context of the formation of a common Russian civil identity: sociological analysis..... 5
- Bareev M.Yu., Polutin S.V., Ibrokhimov D.F.** Adaptation of foreign students of various ethno-confessional groups in the conditions of a Russian regional university (by the example of Ogarev Mordovian State University)..... 29
- Rozhkova L.V., Dubina A.Sh., Markov D.V.** Youth's trust in media sources of political information..... 43
- Ivanishko A.M., Rozenberg N.V.** Modern youth perceptions of marriage: power-role status and relationship models 54

LAW

- Yashin A.V.** Determinants of falsification of evidence in a criminal case and the results of operational-investigative activities in modern Russia..... 64
- Kapitonova E.A.** Death of a person in the context of defining the boundaries of his legal personality 74
- Sosnovikova A.M.** System of factors influencing the stability of keystone dynamics..... 83
- Nazintseva A.Yu.** Problems of legal regulation of administrative responsibility for violation of the requirements for conducting educational activities and organizing the educational process 95

<i>Mit'kina M.S.</i> Protection of human rights in the field of biomedicine in the practice of international and national judicial authorities	104
<i>Elistratova O.V., Fomin V.V.</i> Toward the problem of political absenteeism	114
<i>Salomatin A.Yu., Lapenkov D.V., Khadarina Y.M.</i> Normative regulation of migration law	123
<i>Seidov Sh.G.</i> The process of state formation in Transcaucasia and Dagestan in the first thousand – the beginning of the second thousand a.d. (comparative study)	133
<i>Elizarov V.P.</i> First steps to legal reforms of electoral finance in USA	144

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

УДК 316.4

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-1

Исламская религиозная идентичность в контексте формирования общегражданской российской идентичности: социологический анализ

Л. Н. Мордишева¹, И. А. Юрасов², Д. М. Тимохина³, Ю. Р. Луканина⁴

^{1,2,3,4}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹mordisheva@bk.ru, ²jurassow@yandex.ru,

³daria.timokhina03@mail.ru, ⁴kaneeva58@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Религиозная идентичность существенно влияет на формирование общегражданской идентичности в многонациональном обществе, однако влияние исламского фактора на этот процесс изучено недостаточно по сравнению с христианско-православным. Основная цель исследования состоит в том, чтобы выявить специфику и типы исламской религиозной идентичности и их влияние на формирования общероссийской гражданской идентичности. *Материалы и методы.* В качестве метода социологического исследования использовался количественный метод (массовый анкетный опрос, июнь – июль 2025, $n = 503$ в Пензенском регионе, Татарстане, республиках Башкортостан и Дагестан). *Результаты.* Было выявлено, что подавляющее большинство респондентов в трех регионах России с преимущественно исламским населением обладают хорошими знаниями о сути своего вероисповедания, что позволяет заключить, что почти две трети исламского населения этих регионов обладают нормативно-конфессиональной религиозной идентичностью, треть из опрошенного мусульманского населения обладают фольклоризированной религиозной идентичностью. Фольклоризированная исламская идентичность, отягощенная этническими, локальными (проживанием в сельской местности и, как следствие, «сельской» религиозностью) факторами, различного рода псевдорелигиозными суевериями и предрассудками, является негативным фактором. Фольклоризированный ислам трансформируется в маргинальный, который приводит к развитию антигосударственных, экстремистских, оппозиционных настроений и блокирует формирование общероссийской гражданской идентичности в регионах с компактным проживанием мусульманского населения. *Выводы.* Поверхностное знание основ вероучения способствует формированию маргинальной религиозной идентичности, которая препятствует интеграции общества, деформирует патриотический дискурс и создает почву для оппозиционных и экстремистских настроений. Наиболее тревожные аспекты в области исламской идентичности – это «народное» опрошенное тол-

кование двух важных постулатов исламской религии, таких как Джихад, понимаемый респондентами как священная война с «неверными», в то время как он трактуется исламскими богословами как система аскетических правил и упражнений, и Шариат как система исламского законодательства, когда исламское население Северного Кавказа отдает приоритет исламскому законодательству по отношению к общегражданскому. Это приводит к негативным тенденциям в социальном развитии всей страны, когда верующие, исповедующие «народный» ислам, не рассматривают Российскую Федерацию как свою общую Родину, не интегрируются в общее социокультурное российское пространство и не желают исполнять общероссийские законы, противоречащие, по их мнению, их субъективному ошибочному пониманию исламских канонов и догматов.

Ключевые слова: религия, конфессия, религиозная идентичность, общегражданская идентичность, дискурс, социум, фольклоризированная и нормативно-конфессиональная типы религиозности

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере социально-политических наук в 2025 г., проект «Типы религиозной идентичности и их влияние на общегражданскую идентичность: дискурс патриотизма и оппозиционности (FSGE-2025-0005)», 1025022700028-9-5.4.1;5.6.1;5.4.4

Для цитирования: Мордишева Л. Н., Юрасов И. А., Тимохина Д. М., Луканина Ю. Р. Исламская религиозная идентичность в контексте формирования общегражданской российской идентичности: социологический анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 5–28. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-1

Islamic religious identity in the context of the formation of a common Russian civil identity: sociological analysis

L.N. Mordisheva¹, I.A. Yurasov², D.M. Timokhina³, Yu.R. Lukanina⁴

^{1,2,3,4}Penza State University, Penza, Russia

¹mordisheva@bk.ru, ²jurassow@yandex.ru,

³daria.timokhina03@mail.ru, ⁴kaneeva58@yandex.ru

Abstract. Background. Religious identity significantly influences the formation of a common civil identity in a multinational society, but the influence of the Islamic factor on this process has been insufficiently studied compared to the Christian Orthodox one. The purpose of the study is to identify the specifics and types of Islamic religious identity and its influence on the processes of formation of an all-Russian civil identity. *Materials and methods.* The following methods were used in the sociological research: quantitative method (mass questionnaire survey, June – July 2025, $n = 503$ in Penza region, Tatarstan, the republics of Bashkortostan and Dagestan). *Results.* It was revealed that the overwhelming majority of respondents in three regions of Russia with a predominantly Islamic population have good knowledge of the essence of their religion, which allows us to conclude that almost two-thirds of the Islamic population of these regions have a normative-confessional religious identity, a third of the surveyed Muslim population have a folklorized religious identity. Folklorized Islamic identity, burdened with ethnic, local (living in rural areas, and

as a result “rural” religiosity) factors, various kinds of pseudo-religious superstitions and prejudices is a negative factor. Folklorized Islam is transformed into a marginal one, which leads to the development of anti-state, extremist, opposition sentiments, and blocks the formation of an all-Russian civil identity in regions with a compact residence of the Muslim population. *Conclusions.* Superficial knowledge of the fundamentals of the doctrine contributes to the formation of a marginal religious identity, which hinders the integration of society, deforms patriotic discourse and creates the ground for opposition and extremist sentiments. The most disturbing aspects in the area of Islamic identity are the “folk” simplified interpretation of two important tenets of the Islamic religion such as Jihad, understood by respondents as a holy war with the “infidels”, while it is interpreted by Islamic theologians as a system of ascetic rules and exercises, and Sharia as a system of Islamic legislation, when the Islamic population of the North Caucasus gives priority to Islamic legislation in relation to general civil legislation. This leads to negative trends in the social development of the entire country, when believers who profess “folk” Islam do not consider the Russian Federation as their common homeland, do not integrate into the general socio-cultural Russian space and do not want to comply with all-Russian laws that, in their opinion, contradict their subjective erroneous understanding of Islamic canons and dogmas.

Keywords: religion, confession, religious identity, civil identity, discourse, society, folklorized and normative-confessional types of religiosity

Financing: the study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the state assignment in the field of social and political sciences in 2025, the project “Types of religious identity and their influence on civil identity: the discourse of patriotism and opposition (FSGE-2025-0005)” 1025022700028-9-5.4.1;5.6.1;5.4.4

For citation: Mordisheva L.N., Yurasov I.A., Timokhina D.M., Lukanina Yu.R. Islamic religious identity in the context of the formation of a common Russian civil identity: sociological analysis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3): 5–28. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-1

Введение

Религиозная идентичность и ее связи с общегражданской российской идентичностью являются важными аспектами социального развития нашей страны. Религиозно-конфессиональный ренессанс конца 80-х, 90-х гг. XX в. и начала 2000-х гг. привнес много как положительного (укрепление семейных и традиционных ценностей, нравственного потенциала, углубление исторической памяти и т.п.), так и много отрицательных явлений: архаизация социальных практик, торможение социокультурной интеграции российских регионов друг с другом, маргинализация отдельных сторон жизни и др. Особая актуальность социологического исследования типов религиозной идентичности состоит в научной рефлексии взаимоотношения религиозной и общегражданской религиозной идентичности, так как отдельные типы религиозности препятствуют развитию общегражданской религиозной идентичности.

Вопросы социологического анализа религиозной идентичности не раз становились предметом научного анализа в отечественной и зарубежной

науке. Феномену религиозности как таковой в социально-философском и религиозноведческом плане посвящены работы Э. Дюркгейма, З. Фрейда, Э. Эриксона. Исследование типов религиозной идентичности проводилось в трудах Е. И. Аринина, Н. М. Марковой, М. М. Бичаровой, И. А. Юрасова, О. Н. Юрасовой, О. А. Павловой [1–5]. Таким важным аспектом социологии религиозности, как религиозный фундаментализм, занимались отечественные и зарубежные исследователи К. Армстронг, которая сравнительно анализировала фундаментализм в иудаизме, исламе и христианстве [6], и Д. А. Головушкина, рассматривавшая религиозный фундаментализм в православии с точки зрения модернизма и архаики [7].

Религиозная идентичность представляет собой осознание, ассоциирование индивида, социальной группы с определенной догматическо-канонической религиозной системой, системой религиозных ценностей, конфессией. Общегражданская идентичность определяется как индивидуальное чувство принадлежности человека к общности граждан конкретного государства. Религиозная и общегражданская идентичности – это сложные комплексные категории, находящиеся в сложных отношениях между собой. Наиболее дискуссионной и обсуждаемой проблемой последних десятилетий в социологии стал вопрос о соотношении общероссийской гражданской идентичности с региональной, этнической и религиозной идентичностями и об оценке их как совмещающихся по принципу иерархии, дополняющих друг друга либо вступающих в конфликт. Л. М. Дробичева в своих работах говорит о сложном характере совмещения идентичностей, об опасности конкурирующих идентичностей: «Совмещенные множественные идентичности, а не конкурирующие и выстраиваемые иерархически – государственно-гражданская, этническая, региональная, локальная идентичности – признак гармоничного развития общества». Такой же сложный характер взаимоотношения мы можем наблюдать между различными типами религиозной идентичности и российской общегражданской [8].

В отечественной социологии выделяют несколько типов религиозной идентичности: нормативно-конфессиональную, фольклоризированную, маргинальную [9–12]. Некоторые исследователи выделяют номадическую, проявляющуюся, как правило, в паломнических поездках. Номадическая религиозная идентичность свойственна, как правило, православным верующим, которые отличаются религиозным минимализмом в обычной бытовой практике и не практикуют религиозные обряды в обычной повседневной жизни [7]. Виртуальная религиозная идентичность развивается в настоящее время среди российского населения с религиозным минимализмом без привязки к конфессии. Их религиозная идентичность выражается в цифровом сетевом пространстве в форме рассылки поздравлений с религиозными праздниками и напоминаний о времени поста, молитвы и намаза среди мусульман [10]. В обычной бытовой практике эти люди практически никак не проявляют свою религиозную идентичность.

Вопросы исламской религиозной идентичности и соотношения ее нормативно-конфессиональных форм с «народной религиозностью» тоже активно исследовались в отечественной науке. Анализировался так называемый «народный» ислам в Республиках российского Северного Кавказа З. М. Абдулагатовым [13], А. А. Ярлыкаповым, А. З. Адиевым [11, 12] феномен «народного» ислама исследовал А. Алкадарский и З. Омар [14, 15], «народному» исламу в российских регионах посвящены работы Р. Р. Агишева, О. Н. Бариновой, И. В. Минаевой, З. Г. Аминова, Л. А. Ямаевой, М. Ю. Бареева [16–19]. Особому статусу «народного» ислама – суфизму – посвящены труды Ю. Н. Гусевой, И. Ф. Шафикова, Е. Н. Хамидова [20, 21]. Анализу нормативного исламского богословия и исламской правовой системы посвящена работа Р. М. Мухамедшина, Ш. Р. Кашафа [9].

Впервые в отечественной социологии и религиоведения в 2020 г. была сделана попытка анализа проблемы выявления нормативно-конфессиональной религиозности, основанной на рациональном знании и понимании сути и правил своего вероисповедания, норм конфессиональной бытовой практики и фольклоризированной религиозности, основанной на поверхностном знании основ своей религии, на «фольклорной» трактовке основ своих конфессиональных практик, отягченных многочисленными суевериями и фольклорными интерпретациями [5]. Первые попытки выявить влияние народной религиозности на процесс социальной и социокультурной интеграции регионов России и на процессы формирования общегражданской российской идентичности были сделаны в 2020 г. на базе анализа религиозной и конфессиональной идентичностей [4].

Фольклоризированная идентичность подкрепляется этническим, локальным (сельским, городским) факторами и бытовой повседневной культурой, которая может деформировать религиозную идентичность, трансформируя ее в маргинальную, которая является основой формирования антигосударственных оппозиционных и экстремистских настроений. Маргинальная религиозная идентичность в конечном итоге является причиной трансгрессии и деградации и редукции общегражданской идентичности.

В эмпирическое исследование были включены вопросы на знание догматически-канонических основ классического ислама, зафиксированного в Каране и Суннах. На основании знания основ мусульманской религии делались выводы о формировании нормативно-конфессиональной и фольклоризированной религиозной идентичности.

Целью настоящего исследования является выявления семантической специфики исламской религиозной идентичности российских мусульман и определение ее влияния на общегражданскую идентичность в Российской Федерации.

Материалы и методы

В качестве методов социологического исследования использовался количественный метод (массовый анкетный опрос, июнь – июль 2025 г.,

$n = 503$). Тип выборки в исследуемых регионах Пензы, Казане, республиках Татарстан, Башкортостан, Дагестан – целевая. Возраст – от 18 до 63 лет.

Выбор регионов исследования обусловлен прежде всего тем, что там проживают потенциальные носители исламской религиозной идентичности. Для больше достоверности использовался метод «снежного кома» в мечетях Пензы, Казани, Уфы, Махачкалы, когда респонденты, принявшие участие в опросе, рекомендовали для дальнейшего опроса прихожан мечетей. Использование этого метода обусловлено тем, что респондентов – представителей целевой группы очень трудно найти другими методами. Только через знакомых доверенных лиц можно было обеспечить доступ к весьма закрытой для исследования группе верующих.

Результаты

В ходе массового социологического опроса в регионах с компактным проживанием населения, исповедующего ислам, были выявлены два основных типа исламской религиозной идентичности: нормативно-конфессиональный и фольклоризированный. Проблема типа религиозной идентичности в любой конфессии зависит еще от нескольких факторов – этнической и национальной принадлежности, от национального менталитета, от уровня владения родным языком.

На рис. 1 показано распределение респондентов по уровню владения родным языком. Подавляющее большинство респондентов хорошо владеют своим родным языком.

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню владения родным языком ($n = 503$)

По данным социологического исследования, большинство респондентов (68,2 %) в семье общаются на родном языке. 60 % свободно владеют своим родным языком, но предпочитают говорить на русском языке. Около трети опрошенных граждан (27,3 %) ответили отрицательно (рис. 2). Владение родным языком, или языком общенационального общения, является фактором, который подчеркивает этническую идентичность. Этническая идентичность [22, с. 99–109] – национальный менталитет, обусловленный цивилиза-

ционными концептами, косвенно влияет на исламскую религиозную идентичность, усиливая религиозный идентификационный фактор [15].

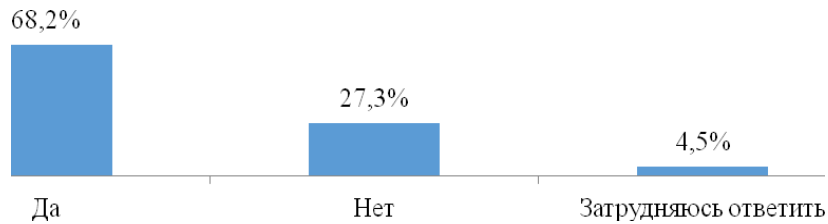

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Общаетесь ли Вы в семье на родном языке?» ($n = 503$)

Почти две трети респондентов татар, башкир, представителей различных этносов Дагестана общаются в быту на родном языке. Общение на этнических языках служит каналом передачи ментальных ценностей и особенностей и укрепляет исламскую религиозную идентичность.

С целью выявления потенциального уровня ксенофобских экстремистских настроений был задан вопрос о важности национальной и религиозной принадлежности. Для 42,7 % респондентов национальная и религиозная принадлежность человека не имеет значения. Однако 22,7 % опрошенных граждан отметили важность этого факта в личном общении (рис. 3). Корреляционный анализ показал слабую положительную связь экстремистских и ксенофобских настроений с уровнем владения родным языком.

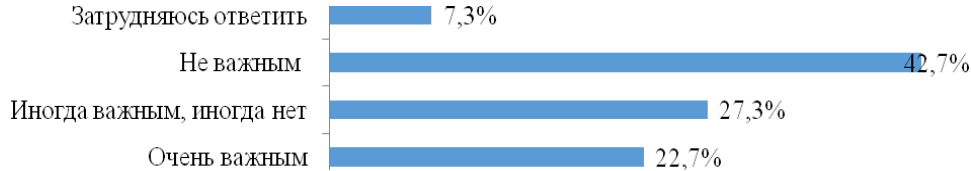

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Является ли важным для Вас национальная и религиозная принадлежность человека в личном общении?» ($n = 503$)

Данные о значении для респондентов национальной и религиозной принадлежности человека в личном общении (в разрезе пола и возраста) представлены в табл. 1, 2. Результаты, представленные в табл. 1, показали, что среди мужчин данный факт является наиболее значимым, чем для женщин. Национальность и конфессиональная принадлежность среди мужского населения, исповедующего ислам, как выяснилось, более важны. Это выявляет негативную тенденцию усиления полового националистического и ксенофобского фактора фактором принадлежности к мужскому полу. Это и объясняет тот факт, что среди исламских радикалов подавляющее большинство составляют мужчины.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько важным фактором в личном общении для Вас является национальная и религиозная принадлежность человека?» в зависимости от пола (% , $n = 503$)

Наименование варианта ответа	Все опрошенные, $n = 503$	Пол	
		мужской, $n = 305$	женский, $n = 198$
Очень важным	22,7	22,2	23
Иногда важным, иногда нет	27,3	44,4	18,9
Не важным	42,7	27,8	50
Затрудняюсь ответить	7,3	5,6	8,1
Итого	100	100	100

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько важным фактором в личном общении для Вас является национальная и религиозная принадлежность человека?» в зависимости от возраста (% , $n = 503$)

Наименование варианта ответа	Все опрошенные, $n = 503$	Возраст (лет)									
		18–20, $n = 53$	21–26, $n = 42$	27–35, $n = 52$	36–40, $n = 47$	41–45, $n = 29$	46–50, $n = 68$	51–55, $n = 69$	56–60, $n = 29$	61–65, $n = 67$	Свыше 66, $n = 47$
Очень важным	22,7	19,5	27,3	40	30	27,3	9,1	–	–	–	–
Иногда важным, иногда нет	27,3	36,6	45,5	10	30	9,1	9,1	25	–	–	–
Не важным	42,7	39	27,3	30	25	63,6	81,8	75	100	–	–
Затрудняюсь ответить	7,3	4,9	–	10	15	–	–	–	–	100	100
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Результаты исследования показали, что 10 % респондентов испытывают неприязнь к представителям каких-либо национальностей и религий (рис. 4).

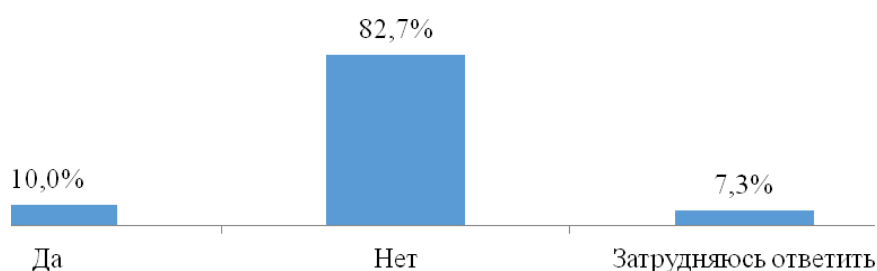

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Испытываете ли Вы неприязнь к представителям каких-либо национальностей и религий?» ($n = 503$)

Распределение ответов респондентов на вопрос «Испытываете ли Вы неприязнь к представителям каких-либо национальностей и религий?» (в разрезе пола и возраста) представлено в табл. 3, 4. Результаты, представленные в табл. 3, показали, что мужчины в наибольшей степени испытывают неприязнь к представителям каких-либо национальностей и религий. Наибольшую неприязнь к представителям других национальностей и религий испытывают молодые мужчины в возрасте от 18 до 26 лет.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Испытываете ли Вы неприязнь к представителям каких-либо национальностей
и религий?» в зависимости от пола (% , $n = 503$)

Наименование варианта ответа	Все опрошенные ($n = 503$)	Пол	
		мужской ($n = 305$)	женский ($n = 198$)
Да	10	22,2	4,1
Нет	82,7	66,7	90,5
Затрудняюсь ответить	7,3	11,1	5,4
Итого	100	100	100

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Испытываете ли Вы неприязнь к представителям каких-либо
национальностей и религий?» в зависимости от возраста (% , $n = 503$)

Наименование варианта ответа	Все опрошенные ($n = 503$)	Возраст (лет)									
		18–20 ($n = 53$)	21–26 ($n = 42$)	27–35 ($n = 52$)	36–40 ($n = 47$)	41–45 ($n = 29$)	46–50 ($n = 68$)	51–55 ($n = 69$)	56–60 ($n = 29$)	61–65 ($n = 67$)	Свыше 66 ($n = 47$)
Да	10	14,6	27,3	–	10	–	–	–	–	–	–
Нет	82,7	68,3	63,6	100	90	100	100	100	100	100	100
Затрудняюсь ответить	7,3	17,1	9,1	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Практически поровну распределились ответы респондентов, которые знают в общих чертах суть своей веры и исламского вероучения (32,7 %) и которые в полной мере осведомлены в этом вопросе (31,8 %) (рис. 5). Этот факт говорит о том, что примерно две трети (64,5 %) верующих, исповедующих ислам, обладают нормативно-конфессиональной идентичностью. Можно считать, что религиозная идентичность оставшихся 35,5 % респондентов, затруднившихся ответить, фольклоризированная.

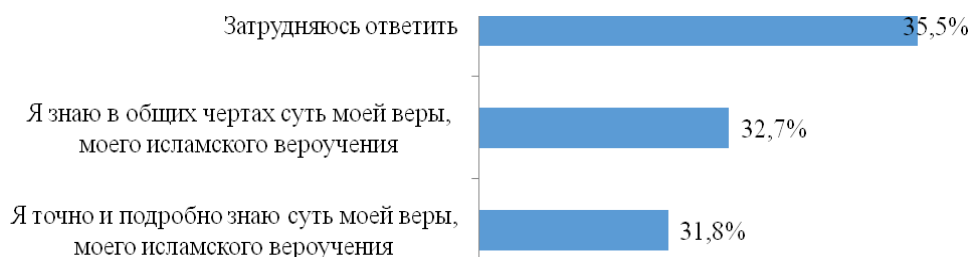

Рис 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Знаете ли Вы суть своей веры и исламского вероучения?» ($n = 503$)

47 % респондентов, исповедующих ислам, под ним понимают «веру в единого Бога» (рис. 6). Важными и симптоматичными являются ответы «система моральных, нравственных и бытовых предписаний» (20,2 %). Это доказывает точку зрения западных религиоведов, в частности П. Хэммонда, о том, что ислам является скорее не религией, а системой нравственных и бытовых предписаний, регламентирующих жизнь мусульман в бытовых сферах, предписывающих им, что есть, пить, как одеваться, как выполнять гигиенические процедуры [23]. 14,9 % респондентов, ответивших на вопрос об их вере, отметили, что ислам – это образ жизни. Важность нравственных, бытовых предписаний и определение ислама не как религии, а как образа жизни явно свидетельствуют об отклонении 35,1 % от нормативно-конфессиональной идентичности в сторону фольклоризированной. Это является негативным фактором, искажающим нормативно-догматическую богословскую систему ислама и тормозящим формирование и развитие общегражданской идентичности. Среди своих вариантов ответа были даны следующие: «это личное» и «источник опасности и деградации».

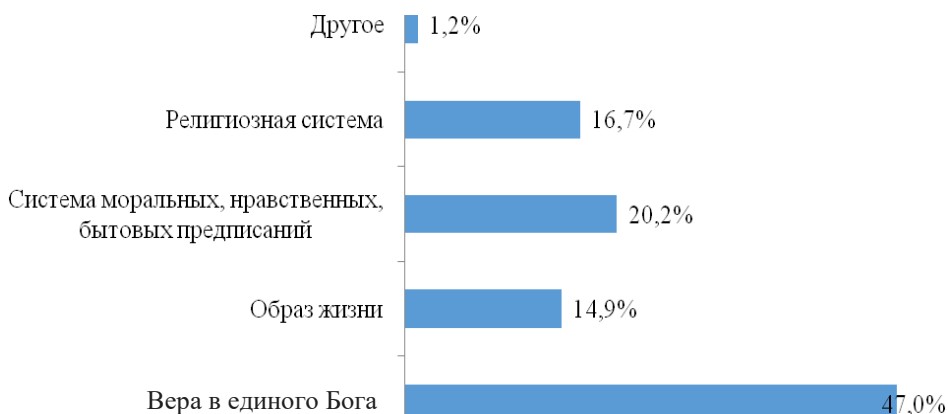

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Чем для Вас является ислам?» ($n = 503$)

Для 35,5 % респондентов ислам ассоциируется с «добром и милосердием», еще для 26,3 % – с «миром, покорностью и подчинением» (рис. 7). 11,8 % респондентов ответили на вопрос о сути ислама как о «силе и власти над своими мыслями и чувствами». Это выражает аскетическую сущность исламского вероучения. Умение увидеть в своей религии кроме нравственных, бытовых, социальных предписаний еще и аскетическую систему, совершенствующую морально-нравственную систему человека, знаменует собой принадлежность этих респондентов к нормативно-конфессиональной религиозной идентичности, что является позитивным фактором формирования рационально-нравственного аспекта, дисциплинирующего рациональную сферу мусульман. Рационализация такой эмоциональной сферы, как религия, является позитивным моментом, воспитывающим умственную дисциплину, критическое мышление и позитивно влияющим на формирование общегражданской религиозной идентичности.

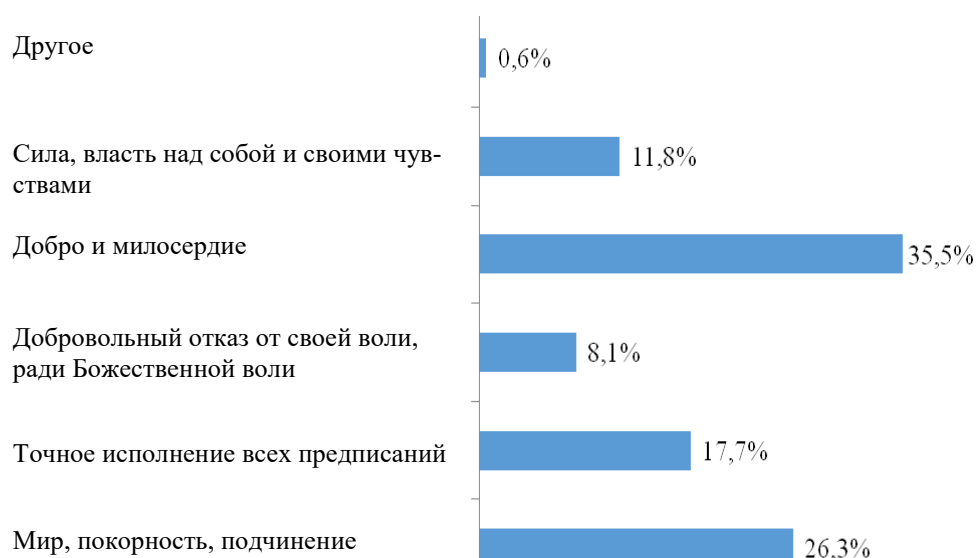

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос
«С чем у Вас ассоциируется ислам?» ($n = 503$)

В ходе социологического исследования респондентам было предложено выбрать ряд постулатов, на которых, по их мнению, основывается их религия. Результаты представлены в табл. 5. По частоте употребления на первом месте стоят «вера в Единого Бога» (13,4 %), «пост в месяц Рамадан» (11 %) и «исполнение ежедневной пятикратной молитвы» (9,6 %), что в принципе раскрывает основной нормативно-конфессиональный смысл и рациональные основания исламского вероисповедания.

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос «Ислам основывается на ...»

Наименование вариантов ответа	Доля респондентов, % ($n = 503$)
Вере в Единого Бога	13,4
Вере в Божьих пророков	6,1
Вере в священные писания, раскрытые Моисею, Давиду, Иисусу и Мухаммаду	5,5
Вере в ангелов	5,7
Вере в Судный день и будущую жизнь	7,1
Вере в судьбу и предопределение	4,9
Свидетельстве, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – Его пророк. Чтобы стать мусульманином, человек должен произнести это публично и на арабском языке	7,9
Исполнении ежедневной пятикратной молитвы	9,6
Закяте – ежегодной очистительной подати в пользу неимущих в размере 2,5 % от избыточного капитала	7,5
Посте в месяц Рамадан	11,0
Паломничестве в Мекку хотя бы один раз в жизни при наличии физических и финансовых возможностей	8,6
Личном благочестии, морали, нравственности	5,1
Всем вышеотмеченном	7,7

Практически половина респондентов (48,6 %) ежегодно соблюдают пост в священный месяц Рамадан. При этом 12,1 % опрошенных граждан придерживаются его не каждый год в связи с возрастом, чрезмерной занятостью и неудовлетворительным состоянием здоровья, а 20,3 % – не соблюдают. 19 % респондентов отказались отвечать на вопрос (рис. 8).

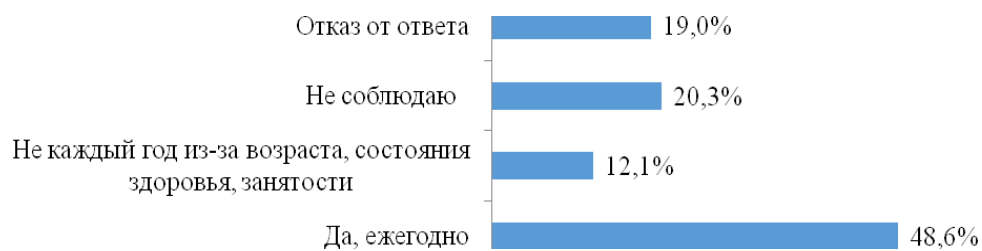

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Соблюдаете ли Вы пост в священный месяц Рамадан?» ($n = 503$)

Наиболее важными аспектами ислама для респондентов выступают «образ жизни» (25,1 %) и «личное богообщение» (25,1 %). То, что ислам является в первую очередь образом жизни, а не системой конфессиональных предписаний и религиозных правил, отмечали западные исследователи, например П. Хэммонд [23]. Далее следуют «часть мировой культуры и истории» (16,4 %) и «вера предков и национальная традиция» (14,1 %). На последнем месте по частотности ответов «точное исполнение всех предписаний и обрядов» (10,5 %) и «надежда на вечную жизнь» (8,8 %) (рис. 9).

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что для Вас лично наиболее важно в исламе?» ($n = 503$)

Лишь 10 % респондентов в своей повседневной жизни твердо выполняют все предписания ислама (рис. 10). Ответ на вопрос «В своей повседневной жизни Вы твердо выполняете все предписания ислама?» можно интерпретировать как высокий уровень самокритики в плане четкого выполнения аскетических, молитвенных и богословско-рефлексивных практик. Эти 10 % респондентов относятся к центру нормативно-конфессиональной идентичности.

Рис. 10. Распределение ответов респондентов на вопрос «В своей повседневной жизни Вы твердо выполняете все предписания ислама?» ($n = 503$)

75,4 % респондентов в совокупности верят в загробную жизнь, при этом 51,8 % – в соответствии с предписаниями ислама, а 23,6 % – в соответствии с собственными представлениями об этом (рис. 11).

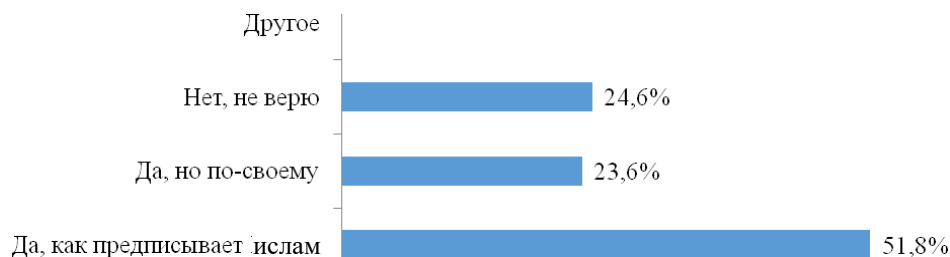

Рис. 11. Распределение ответов респондентов на вопрос «Верите ли Вы в загробную жизнь?» (n = 503)

Для 38,1 % респондентов джихад ассоциируется со «священной войной». 28,6 % опрошенных граждан под ним понимают «борьбу со своими личными грехами и недостатками» (рис. 12).

Рис. 12. Распределение ответов респондентов на вопрос «Джихад – это...» (n = 503)

Среди своих вариантов ответа были предложены «борьба за веру» и «борьба на пути Аллаха». Согласно догматическо-богословской системе ислама, джихад трактуется как система аскетических правил и практик, усовершенствующих душу верующего мусульманина. джихад как «священная война» является поздней «народной» интерпретацией канонического вероучения. 28,6 % респондентов, воспринимающих джихад как борьбу со своими страстями, грехами и недостатками, и 4,8 % характеризующих джихад как систему личных аскетических правил верно трактуют систему мусульманского вероучения и обладают нормативно-конфессиональной религиозной идентичностью. Таким образом, 33,4 % респондентов точно и правильно понимают значение джихада в религиозном вероучении. 38,1 % воспринимают джихад как войну и 22,8 % респондентов, давших собственные, далекие от точных догматических правил трактовки джихада, относятся к верующим с фольк-

лоризированной религиозной идентичностью. 60,9 % респондентов, искажающих религиозное вероучение, могут представлять потенциальную опасность развитию социокультурной интеграции и формированию общероссийской гражданской идентичности.

50,5 % респондентов высказывают позицию, что система вероучения ислама едина и неизменна. Вызывает тревогу ответ 30,8 % респондентов, считающих мусульманское вероучение зависящим от человека и его веры (рис. 13). Эта позиция дает возможности превратно толковать догматическо-каноническую систему ислама, подчиняя ее под свои собственные, субъективные оценки и позиции, является ярким маркером фольклоризированной религиозной идентичности и потенциальным препятствием развития общегражданской российской идентичности. Среди своих вариантов ответа очень любопытна позиция «К сожалению, в некоторых регионах имеет искаженную форму, но чистота и знания ислама сохранились и будут храниться». Эта точка зрения доказывает, пусть и слабое, осознание мусульманами того факта, что в различных местах, в различных этносах, особенно на Северном Кавказе, наблюдается искажение и деформация исламского вероучения.

Рис. 13. Распределение ответов респондентов на вопрос «Система вероучения ислама...» ($n = 503$)

50 % респондентов высказывают позицию, что ислам – это современная религия, вероучение, которое едино, постоянно и неизменно. Второй по популярности ответ – 20 % респондентов отмечают аскетическую природу мусульманского вероучения, положительно отвечая на вопрос о том, что ислам предполагает борьбу со своими грехами и недостатками. 10,9 % респондентов, считающих, что ислам развивается согласно современным течениям, можно назвать модернистами (рис. 14). Таким образом, 80,9 % респондентов канонически правильно интерпретируют систему исламского вероучения и относятся к людям с нормативно-конфессиональной идентичностью. Среди своих вариантов ответа, входящих в 13,1 % респондентов, ответивших «Другое», знаменательно следующее мнение: «Учение Ислама неизменно, но может интегрироваться в народ по его адабам (культуре и традициям)». Эта позиция дает возможность этнического «народного» толкования вероучения, что является опасным фактором.

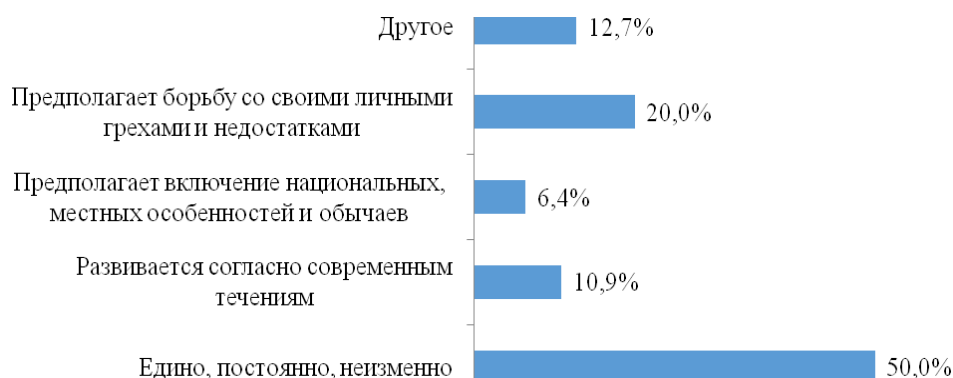

Рис. 14. Распределение ответов респондентов на вопрос «Ислам – это современная религия, вероучение, которое...» ($n = 503$)

Распределение ответов респондентов на вопрос «Кого бы Вы могли назвать врагами Вашей веры?» представлено на рис. 15. Стоит отметить, что 15,6 % опрошенных граждан никого не считают врагами своей веры.

Рис. 15. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кого бы Вы могли назвать врагами Вашей веры?» ($n = 503$)

В ходе социологического исследования были заданы респондентам вопросы о приоритете общегражданского законодательства над исламскими

законами шариата и об их отношении к атеистам. В трех регионах были получены различные ответы.

Более половины респондентов из Дагестана (64,7 %) считают законы шариата важнее общегражданских (рис. 16).

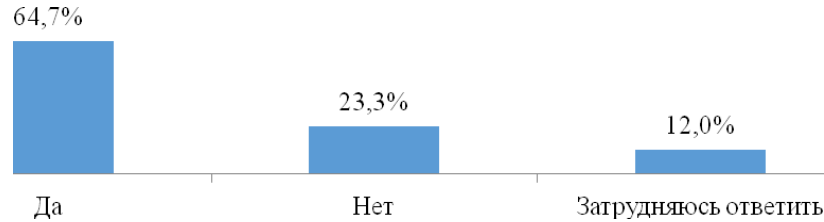

Рис. 16. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы законы шариата важнее, чем общегражданские законы?» (Дагестан, $n = 207$)

Практически половина респондентов из Татарстана (48,4 %) не считают законы шариата важнее общегражданских. Утвердительно ответили 21,6 % опрошенных граждан (рис. 17).

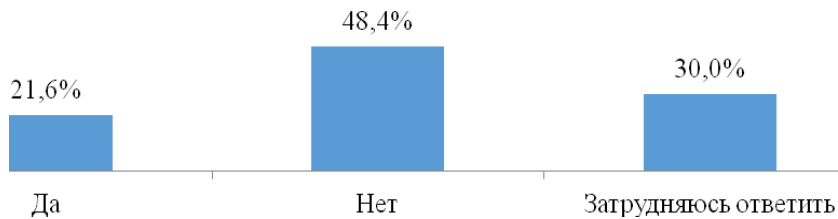

Рис. 17. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы законы шариата важнее, чем общегражданские законы?» (Татарстан, $n = 156$)

Более половины респондентов из Башкортостана (53,4 %) не считают законы шариата важнее общегражданских. Утвердительно ответили 19,6 % опрошенных граждан (рис. 18).

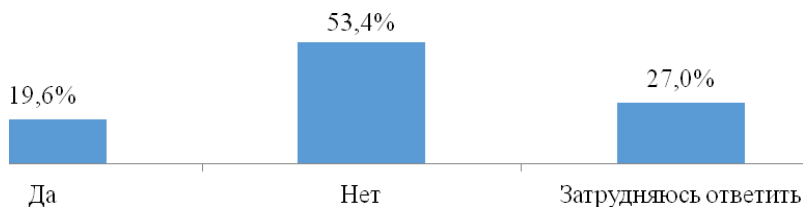

Рис. 18. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы законы шариата важнее, чем общегражданские законы?» (Башкортостан, $n = 140$)

Исходя из полученных результатов социологического опроса о приоритете законов шариата над общероссийскими гражданскими законами, можно сделать вывод о различных региональных интерпретациях исламских канонов. Если судить с нормативно-конфессиональной точки зрения, то в Каране зафиксировано: «Слушайте вашего правителя и повинуйтесь ему, даже если утвердят над вами эфиопского раба, чья голова подобна изюмине» (Коран, 4:59) [24]. Таким образом, нормативно-конфессиональное исламское богословие никогда не ставило законы шариата выше законов страны, где в настоящее время проживают мусульмане. То, что в различных регионах мусульмане по-разному трактуют иерархию исламских и общегражданских законов, говорит о наличии, по крайней мере в Российской Федерации, несколько различных типов региональной религиозной идентичности. Более классические, близкие к нормативному исламскому богословию интерпретации религиозных канонов присутствуют в республиках Татарстан и Башкортостан. В республике Дагестан нормативные формы ислама дополнены региональными, этническими смыслами, которые коренятся в архаических бытовых патриархальных практиках преимущественно сельского населения. В Татарстане и Башкортостане доминирует городское население, исповедующее более рациональный нормативно-конфессиональный ислам, в то время как в Дагестане высока доля сельского населения, практикующего более эмоциональную, этнически окрашенную форму сельской мусульманской религиозности. Этот факт и приводит к деформации и искажению нормативно-конфессиональных форм ислама в пользу «народной» опрошенной формы.

Очень показательны отношения исламского населения к людям, исповедующим атеистическое мировоззрение. Большинство респондентов «безразлично» (50 %) или «отрицательно» (44 %) относятся к представителям атеистического мировоззрения (рис. 19). Голоса респондентов разделились практически поровну. Мнение 44 % респондентов, отрицательно относящихся к людям атеистического мировоззрения, можно интерпретировать двояко: как горячее желание отстаивать свою точку зрения в «безбожной» среде и как проявление нетерпимости к чужой точке зрения, которая может трансформироваться в экстремистские настроения, препятствующие формированию общероссийской гражданской идентичности.

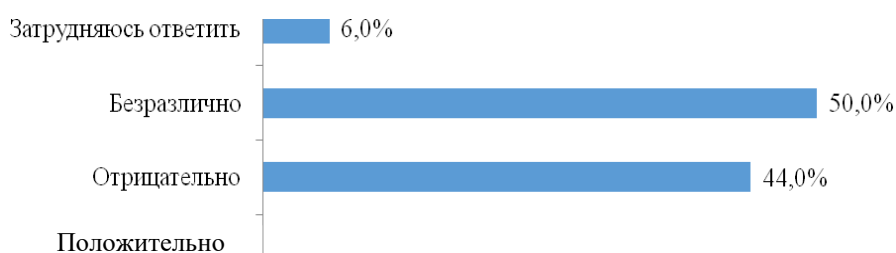

Рис. 19. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к представителям атеистического мировоззрения?» ($n = 503$)

Таким образом, проведенное социологическое исследование позволяет сделать вывод, что примерно две трети исламского населения исповедует нормативно-конфессиональное исламское мировоззрение, примерно треть – фольклоризированный, «народный» ислам. Что касается вопросов, посвященных знанию и пониманию основных догм исламской религии, то подавляющее большинство знает и рационально интерпретирует основные исламские догматы, что делает их представителями нормативно-конфессиональной религиозной идентичности. Фольклоризированная исламская религиозная идентичность наблюдается, как правило, в сельских регионах. Особенно сильно она представлена в Республике Дагестан, в которой доминирует сельское население, культивируется сельский образ жизни. «Народный» ислам осложняется еще дополнительными архаическими патриархальными семейными практиками, этническими факторами и этическим мировоззрением, который культивирует и гиперболизирует чуждые нормативному исламу моменты, которые становятся региональными религиозными догмами, препятствующими социокультурной интеграции в общероссийское пространство и мешающими формированию общероссийской гражданской идентичности.

Заключение

Проведенное социологическое исследование позволяет сделать вывод о существовании среди верующих, исповедующих ислам, двух основных форм религиозной идентичности: нормативно-конфессиональной и фольклоризированной. Первая форма базируется на знании и рациональной интерпретации догм своей религии, вторая – на вкраплении в интерпретацию нормативной исламской религиозности «народных», фольклорных мотивов, связанных с региональными сказаниями, преданиями, эмоциональными метафорами и суевериями. Нормативно-конфессиональная религиозность более рациональная, трезвая форма религиозного мировоззрения, построенная на каноническом Священном Писании. Эта трезвость и рациональность не мешает формированию социокультурной интеграции и общегражданской идентичности. Фольклоризированная религиозность основана на устных преданиях отдельных религиозных псевдоавторитетов или авторитетов, имеющих признание у узкой группы верующих. Она строится на эмоциональных метафорах, символах и мифах. Преданность местным религиозным авторитетам не оставляет места развитию критического мышления. Фольклоризированная религиозная идентичность формирует специфические синкретичные социосемиотические концептуальные структуры в сознании людей, объединяющие элементы нормативного ислама, местного фольклора, региональных народных суеверий, традиций и обычаев. Эта форма религиозности становится базой развития маргинальной религиозной идентичности, которая препятствует социокультурной интеграции и формированию общегражданской российской идентичности.

Фольклоризированной религиозной идентичности присущ высокий уровень эмоциональной религиозной экзальтации. Он блокирует критичность в отношении оценок архаичных и модернизированных религиозных суеверий. Фольклорная, «народная» интерпретация своей религии приводит с догматическо-конфессиональной точки зрения к формированию религиозных ересей и расколов, а с социологической – служит конфессиональной трансгрессии и препятствует формированию российской общегражданской идентичности. В регионах с неправильным толкованием таких понятий, как «шариат» и «джихад», таких как Республика Дагестан, высок уровень экстремистских настроений, что очень часто проявляется в политической повестке дня Российской Федерации. Кроме того, на Северном Кавказе, а именно в Республике Дагестан, складывается парадоксальная социокультурная ситуация, когда, несмотря на традиционные правила внешнего почитания старших и внешнего проявления в отношении их уважения и почтения, религиозные лидеры среднего и старшего возраста не являются авторитетами для мусульманской молодежи [4, 12, 13, 21], что способствует маргинализации религиозной идентичности и развитию радикализированных форм ислама, блокирующих социокультурную интеграцию и формирование позитивной общегражданской российской идентичности. И кроме того, согласно авторскому опросу, молодые мужчины, исповедующие ислам, во всех исследованных регионах демонстрируют ксенофобские, экстремистские и националистические настроения.

Незнание догматических основ своей религии приводит к развитию многочисленных синкретических культов и суеверий. Так называемая исламская «народная религиозность» подлежит трансгрессии и деформируется со временем в маргинальную религиозную идентичность. Она является опасным социальным явлением в российском обществе, так как представляет собой базу развития антигосударственных оппозиционных настроений, которые могут привести к развитию экстремистских настроений. Исламская маргинальная религиозная идентичность, объединяющая элементы исламской догматики, региональных этнически окрашенных обрядов и ритуалов, бытовых локальных суеверий, препятствует социальной и социокультурной интеграции российских регионов и затрудняет или даже блокирует формирование общегражданской российской идентичности, деформирует общероссийский патриотический дискурс и является источником аккумуляции оппозиционных смыслов и экстремистских настроений в обществе.

Настоящее исследование имеет широкие перспективы дальнейшего анализа. Изучение типов и видов религиозной идентичности можно в дальнейшем провести с дискурсивной точки зрения, выявив специфику, динамику формирования и иерархию политического, мифологического, художественного, идеологического, философского дискурсов в православии и исламе в Российской Федерации и влияние дискурсивной специфики на социокультурную интеграцию и формирование общегражданской российской идентичности.

Список литературы

1. Аринин Е. И., Маркова Н. М. Философия религиозности: академическое введение в основные концепции и термины. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. 154 с.
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. В. В. Земсковой ; под ред. Д. Ю. Куракина. М. : Элементарные формы, 2018.
3. Бичарова М. М. Репрезентация концептов «религиозная идентичность» и “religious identity” в российской и западной лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 4. С. 147–155.
4. Юрасов И. А., Юрасова О. Н. Конфессиональная и религиозная идентичности // Религиоведение. 2020. № 4. С. 99–109.
5. Юрасов И. А., Павлова О. А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности. М. : ИНФРА-М, 2020. 259 с.
6. Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2013. 502 с.
7. Головушкин Д. А. Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1, Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. Вып. 1 (57). С. 87–97.
8. Дробизева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Гражданское общество в России. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalnograjd.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).
9. Мухаметшин Р. М., Кашаф Ш. Р. Наследие мусульманских богословов в фокусе исторического анализа адаптации исламской правовой системы к российским реалиям // Minbar. Islamic Studies. 2022. № 15 (4). С. 763–794.
10. Сайнаков Н. А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97–101.
11. Ярлыкапов А. А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северно-Западного Кавказа // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 59–74.
12. Ярлыкапов А. А., Адиев А. З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаика, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4. С. 59–74.
13. Абдулагатов З. М. «Народный ислам»: особенности социологического анализа // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14, № 3. С. 95–108.
14. Алкадарский А. Народный ислам // Даруль-Фикр. 2020. 19 августа. URL: <https://darulfikr.ru/articles/narodnyj-islam/> (дата обращения: 23.07.2025).
15. Омар З. Народный ислам // Telegraph. URL: <https://telegra.ph/Narodnyj-islam--sintez-islama-iadatov-11-03> (дата обращения: 13.07.2025).
16. Агишев Р. Р. «Народный» ислам в Республике Мордовия: отдельные аспекты религиозного и культурного синкретизма // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 4. С. 101–108.
17. Агишев Р. Р., Баринова О. Н., Манаева И. В. Похоронно-поминальная обрядность татар-мишарей Республики Мордовия // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 1. С. 83–94.
18. Аминев З. Г., Ямаева Л. А. Башкирский ислам. Истоки, эволюция, современное состояние. М. : Триумф, 2020. 224 с.

19. Бареев М. Ю., Агишев Р. Р. Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе // Регионология. 2020. Т. 28, № 2. С. 303–321.
20. Гусева Ю. Н. Суфийские братства, «Бродячие муллы» и «Святые места» Среднего Поволжья в 1950–1960-е годы как проявления «Неофициального ислама» // Исламоведение. 2013. № 2. С. 36–43.
21. Шафиков И. Ф., Хамидов Е. Н. «Суфизм» и «народный ислам»: дискурс и восприятие в конце XIX начале XX вв. // Историческая этнология. 2023. Т. 8, № 1. С. 33–46.
22. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.
23. Hammond P. Slavery, terrorism and Islam // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/slaveryterrorism-and-islam-the-historical-roots-and-contemporary-threat-peter-h> (дата обращения: 22.07.2025).
24. Коран / пер. И. Ю. Крачковского // Ставроп. URL: <https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/koran-krachkovskiy.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

References

1. Arinin E.I., Markova N.M. *Filosofiya religioznosti: akademicheskoye vvedeniye v osnovnyye kontseptsii i terminy = Philosophy of religiosity: an academic introduction to basic concepts and terms*. Vladimir: Izd-vo Vladim. gos. un-ta, 2010:154. (In Russ.)
2. Dyurkgeym E. *Elementarnyye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii = Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia*. Translated from French by V.V. Zemskova; edited by D.Yu. Kurakin. Moscow: Elementarnyye formy, 2018. (In Russ.)
3. Bicharova M.M. Representation of the concepts of “religious identity” and “religious identity” in Russian and Western linguistic cultures. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Theoretical and practical issues*. 2020;13(4):147–155. (In Russ.)
4. Yurasov I.A., Yurasova O.N. Confessional and religious identity. *Religiovedeniye = Religious studies*. 2020;(4):99–109. (In Russ.)
5. Yurasov I.A., Pavlova O.A. *Diskursivnoye issledovaniye pravoslavnoy religioznoy identichnosti = A discursive study of Orthodox religious identity*. Moscow: INFRA-M, 2020:259. (In Russ.)
6. Armstrong K. *Bitva za Boga: Istoriya fundamentalizma: per. s angl. = The Battle for God: History of fundamentalism: translated from English*. Moscow: Alpina non-fikshn, 2013:502. (In Russ.)
7. Golovushkin D.A. Religious fundamentalism/religious modernism: conceptual opponents or ambivalent phenomena? *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1, Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1, Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2015;1(57):87–97. (In Russ.)
8. Drobizheva L.M. National-civil and ethnic identity: issues of positive compatibility. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii = Civil society in Russia*. (In Russ.). Available at: <https://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalnograd.pdf> (accessed 13.07.2025).
9. Mukhametshin R.M., Kashaf Sh.R. The legacy of Muslim theologians in the focus of a historical analysis of the adaptation of the Islamic legal system to Russian realities. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;(15):763–794. (In Russ.)

10. Saynakov N.A. Marginality as a concept: methodological perspectives in historical research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2013;(375):97–101. (In Russ.)
11. Yarlykapov A.A. “People’s Islam” and Muslim youth of the Central and North-Western Caucasus. *Etnograficheskoye obozreniye = Ethnographic review*. 2006;(2):59–74. (In Russ.)
12. Yarlykapov A.A., Adiyev A.Z. Islam in the North Caucasus: re-islamization, mosaicism, the issue of “traditionality”. *Islamovedeniye = Islam studies*. 2021;12(4):59–74. (In Russ.)
13. Abdulagatov Z.M. “People’s Islam”: features of sociological analysis. *Istoriya, arkhheologiya i etnografiya Kavkaza = History, archeology, and ethnography of the Caucasus*. 2018;14(3):95–108. (In Russ.)
14. Alkadarskiy A. People’s Islam. *Darul-Fikr*. 2020; 19 August. (In Russ.). Available at: <https://darulfikr.ru/articles/narodnyj-islam/> (accessed 23.07.2025).
15. Omar Z. People’s Islam. *Telegraph*. (In Russ.). Available at: <https://telegra.ph/Narodnyj-islam--sintez-islama-iadatov-11-03> (accessed 13.07.2025).
16. Agishev R.R. People’s Islam in the Republic of Mordovia: certain aspects of religious and cultural syncretism. *Islamovedeniye = Islam studies*. 2019;10(4):101–108. (In Russ.)
17. Agishev R.R., Barinova O.N., Manayeva I.V. Funeral and memorial rites of the Mishar Tatars of the Republic of Mordovia. *Islamovedeniye = Islam studies*. 2021;12(1):83–94. (In Russ.)
18. Aminev Z.G., Yamayeva L.A. *Bashkirskiy islam. Istoki, evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye = Bashkir Islam. Origins, evolution, current state*. Moscow: Triumph, 2020:224. (In Russ.)
19. Bareyev M.Yu., Agishev R.R. Regional features of some traditions and customs in modern Islam. *Regionologiya = Regional studies*. 2020;28(2):303–321. (In Russ.)
20. Guseva Yu.N. Sufi brotherhoods, “Wandering Mullahs” and “Holy Places” of the Middle Volga region in the 1950s – 1960s as manifestations of “Unofficial Islam”. *Islamovedeniye = Islam studies*. 2013;(2):36–43. (In Russ.)
21. Shafikov I.F., Khamidov E.N. “Sufism” and “folk Islam”: discourse and perception in the late 19th and early 20th centuries. *Istoricheskaya etnologiya = Historical ethnology*. 2023;8(1):33–46. (In Russ.)
22. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar russkoy kultury. 3-e izd., ispr. i dop. = Constants: dictionary of Russian culture: The 3rd edition, revised and supplemented*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004:992. (In Russ.)
23. Hammond P. Slavery, terrorism and Islam. *Internet Archive*. Available at: <https://archive.org/details/slaveryterrorism-and-islam-the-historical-roots-and-contemporary-threat-peter-h> (accessed 22.07.2025).
24. *Koran*. Translated by I.Yu. Krachkovsky. *Stavros*. (In Russ.). Available at: <https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/koran-krachkovskiy.pdf> (accessed 13.07.2025).

Информация об авторах / Information about the authors

Людмила Николаевна Мордишева

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента
и государственного управления,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: mordisheva@bk.ru

Ludmila N. Mordisheva

Candidate of sociological sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of management
and public administration, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Игорь Алексеевич Юрасов

доктор социологических наук,
профессор, профессор кафедры
менеджмента и государственного
управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: jurassow@yandex.ru

Igor A. Yurasov

Doctor of sociological sciences, professor,
professor of the sub-department
of management and public administration,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Дарья Михайловна Тимохина

старший лаборант кафедры менеджмента
и государственного управления,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: daria.timokhina03@mail.ru

Daria M. Timokhina

Senior laboratory assistant of the
sub-department of management and public
administration, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Юлия Рафаильевна Луканина

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: kaneeva58@yandex.ru

Yulia R. Lukanina

Candidate of sociological sciences,
senior researcher, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.08.2025

Принята к публикации / Accepted 06.09.2025

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-2

**Адаптация иностранных студентов различных
этноконфессиональных групп в условиях
российского регионального вуза
(на примере Национального исследовательского
Мордовского государственного университета
имени Н. П. Огарева)**

М. Ю. Бареев¹, С. В. Полутин², Д. Ф. Иброхимов³

^{1,2,3}Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

¹bareevmaksim@rambler.ru, ²polutin.sergei@yandex.ru,

³depart-soc-scienc@isi.mrsu.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования обусловлена ростом числа иностранных студентов в российских вузах и необходимостью изучения их адаптации к новым условиям жизни и учебы. Процессы глобализации и образовательной миграции актуализируют вопросы языковых, культурных и социальных барьеров, влияющих на интеграцию студентов. Цель работы – по результатам исследования выявить ключевые факторы, влияющие на адаптацию иностранных студентов в Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева (Республика Мордовия), включая языковые навыки, бытовые условия, академические трудности и социальную интеграцию. *Материалы и методы.* Работа основана на социологическом исследовании «Адаптация иностранных студентов в МГУ им. Н. П. Огарева», проведенном авторами в апреле – мае 2025 г. В анкетном онлайн-опросе приняли участие 152 иностранных студента. *Результаты.* Выявлены основные трудности адаптации: языковые барьеры, проблемы с оплатой обучения, академические сложности (особенно сдача сессии), а также неудовлетворительные бытовые условия для части студентов. Большинство студентов обучаются на коммерческой основе, выбирают Мордовию по рекомендациям знакомых или случайно и проживают в общежитиях. *Выводы.* Исследование показало, что успешная адаптация зависит от уровня владения русским языком, качества университетской поддержки и условий проживания. Полученные данные могут быть полезны для совершенствования программ адаптации иностранных студентов.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация, Республика Мордовия, языковой барьер, культурная интеграция, бытовые условия, академические трудности

Для цитирования: Бареев М. Ю., Полутин С. В., Иброхимов Д. Ф. Адаптация иностранных студентов различных этноконфессиональных групп в условиях российского регионального вуза (на примере Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 29–42. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-2

Adaptation of foreign students of various ethno-confessional groups in the conditions of a Russian regional university (by the example of Ogarev Mordovian State University)

M.Yu. Bareev¹, S.V. Polutin², D.F. Ibrokhimov³

^{1,2,3}National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

¹bareevmaksim@rambler.ru, ²polutin.sergei@yandex.ru,

³depart-soc-scienc@isi.mrsu.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the study is due to the growing number of international students in Russian universities and the need to study their adaptation to new living and study conditions. The processes of globalization and educational migration have highlighted the issues of language, cultural, and social barriers that affect the integration of students. The purpose of the study is to identify the key factors that influence the adaptation of international students at Ogarev Mordovia State University, including language skills, living conditions, academic difficulties, and social integration, based on the results of a pilot study. *Materials and methods.* The article is based on a sociological study “Adaptation of International Students at Ogarev Mordovia State University” conducted by the authors in April – May 2025. A total of 152 international students participated in an online questionnaire survey as part of a targeted sample. *Results.* The main difficulties of adaptation were identified: language barriers, problems with tuition fees, academic difficulties (especially passing the exam), and unsatisfactory living conditions for some students. Most students study on a commercial basis, choose Mordovia based on recommendations from friends or by chance, and live in dormitories. *Conclusions.* The study showed that successful adaptation depends on the level of Russian language proficiency, the quality of university support, and living conditions. The obtained data can be useful for improving the adaptation programs for international students.

Keywords: foreign students, adaptation, Republic of Mordovia, language barrier, cultural integration, living conditions, academic challenges

For citation: Bareev M.Yu., Polutin S.V., Ibrokhimov D.F. Adaptation of foreign students of various ethno-confessional groups in the conditions of a Russian regional university (by the example of Ogarev Mordovian State University). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):29–42. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-2

Введение

Россия, известная своими престижными вузами и доступным образованием, привлекает студентов с разным культурным, языковым и образовательным опытом. Такие регионы, как Центральная Азия, Ближний Восток и Индия, традиционно всегда выбирали нашу страну для получения высшего образования. В последние годы доля иностранных студентов из этих стран в российских вузах значительно увеличилась, что, безусловно, актуализирует изучение адаптации студентов к новым условиям жизни.

Число обучающихся в Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева иностранных студентов выросло на 39 % с момента старта участия вуза в программе «Приоритет-2030». Об этом ТАСС сообщил

ректор университета Д. Е. Глушко. Он также отметил, что в университете построена система адаптации иностранных студентов, проводятся мероприятия, которые помогают раскрыть потенциал каждого студента [1].

Адаптация к жизни и учебе в новой стране сопряжена с многочисленными трудностями, включая языковые барьеры, культурные различия, адаптацию к учебе и социальную интеграцию. Понимание процесса адаптации иностранных студентов в российских вузах имеет решающее значение для повышения их успеваемости, психологического благополучия и общей удовлетворенности. В данной статье рассматриваются ключевые факторы, влияющие на их адаптацию, включая систему университетской поддержки, межкультурную коммуникацию, качество бытовых условий. Изучая эти аспекты, авторы стремились предоставить информацию, которая могла бы помочь учебным заведениям усовершенствовать свои стратегии по приему и поддержке иностранных студентов.

Изучение адаптации иностранных студентов к условиям зарубежных вузов представляет собой междисциплинарную область, объединяющую социологию, психологию, педагогику и культурологию. Классические социологические подходы заложили фундамент для анализа процессов интеграции. П. Бурдье и Ж.-К. Пассерон подчеркивали роль культурного капитала, определяемого как совокупность знаний, навыков, социальных связей и культурных норм, необходимых для успешной учебы и интеграции в академическую среду [2]. Для иностранных студентов культурный капитал часто ограничен из-за различий в образовательных системах и социокультурных контекстах, что усложняет их адаптацию. Э. Дюркгейм акцентировал значение социальной интеграции, рассматривая ее как механизм предотвращения аномии и отчуждения в новых условиях. Его идеи применимы и к иностранным студентам, которые сталкиваются с разрывом социальных связей при переезде в другую страну [3].

Современные исследования углубляют понимание адаптационных процессов. Дж. Андраде в своих работах показал, что владение языком принимающей страны является критическим фактором академической успеваемости. Недостаточное знание языка приводит к трудностям в усвоении лекционного материала, выполнении заданий и взаимодействии с преподавателями и однокурсниками [4]. К. Уорд, С. Бочнер и А. Фурнхэм исследовали феномен культурного шока, выделяя его этапы: начальная эйфория, кризис идентичности, адаптационная фрустрация и постепенное восстановление. Они подчеркивают, что психологическое благополучие студентов напрямую влияет на их академические результаты [5].

Б. Тернер, анализируя религию и общество, акцентировал важность культурных контекстов в процессах интеграции мигрантов, включая студентов. Его подход к изучению межкультурной коммуникации в университетской среде помогает понять, как иностранные студенты выстраивают отношения с местным сообществом, преодолевая барьеры стереотипов и предубеждений [6].

Адаптация иностранных студентов к университетской жизни предполагает сложную психологическую, культурную, социальную и академическую адаптацию. Для изучения этого процесса используются различные теоретические и методологические подходы. Ниже представлен обзор ключевых теорий и методов исследования, используемых в этой области.

Модель аккультурации, предложенная Дж. Берри [7], рассматривает стратегии, используемые иностранными студентами (ассимиляция, интеграция, разделение, маргинализация) при адаптации к новой культурной среде. Проверку валидности модели Дж. Берри в российских условиях проводят З. Х. Лепшкова и А. Н. Татарко, где корректировка некоторых шкал позволяет точнее измерять установки местного населения к студентам-мигрантам, что важно для выработки более эффективной программы межкультурной адаптации студентов [8].

Применимость теории согласования идентичности (Identity Negotiation Theory, INT) Стеллы Тинг-Туми [9, р. 71–92] в подготовке студентов высших учебных заведений к программам обучения за рубежом представлена в работе Т. Рога [10], в ней автор дает анализ результатов опроса, проведенного среди польских студентов, участвующих в одной из программ обучения за рубежом. В ходе исследования выясняется, какая часть студентов является «осознанными межкультурными коммуникаторами» в соответствии с критериями, изложенными в INT. Исследование выявляет наиболее значимые потребности студентов во время пребывания в стране с другой культурой, а также направлено на поиск решений возможных проблем, связанных с этим.

На адаптацию иностранных студентов, согласно теории самодетерминации (Self-determination theory, SDT), разработанной Эдвардом Л. Деси и Ричардом М. Райаном [11], влияет удовлетворение их социально-психологических потребностей, таких как самоидентификация, получение компетенций и потребности во взаимодействии с другими людьми.

Российская социологическая традиция также вносит значительный вклад в изучение адаптации. Л. В. Воронцова, С. Б. Филатов и Д. Е. Фурман анализировали ценностные ориентации в постсоветском обществе, подчеркивая роль этнокультурных факторов в формировании идентичности и интеграции. Их исследования показывают, что этническая принадлежность может как способствовать, так и препятствовать адаптации в многонациональной среде [12]. А. В. Акимова и О. В. Хабарова изучали адаптацию студентов из стран СНГ в российских вузах, выявляя языковые барьеры, административные сложности (например, оформление виз и регистрация) и проблемы социального включения. Они отмечают, что студенты из постсоветских стран имеют преимущества благодаря схожим образовательным системам, но все же сталкиваются с культурными различиями [13].

Методику «Самооценки психологической адаптивности» иностранных студентов использует М. Н. Вишневская. Автор сравнивает различные показатели адаптивности студентов-туркменов, обучающихся в Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева, диагностируя

низкие показатели адаптивности большинства из них. В работе подчеркивается важность вовлечения иностранных студентов во внеаудиторную деятельность, привлечения к научно-исследовательской работе. По мнению М. Н. Вишневецкой, данная практика может сделать адаптацию иностранных студентов более эффективной [14].

Особенности адаптации студентов к социокультурной среде отражены в работах В. И. Чиркова [15], где выделяются индивидуальные факторы адаптации, связанные с личностными особенностями (открытость, стрессоустойчивость), а также социокультурные – поддержка семьи, взаимодействие с преподавателями и одногруппниками, языковой барьер, различия в ценностях и нормах.

Е. А. Коваль и С. Г. Ушкин исследовали социокультурную адаптацию студентов в Мордовии, акцентируя роль межэтнических взаимодействий в создании толерантной среды. Их выводы о гармоничных межэтнических отношениях в регионе могут быть применены к анализу интеграции иностранных студентов в Мордовии [16]. И. В. Артюхина анализировала влияние университетских программ поддержки, таких как языковые курсы, культурные фестивали и менторские инициативы, на адаптацию студентов. Она подчеркивает, что такие программы способствуют социальной сплоченности и снижению чувства изоляции [17].

Адаптацию как сложный процесс, включающий приспособление к новой образовательной системе, усвоение культурных норм и ценностей, формирование социальных связей, рассматривает М. Ю. Айбазова [18]. В ее работе использованы анкетирование и интервью с иностранными студентами, анализ статистических данных по успеваемости и вовлеченности, а также сравнение адаптационных стратегий в разных вузах. Автор делает акцент на том, что успешная адаптация иностранных студентов способствует не только их академической успеваемости, но и укреплению международного имиджа российского образования.

Несмотря на обилие работ по рассматриваемой теме, исследования, посвященные адаптации иностранных студентов в региональных вузах, представлены незначительно, большинство работ сосредоточены на крупных мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург), где инфраструктура и культурная среда существенно отличаются от региональных центров. Региональные особенности, включая ограниченную инфраструктуру, локальные культурные нормы и меньшую интернационализацию кампусов, требуют отдельного внимания.

Цель статьи – на основе социологического исследования определить ключевые факторы, влияющие на адаптацию иностранных студентов в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете (МГУ) им. Н. П. Огарева (Республика Мордовия), включая языковые, академические, бытовые и социальные аспекты.

Материалы и методы

В статье использовались материалы социологического исследования «Адаптация иностранных студентов в МГУ им. Н. П. Огарева», проведенного авторами в апреле – мае 2025 г. Данные, полученные в ходе опроса, позволили не только оценить уровень вовлеченности студентов в учебный процесс, но и выявить основные трудности, связанные с языковыми, бытовыми и социальными аспектами адаптации. В качестве метода сбора социологической информации выступал онлайн-опрос, проведенный с помощью инструмента Yandex Forms. Выборка является целевой, где общий объем выборочной совокупности составил 152 чел.

В рамках данной выборки осуществлялся направленный отбор респондентов – иностранных студентов МГУ им. Н. П. Огарева в возрасте 18–35 лет, преимущественно из стран Центральной Азии, Ближнего Востока и Индии.

Обработка полученных данных осуществлялась в программе Microsoft Excel 2021. При обработке использовались как одномерные, так и двумерные распределения признаков.

Результаты

Результаты пилотажного исследования, проведенного в МГУ им. Н. П. Огарева в апреле – мае 2025 г., подчеркивают многоаспектный характер адаптации иностранных студентов к условиям жизни и учебы в российском региональном вузе. Ключевые факторы, влияющие на этот процесс, включают языковые навыки, финансовую стабильность, академическую поддержку, бытовые условия и административные процедуры.

Финансовые барьеры играют значительную роль, о чем свидетельствует тот факт, что 42 % в той или иной степени сталкиваются с проблемами оплаты обучения, из них 38 % – с эпизодическими, а 4 % – с серьезными трудностями (рис. 1).

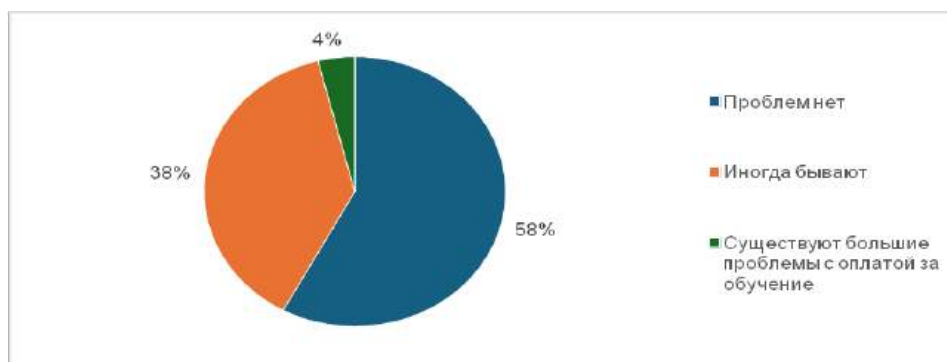

Рис. 1. Ответы на вопрос анкеты «Существуют ли у Вас проблемы с оплатой за обучение?» ($n = 152$)

Эти результаты согласуются с выводами А. В. Акимовой и О. В. Хабаровой, которые отмечали, что финансовые трудности усиливают стресс и

снижают мотивацию студентов из стран СНГ [13]. Для региональных вузов, где доступ к бюджетным местам ограничен, это подчеркивает необходимость разработки финансовых инструментов поддержки, таких как стипендии, гранты или гибкие системы оплаты.

При этом нельзя не отметить позитивную роль, которую играют иностранные студенты в экономике и демографии регионов, в которых они обучаются. Согласно данным проведенного исследования, около 9 % уже работают в Мордовии, примерно столько же планируют остаться здесь после окончания учебы. Также иностранные студенты тратят сравнительно небольшие деньги внутри региона, формируя дополнительный потребительский спрос. Так, средний расход на питание иностранными студентами в Мордовии составляет около 20 тыс. руб. ежемесячно, около 300 руб. составляют их средневзвешенные ежедневные транспортные расходы в будние дни. Вообще, если посчитать все расходы, то среднестатистический иностранный студент в регионе ежемесячно тратит не менее 35 тыс. руб.

Языковой барьер остается значительным препятствием в адаптации иностранных студентов, несмотря на то что 65 % студентов обладают высоким уровнем владения русским языком, 34 % – базовым и лишь 1 % – очень слабым (рис. 2).

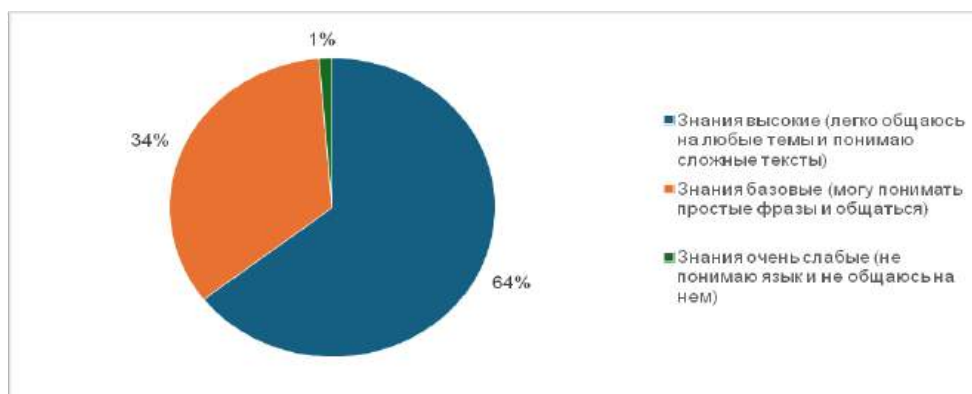

Рис. 2. Ответы на вопрос анкеты «Как Вы оцениваете свои знания и владение русским языком?» ($n = 152$)

Студенты с ограниченными языковыми навыками чаще испытывают трудности при прослушивании и конспектировании лекций (29 %) и сдаче сессии (34 %) (рис. 3). Это подтверждает выводы Дж. Андраде о прямой зависимости академической успеваемости от языковой компетентности [4]. Корреляционный анализ показал достаточно хорошую корреляцию (0.65) между высоким уровнем владения языком и меньшим количеством академических проблем, что указывает на необходимость усиления подготовительных языковых курсов. Как отмечала И. В. Артюхина, языковые клубы и tandemное обучение могли бы способствовать языковой интеграции [17].

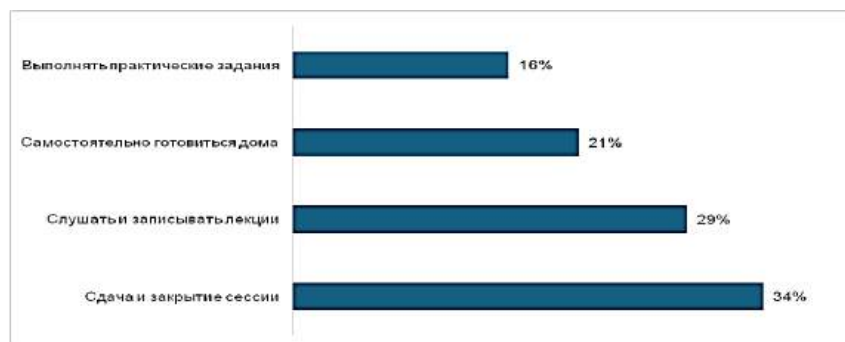

Рис. 3. Ответы на вопрос анкеты «Что для Вас дается наиболее трудно в процессе обучения?» ($n = 152$)

Академические трудности, связанные со сдачей сессии и конспектированием лекций, отражают не только языковые барьеры, но и различия в образовательных системах. Студенты из Центральной Азии и Индии, составляющие основную часть выборки, часто сталкиваются с непривычными методами преподавания и строгими академическими требованиями. Это согласуется с наблюдениями К. Уорда о влиянии культурного шока на адаптацию [5]. Введение менторских программ, консультаций по академическим навыкам и адаптированных учебных материалов могло бы смягчить эти проблемы, как рекомендовалось в исследованиях по межкультурной адаптации [17].

Бытовые условия в общежитиях, где проживает 85 % студентов (рис. 4), вызывают недовольство у значительной части респондентов: 47 % оценили их как средние с мелкими проблемами, а 19 % – как плохие (рис. 5). Эти данные подтверждают выводы К. Уорда о том, что неудовлетворительные условия проживания негативно влияют на психологическое благополучие [5]. Проблемы с санитарией, доступом к Интернету и общей инфраструктурой общежитий могут усиливать чувство изоляции, особенно для студентов из стран с более развитыми бытовыми стандартами. Модернизация общежитий и создание культурно-досуговых пространств, как предлагали Е. А. Коваль и С. Г. Ушкин в контексте межэтнической интеграции в мордовских вузах [16], могли бы улучшить качество жизни студентов.

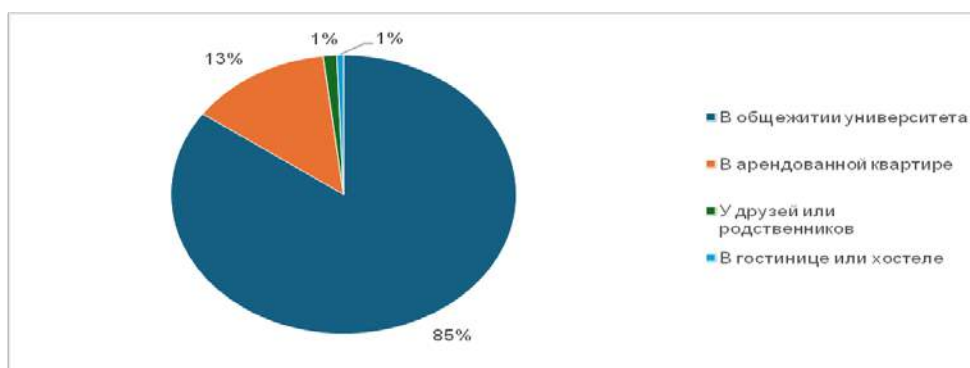

Рис. 4. Ответы на вопрос анкеты «Где Вы проживаете во время обучения в Мордовии?» ($n = 152$)

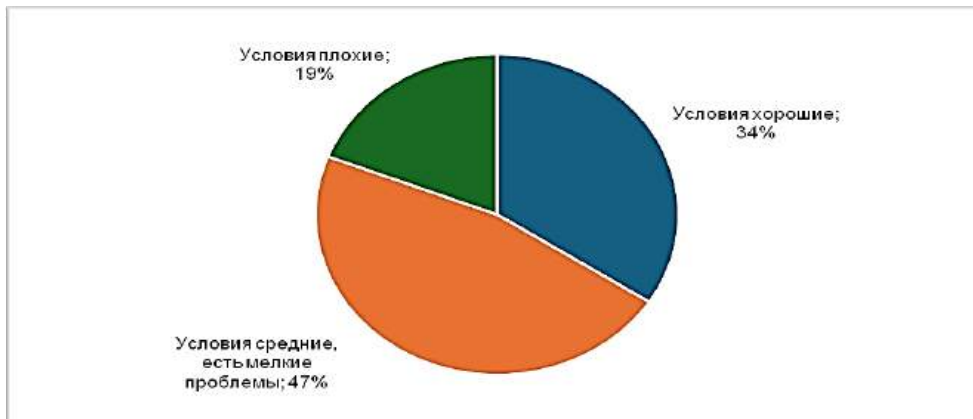

Рис. 5. Ответы на вопрос анкеты «Как Вы оцениваете условия проживания в общежитии?» ($n = 152$)

Административные барьеры, такие как проблемы с получением визы, указанные 17 % респондентами (рис. 6), также осложняют адаптацию. Это перекликается с исследованиями А. В. Акимовой, где подчеркивалась необходимость упрощения визовых процедур [13]. Создание специализированного отдела для помощи с визовыми и регистрационными вопросами могло бы снизить административную нагрузку на студентов.

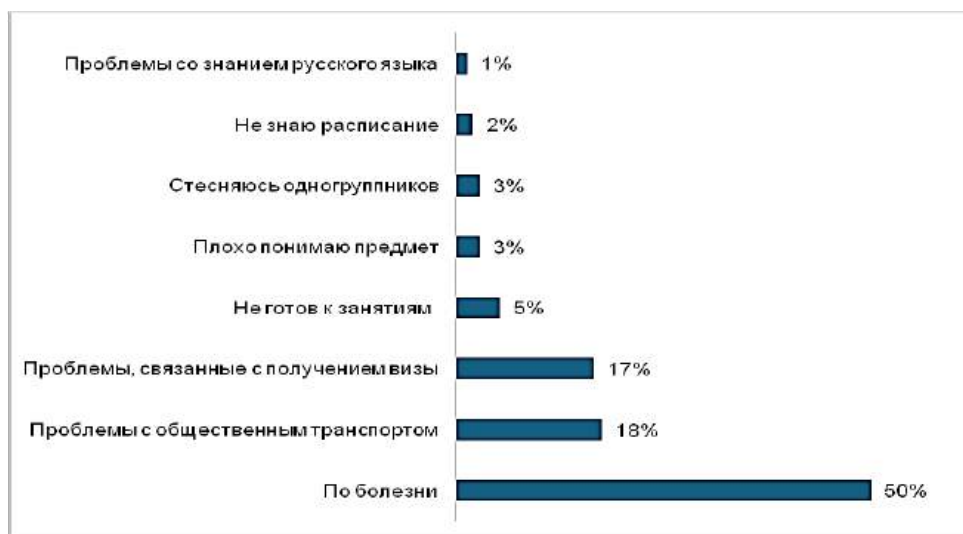

Рис. 6. Ответы на вопрос анкеты «Назовите причины, по которым Вам приходится пропускать занятия» ($n = 152$)

Социальная интеграция варьируется в зависимости от региона происхождения и пола. Студенты из Центральной Азии чаще выбирали Мордовию по рекомендациям знакомых, что указывает на наличие поддерживающих социальных сетей, тогда как индийские студенты чаще делали случайный выбор (55 % от 43 ответов). Женщины чаще отмечали стеснение перед одно-

группниками как причину пропуска занятий, что может быть связано с культурными нормами. Организация межэтнических фестивалей и культурных мероприятий, как рекомендовала И. В. Артюхина [17], могла бы способствовать социальной сплоченности.

Несмотря на выявленные трудности, 58 % студентов выразили удовлетворенность поддержкой университета, включая языковые курсы и культурные мероприятия. Это свидетельствует о потенциале существующих программ, который можно расширить через регулярные консультации с преподавателями и создание студенческих клубов по интересам, как предлагалось в исследованиях региональной адаптации [16]. Пропуски занятий по болезни (см. рис. 6) указывают на необходимость улучшения медицинской поддержки, особенно для студентов, адаптирующихся к новому климату.

Полученные данные подчеркивают необходимость комплексного подхода к адаптации иностранных студентов. Улучшение языковой подготовки, модернизация общежитий, упрощение административных процедур и усиление социальной поддержки могут повысить их удовлетворенность и академическую успеваемость. Эти рекомендации согласуются с выводами П. Бурдые о роли институциональной поддержки в преодолении барьеров культурного капитала [2]. Результаты исследования могут быть использованы администрацией высших учебных заведений для разработки целевых программ адаптации и служить основой для более масштабных исследований в других региональных вузах России.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, можно констатировать, что адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в российском региональном вузе представляет собой сложный и многоаспектный процесс. В целом наблюдается достаточно высокий уровень восприятия студентами необходимости интеграции в академическую и социальную среду, однако языковые, финансовые, бытовые и административные барьеры существенно затрудняют этот процесс. В частности, значительное влияние оказывают уровень владения русским языком, финансовые возможности, качество условий проживания и доступность университетской поддержки, что подтверждается результатами анализа данных.

Таким образом, основные вызовы – языковые барьеры, финансовые ограничения и недостаточная инфраструктура – остаются актуальными, что указывает на необходимость системных изменений в подходах к поддержке иностранных студентов.

Результаты исследования вносят вклад в развитие научных представлений о процессах адаптации иностранных студентов в российских вузах, особенно в региональном контексте. Материалы статьи могут быть использованы при разработке образовательных программ для сотрудников международных отделов вузов, а также при создании адаптационных курсов для иностранных студентов, затрагивающих вопросы языковой подготовки, ака-

демических навыков и межкультурной коммуникации. При этом более детального изучения требуют аспекты социальной интеграции, включая влияние этнокультурных особенностей на взаимодействие студентов с местным сообществом, а также гендерные различия в восприятии адаптационных барьеров.

Дальнейшая перспектива подобных научных изысканий видится в переходе с локального на межрегиональный уровень, охватывающий вузы Приволжского федерального округа. Исследование адаптации иностранных студентов не только в Мордовии, но и в других регионах с высокой долей образовательной миграции, таких как Татарстан, Башкортостан или Самарская область, позволило бы выявить общие тенденции и региональные особенности. Это могло бы способствовать разработке единой стратегии поддержки иностранных студентов на уровне федерального округа, учитывающей языковые, культурные и инфраструктурные факторы.

Список литературы

1. В Мордовском госуниверситете число иностранных студентов выросло на 39 % // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23167393>
2. Bourdieu P., Passeron J.-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London : Sage Publications, 1990. 256 p.
3. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*. New York : Free Press, 1995. 464 p.
4. Andrade J. Language Proficiency and Academic Success of International Students // *Journal of International Education*. 2018. № 24 (3). P. 215–230. URL: <https://doi.org/10.1080/09575079.2018.1456789>
5. Ward C., Bochner S., Furnham A. *The Psychology of Culture Shock*. London : Routledge, 2001. 368 p.
6. Turner B. S. *Religion and Modern Society. Citizenship, Secularisation and the State*. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 344 p. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975660>
7. Berry J. W., Sam D. L. Acculturation and adaptation // *Handbook of cross-cultural psychology. Social behavior and applications* / ed. by J. W. Berry, M. H. Segall, C. Kagitcibasi. Boston : Allyn and Bacon, 1997. P. 291–326.
8. Лепшокова З. Х., Татарко А. Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Бери // *Социальная психология и общество*. 2017. Т. 8, № 3. С. 125–146. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.20170803010>
9. Ting-Toomey S., Gudykunst W. B. *Theorizing about intercultural communication*. Newbury Park, CA : Sage, 2005. 480 p.
10. Rog T. Preparing Tertiary Students for Study Abroad Programs – The Identity Negotiation Perspective // *Issues in Teaching, Learning and Testing Speaking in Second Language* / ed. by M. Pawlak, E. Waniek-Klimczak. New York : Springer, 2015. P. 69–82. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-642-38339-7_5
11. Deci E. L., Ryan R. M. *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. New York : Plenum Publishing Co, 1985. 371 p. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4899-2271-7>

12. Воронцова Л. В., Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 81–91. URL: <http://krotov.info/history/20/tarabuk/1995voro.html> (дата обращения: 01.06.2025).
13. Акимова А. В., Хабарова О. В. Адаптация студентов из стран СНГ в российских вузах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 412–425. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-412-425>
14. Вишневская М. Н. Особенности адаптации иностранных студентов к процессу обучения в российском вузе // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 2. URL: <https://doi.org/10.15862/63PSMN220>
15. Chirkov V. An introduction to the theory of sociocultural models // Asian Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 23, № 2. P. 143–162. doi:10.1111/ajsp.12381
16. Коваль Е. А., Ушкин С. Г. Социокультурная адаптация в межэтнической среде Мордовии // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 4. С. 650–670. URL: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.030.202204.650-670>
17. Артюхина И. В. Роль университетских программ в адаптации иностранных студентов // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 88–97. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-97>
18. Айбазова М. Ю. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 117–121. URL: <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-34-117-121>

References

1. The number of foreign students at Mordovia State University has increased by 39 %. *Informatsionnoye agentstvo TASS = TASS News Agency*. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/23167393>
2. Bourdieu P., Passeron J.-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage Publications, 1990:256.
3. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*. New York: Free Press, 1995:464.
4. Andrade J. Language Proficiency and Academic Success of International Students. *Journal of International Education*. 2018;(24):215–230. Available at: <https://doi.org/10.1080/09575079.2018.1456789>
5. Ward C., Bochner S., Furnham A. *The Psychology of Culture Shock*. London: Routledge, 2001:368.
6. Turner B.S. *Religion and Modern Society. Citizenship, Secularisation and the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011:344. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975660>
7. Berry J.W., Sam D.L. Acculturation and adaptation. *Handbook of cross-cultural psychology. Social behavior and applications*. Boston: Allyn and Bacon, 1997:291–326.
8. Lepshokova Z.Kh., Tatarko A.N. Adaptation and modification of John Berry's acculturation expectations method. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*. 2017;8(3):125–146. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.17759/sps.20170803010>
9. Ting-Toomey S., Gudykunst W.B. *Theorizing about intercultural communication*. Newbury Park, CA: Sage, 2005:480.
10. Rog T. Preparing Tertiary Students for Study Abroad Programs – The Identity Negotiation Perspective. *Issues in Teaching, Learning and Testing Speaking in Second Language*. New York: Springer, 2015:69–82. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-642-38339-7_5

11. Deci E.L., Ryan R.M. *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. New York: Plenum Publishing Co, 1985:371. Available at: <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4899-2271-7>
12. Vorontsova L.V., Filatov S.B., Furman D.E. Religion in modern mass consciousness. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 1995;(11):81–91. (In Russ.). Available at: <http://krotov.info/history/20/tarabuk/1995voro.html> (accessed 01.06.2025).
13. Akimova A.V., Khabarova O.V. Adaptation of students from CIS countries to Russian universities. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 2020;20(3):412–425. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-412-425>
14. Vishnevskaya M.N. Peculiarities of adaptation of foreign students to the educational process at the Russian university. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = The World of Science. Pedagogy and psychology*. 2020;(2). (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.15862/63PSMN220>
15. Chirkov V. An introduction to the theory of sociocultural models. *Asian Journal of Social Psychology*. 2020;23(2):143–162. doi: 10.1111/ajsp.12381
16. Koval E.A., Ushkin S.G. Sociocultural adaptation in the interethnic environment of Mordovia. *Regionologiya = Regional studies*. 2022;30(4):650–670. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.030.202204.650-670>
17. Artyukhina I.V. The role of university programs in the adaptation of international students. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2021;30(5):88–97. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-97>
18. Aybazova M.Yu. Sociocultural adaptation of foreign students to the conditions of study in Russian universities. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya = Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities*. 2022;(1):117–121. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-34-117-121>

Информация об авторах / Information about the authors

Максим Юрьевич Бареев

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии
и социальной работы, Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет
имени Н. П. Огарева (Россия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68)

E-mail: bareevmaksim@rambler.ru

Maxim Yu. Bareev

Candidate of sociological sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of sociology
and social work, National Research
Ogarev Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

Сергей Викторович Полутин

доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
социологии и социальной работы,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68)

E-mail: polutin.sergei@yandex.ru

Sergey V. Polutin

Doctor of sociological sciences, professor,
head of the sub-department of sociology
and social work, National Research
Ogarev Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

Диербек Файзулло угли Иброхимов

магистрант кафедры социологии
и социальной работы, Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университета
имени Н. П. Огарева (Россия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68)

E-mail: depart-soc-scienc@isi.mrsu.ru

Diyerbeck F. Ibrokhimov

Master's degree student of the sub-
department of sociology and social work,
National Research Ogarev Mordovia State
University (68 Bolshevistskaya street,
Saransk, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 02.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.08.2025

Принята к публикации / Accepted 02.09.2025

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-3

Доверие молодежи медиа-источникам получения политической информации

Л. В. Рожкова¹, А. Ш. Дубина², Д. В. Марков³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹mamaeva_lv@mail.ru, ²misurin@bk.ru, ³daniil.marcov@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Доверие к средствам массовой информации – ключевой компонент медийной среды. Оно связано с выбором источников информации, определением приоритетных из них, на основе которых выстраивается мнение молодежи о политических событиях, формируются различные политические позиции. Медиа-поведение молодежи имеет свои особенности, что обусловлено ее социально-психологическими характеристиками, особым статусом, высокой активностью в социальных сетях. В работе проводится социологический анализ доверия современной молодежи различным медиа-источникам политической информации. *Материалы и методы.* Исследование доверия к источникам политической информации со стороны молодежи основано на данных Всероссийского центра изучения общественного мнения, Исследовательской группы «Циркон», Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», материалах массовых опросов среди молодежи Пензенской, Саратовской и Тюменской областей (2024 г.), данных фокус-групповых дискуссий среди студентов г. Пензы (2025 г.). *Результаты.* Были выявлены ключевые источники новостей для молодежи, а также уровень доверия традиционным и новым источникам. *Выводы.* Среди молодежи наблюдается невысокая распространенность телевизионного потребления, небольшая доля молодых респондентов следит за политическими новостями по федеральным каналам телевидения. Большая доля молодых респондентов рассматривает официальные средства массовой информации, Telegram-каналы как важный источник получения политической информации. Доверие к соцсетям и блогерам в целом ниже, чем к новостным сайтам и официальным каналам, но они играют роль в распространении мнений и оперативных новостей. Получают распространение чаты GPT в получении политической информации в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, внешняя политика, медиа, информация, ценности, доверие

Для цитирования: Рожкова Л. В., Дубина А. Ш., Марков Д. В. Доверие молодежи медиа-источникам получения политической информации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 43–53. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-3

Youth's trust in media sources of political information

L.V. Rozhkova¹, A.Sh. Dubina², D.V. Markov³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹mamaeva_lv@mail.ru, ²misurin@bk.ru, ³daniil.marcov@gmail.com

Abstract. *Background.* Trust in the media is a key component of the media environment. It is associated with the choice of sources of information, the identification of priority ones, on the basis of which the opinion of young people about political events is built, and various political positions are formed. The media behavior of young people has its own characteristics, which is due to their socio-psychological characteristics, special status, and high activity on social networks. The article provides a sociological analysis of the trust of modern youth in various media sources of political information. *Materials and methods.* The study of trust in sources of political information among young people is based on data from VTsIOM, Zircon, the National Research University Higher School of Economics, materials from mass surveys among young people in the Penza, Saratov and Tyumen regions (2024), and data from focus group discussions among students in Penza (2025). *Results.* Key news sources for young people were identified, as well as the level of trust in traditional and new sources. *Conclusions.* Television consumption is low among young people, with a small proportion of young respondents following political news on federal television channels. A large proportion of young respondents view official media and Telegram channels as important sources of political information. Trust in social media and bloggers is generally lower than in news websites and official channels, but they play a role in disseminating opinions and breaking news. GPT chats are becoming increasingly popular as a source of political information among young people.

Keywords: youth, foreign policy, media, information, values, trust

For citation: Rozhkova L.V., Dubina A.Sh., Markov D.V. Youth's trust in media sources of political information. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):43–53. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-3

Введение

Проблема доверия к источникам политической информации является важной частью политической социализации молодежи. Молодежная аудитория находится на пересечении цифрового медиапотребления и высокой медиаграмотности, что формирует специфику доверия к различным источникам информации [1].

Доверие к средствам массовой информации (СМИ) – ключевой компонент медийной среды. Это сложный социально-психологический аспект, оказывающий воздействие на процесс политической легитимизации. В качестве основных причин недоверия в последнее время чаще всего выделяют: распространение фейковых новостей, отсутствие информационной гигиены, сознательное искажение информации со стороны недружественных акторов. При этом чаще всего россияне доверяют официальным источникам информации, которые смогли завоевать доверие общества, а также авторитетным

людям, которым может быть и знаменитый политический деятель или член семьи / друг / преподаватель и др.

Вопрос доверия к СМИ остается одним из центральных в исследованиях политической коммуникации [2, с. 131]. Для молодежи, являющейся активным потребителем цифровых платформ, источники информации, характер доверия им определяют не только информированность, но и политические установки, а также поведенческие практики в политической сфере. В условиях изменения медиа-ландшафта (рост социальных сетей, платформенный обмен новостями) важно исследовать структуру используемых информационных источников, а также выявить уровень доверия со стороны молодежи при получении политической информации, определить факторы, которые усиливают или ослабляют это доверие.

Цель исследования – выявление используемых источников политической информации и уровня доверия различным медиа-источникам со стороны современной молодежи.

Материалы и методы

Исследование структуры источников политической информации и доверия к ним со стороны молодежи основано на данных, представленных Всероссийским центром изучения общественного мнения, Исследовательской группой «Циркон», Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Левада-Центром (признан иноагентом) и др.

Анализ отношения современной молодежи к медиаисточникам получения политической информации проводится на основе результатов массовых опросов, проведенных среди молодежи Пензенской, Саратовской и Тюменской областей в 2024 г., а также материалах фокус-групповых дискуссий среди студентов г. Пензы (2025 г.).

Результаты

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения 2023 г., лидирующими источниками информации, которым доверяют россияне, является телевидение (индекс доверия – 24). Индекс доверия телеграм-каналам значительно ниже и составляет 8. Наиболее отрицательное отношение к социальным сетям и блогам в Интернете (–20) [3]. Исследователи Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина выявили наличие положительной связи между просмотром телевизионных новостей и доверием к телевидению [4]. Таким образом, исследования показывают, что телевидение сохраняет значимую роль в структуре источников информации для россиян.

Вместе с тем современная молодежь в большей степени обращается к цифровым источникам. Так, по данным Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», для 70 % студенческой молодежи основным источником информации является социальная сеть «ВКонтакте».

Необходимо подчеркнуть, что у молодых людей наблюдается невысокий уровень доверия различным информационным источникам, в том числе и социальным сетям (40 % студентов им доверяют) [5].

В молодежной среде отношение к официальным российским СМИ неоднородно. Так, значительная доля молодых респондентов одновременно признает официальные СМИ как важный информационный источник, но часть из них демонстрирует критическое отношение. Так, доля молодежи, доверяющая официальным российским СМИ, в 2020 г. составляла порядка 46,1 %. При этом Левада-Центр (признан иноагентом) фиксирует, что полное доверие государственным источникам среди разных групп составляет около 31 % и эти различия объясняются методиками опросов и выборкой [6].

Главным источником политической информации в среде молодежи являются социальные сети (87 %) [7, с. 103]. По данным Левада-Центра (признан иноагентом) 2025 г., молодые люди чаще, чем другие группы, читают новости в социальных сетях (60 %). Они же и чаще получают информацию из телеграм-каналов (51 %). При этом молодые люди в возрасте 18–24 лет чаще доверяют новостям из этих источников [8]. Новостные сайты в Интернете воспринимаются молодежью как важный канал получения политической информации; при этом доверие к соцсетям и блогерам в целом ниже, чем к новостным сайтам и официальным каналам, но они играют определенную роль в распространении мнений и оперативных новостей [9, с. 59].

Сегодняшняя реальность демонстрирует, что современные медиатехнологии могут транслировать искаженную реальность, оказывая негативное влияние на национальную безопасность государства. В силу растущего политического, экономического и информационного давления на нашу страну со стороны стран коллективного запада наблюдается глобальная политическая нестабильность в системе международных отношений. Одним из инструментов борьбы недружественных стран выступает информация. Сегодня эти страны модернизируют информационные ресурсы с целью ослабления национального единства и разобщения россиян. Поэтому перед государством стоит важная задача по усилению противостояния информационной войны и консолидации российского общества [10, с. 91].

В этих условиях ключевое значение приобретает медиаграмотность, которая тесно связана с доверием. Повышение навыков критического восприятия информации повышает требовательность к источникам и к качеству аргументации по представляемой информации. Исследователи отмечают, что «медиа- и информационная грамотность выходит за рамки владения коммуникационными и информационными технологиями и включает навыки критического мышления, осмысления и интерпретации информации в различных областях...» [9, с. 58]. Так, по данным Исследовательской группы «Циркон», только 43 % россиян по их самооценкам могут определить, является ли информация, найденная в Интернете, заслуживающей доверия [9].

Все это определяет актуальность анализа предпочтительных источников и способов получения информации, в том числе в сфере политики, выявление уровня доверия различным источникам.

Большая часть молодых людей, как правило, демонстрирует довольно пассивную политическую позицию. Тем не менее по результатам исследований очевидно, что среди молодых россиян наблюдается тенденция к возрастанию заинтересованности проводимой внутренней и внешней политикой государства, что подтверждают исследователи [11]. Так, А. В. Андреев отмечает, что на рост интереса индивидов к политической сфере оказывают влияние ряд факторов – большое влияние политических событий на повседневную жизнь людей, большое количество происходящих в сфере политики событий, большие усилия лидеров мобилизовать население для своей поддержки и др. [12, с. 52]. Рост интереса объясняется тем, что в сложные времена, когда государство сталкивается с внешними угрозами национальной безопасности, которые могут нанести вред гражданам, естественно возрастает интерес общества к проводимой политике и к жизни страны. Сегодня, в период специальной военной операции, в объединении коллективного Запада против РФ интерес общества к проводимой Президентом РФ политике усилился, в том числе и у молодежи [13, с. 72].

По данным авторских исследований 2024 г., российская молодежь демонстрирует достаточно высокий интерес к политике (59,1 %) – рис. 1. Исследования свидетельствуют, что чаще всего следят за политикой студенты – 65,1 %. Вероятно, это обусловлено тем, что студенты являются наиболее активной частью российской молодежи и они, как правило, быстрее других социальных групп реагируют на любые изменения и адаптируются к ним. Они также наиболее оперативны к восприятию информации, чем другие молодежные группы.

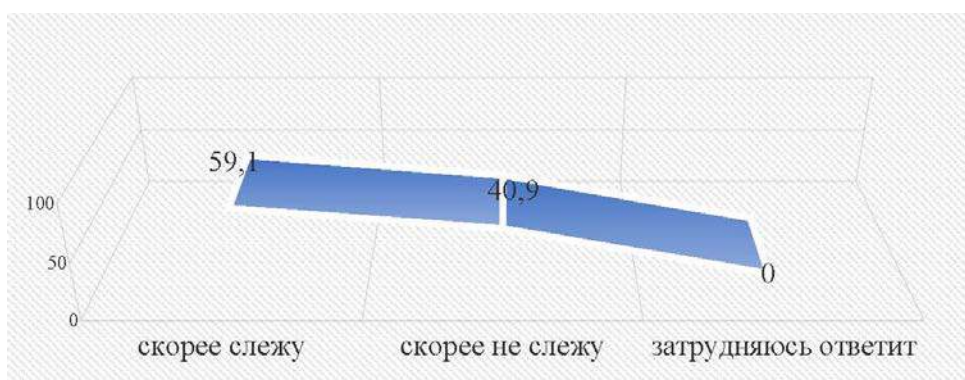

Рис. 1. Интерес молодежи к внешней политике, $n = 1400$, %

Согласно авторскому исследованию, было выявлено, что среди остальных активнее всего политикой интересуется студенческая молодежь. Изменения в медиапространстве стимулируют усиливающийся рост значимости новых источников получения политической информации, и молодые люди выступают в качестве целевой аудитории для поглощения информации из новых форм и каналов трансляции информации о социально-политической жизни [14, с. 16].

Лидирующие позиции в отношении источников политической информации у молодых людей занимают онлайн-источники (рис. 2). По данным опроса, большинство респондентов предпочитают искать интересующую информацию в сети Интернет, чаще всего посредством телеграм-каналов (61,4 %), сайтов интернет-СМИ (53,4 %). На втором месте – телевидение (45 %). Среди социальных сетей наибольшей популярностью пользуется «ВКонтакте» (24,3 %), пресса наименее популярна среди молодежи (9,9 %). Роль родных и близких в этом вопросе, по самооценкам молодежи, не высока: лишь 23,9 % респондентов указали, что получают от них политическую информацию [14].

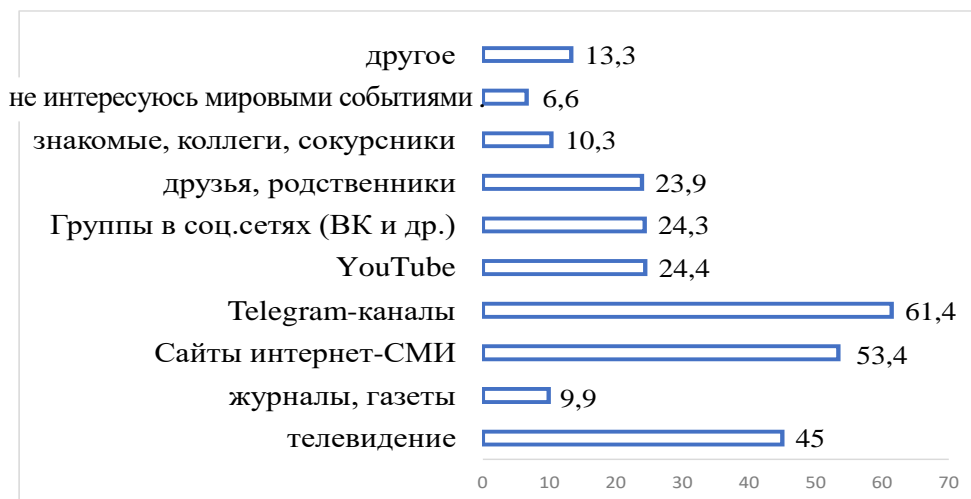

Рис. 2. Выбор источников получения политической информации, $n = 1400$, %

Таким образом, авторские данные согласуются с результатами других исследований: лидерами среди источников политической информации выступают различные интернет-ресурсы, которые используют 88 % молодых людей. Это подтверждает доминирование и продолжающиеся расширения в числе источников информации для современной молодежи новых медиа [15, с. 85].

Согласно данным, полученным в ходе фокус группового исследования среди студентов, были определены наиболее популярные источники получения политической информации.

Жен., 19 лет: «Я не читаю новости в газете и не смотрю телевизионные новости, но если меня заинтересует какая-то политическая информация, то я черпаю ее из чат-бота GPT, который собирает информацию со всех новостных сайтов, анализирует ее и выдает самые интересные и важные факты».

Муж., 20 лет: «Информацию о политических событиях черпаю из новостных Telegram-каналов, таких как РКБ (Новости. Главное), РИА-Новости, YouTube (запрещен в РФ)».

Жен., 21 год: «Я интересуюсь политическими новостями, читаю Telegram-канал Губернатора Пензенской области, Кремль. Новости, РИА Новости».

На выбор источников получения политической информации некоторых студентов оказывает влияние их окружение.

Жен., 19 лет: «Я каждый вечер со своей семьей смотрю программу “Новости”, это семейная традиция, а также получаю информацию в университете от преподавателей и от одногруппников».

Вместе с тем, рассматривая доверие молодежи разным источникам информации, исследователи О. В. Попова и Н. В. Гришин отмечают невысокий его уровень в части интернет-ресурсов и больший уровень доверия телевидению [15, с. 86].

На вопрос о степени доверия к различным источникам получения политической информации мнения студентов были схожи. Так, в основном молодежь доверяет официальным телевизионным новостям на федеральных каналах и официальным Telegram-каналам.

Жен., 20 лет: «Я доверяю ТВ-новостям “Россия 24”».

Муж., 21 год: «Естественно, это официальные источники информации, личные каналы, блоги или социальные страницы, которые ведут крупные политические деятели РФ, “Россия-1”... и, конечно, своей семье».

Исследователи выделяют ряд факторов, которые оказывают влияние на рост недоверия к медиа [16, с. 108]. Это связано с общим отношением к государственным и общественным структурам, представлениями индивидов об их социальной реальности в части обеспечения их качества жизни, а также в целом с деятельностью СМИ.

Заключение

Современная молодежь активно использует цифровые источники информации, в том числе для получения информации в политической сфере. Несмотря на то что телевидение не выступает лидером в числе источников политической информации, оно также играет важную роль в информировании молодых людей о происходящих политических событиях.

Интересно, что, несмотря на то что Интернет и новостные сайты являются для молодежи важными источниками получения политической информации, уровень доверия к ним невысокий. Большая часть молодых людей отдают предпочтение официальным СМИ, Telegram-каналам. Полученные данные свидетельствуют, что набирают популярность в получении политической информации среди студентов и чаты GPT.

Поскольку интернет-источники являются самыми перспективными источниками связи и привлечения внимания молодежи, в задачи государства должны входить мероприятия по выстраиванию коммуникаций в мировой паутине. Результаты российских социологических исследований показывают следующее: привычки потребления (например, высокий просмотр ТВ) не всегда совпадают с уровнем доверия; медиаграмотность снижает автоматическое доверие и повышает способность к критической оценке. Для укрепления информированности и снижения рисков манипуляции необходимо развивать медиаграмотность и повышать прозрачность источников информации.

Список литературы

1. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2025. 24 июня. URL: https://yandex.ru/search/?text=ВЦИОМ.+Живущие+в+сети%2С+или+Медиапотребление+современной+молодежи.+Москва%2С+2025.&search_source=dzen_desktop_safe&lr=49 (дата обращения: 11.09.2025).
2. Козырьков В. П., Ушакова Я. В., Шалютина Н. В. Особенности формирования доверия учащейся молодежи к информации в медиасетях // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 2. С. 131–146.
3. Доверие СМИ в России: аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2023. 10 февраля. URL: <https://yandex.ru/search/?text=ВЦИОМ.+Доверие+СМИ+в+России%3А+аналитический+обзор.+2023.&lr=49> (дата обращения: 11.09.2025).
4. Маринович А. Какие факторы влияют на доверие россиян к ТВ, выяснил специалист // Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2024. 10 апреля. URL: <https://magister.urfu.ru/ru/novosti/50778> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Российские студенты верят в социальное равенство и боятся мировых войн // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2017. 17 мая. URL: <https://www.hse.ru/news/science/206073492.html> (дата обращения: 10.09.2025).
6. Отчет о потреблении новостной информации среди молодежи // Левада-Центр. 2020. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Левада-Центр.+Отчет+о+потреблении+новостной+информации+среди+молодежи.+2020.&lr=49> (дата обращения: 10.09.2025).
7. Ростовская Т. К., Мулжанова Р. А. Внешнеполитические ориентации студенческой молодежи // Как живешь, Россия? Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы : материалы Декабрьских социально-политических чтений (г. Москва, 10 декабря 2019 г.) / под ред. С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. Ростов н/Д. : Перспектива, 2019. С. 100–111.
8. Источники информации: частота пользования и доверие, усталость от новостей, популярные журналисты и блогеры // Левада-Центр. 2025. 17 января. URL: <https://www.levada.ru/2025/04/17/istochniki-informatsii-chastota-polzovaniya-i-doverie-ustalost-ot-novostej-populyarnye-zhurnalisty-i-blogery>
9. Войнилов Ю. Л., Мальцева Д. В., Шубина Л. В. Медиаграмотность в России: картография проблемных зон // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2016. Т. 1, № 2. С. 57–69.
10. Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте современных вызовов и угроз // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 12–13 октября 2017 г.). М. : ФНИСЦ РАН, 2017. С. 87–93.
11. Рожкова Л. В., Сальникова О. В., Дубина А. Ш., Афанасьева Ю. Л. Актуальные внешнеполитические угрозы: тревоги и опасения студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 1 (69). С. 42–56. doi: 10.21685/2072-3016-2024-1-4
12. Андреевкова А. В. Политическое поведение россиян (часть 1) // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97). С. 50–63.

13. Внешнеполитические ориентации молодежи современной России : монография / под ред. Л. В. Рожковой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2024. 220 с.
14. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Молодежь и внешняя политика России: источники информации и уровень интереса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 4 (72). С. 15–25.
15. Попова О. В., Гришин Н. В. Политическое доверие российской молодежи сквозь призму выбора информационно-коммуникативных стратегий // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 5 (3). С. 79–101. doi: 10.46539/gmd.v5i3.362
16. Назаров М. М. Политическая коммуникация в обществе постправды: граждане и доверие к информационным источникам // Власть. 2020. № 1. С. 105–114.

References

1. Living Online, or Media Consumption of Modern Youth. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = The Russian Public Opinion Research Center*. 2025; 24 June. (In Russ.). Available at: https://yandex.ru/search/?text=VTSIOM.+Zhivushchiye+v+seti%2C+ili+Mediapotrebleniye+sovremennoy+molodezhi.+Moskva%2C+2025.&search_source=dzen_desktop_safe&lr=49 (accessed 11.09.2025).
2. Kozyrkov V.P., Ushakova Ya.V., Shalyutina N.V. Features of the formation of student youth trust in information in media networks. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika = Sociological science and social practice*. 2021;9(2):131–146. (In Russ.)
3. Trust in the media in Russia: an analytical review. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = The Russian Public Opinion Research Center*. 2023; 10 February. (In Russ.). Available at: <https://yandex.ru/search/?text=VTSIOM.+Doveriye+SMI+v+Rossii%3A+analiticheskiy+obzor.+2023.&lr=49> (accessed 11.09.2025).
4. Marinovich A. A specialist has found out which factors influence Russians' trust in TV. *Uralskiy federalnyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina = Ural Federal University named after the first President of Russia V.N. Yeltsin*. 2024;10 April. (In Russ.). Available at: <https://magister.urfu.ru/ru/novosti/50778> (accessed 15.09.2025).
5. Russian students believe in social equality and fear world wars. *Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki» = National Research University Higher School of Economics*. 2017; 17 May. (In Russ.). Available at: <https://www.hse.ru/news/science/206073492.html> (accessed 10.09.2025).
6. Report on news consumption among young people. *Levada-Tsentr*. 2020. (In Russ.). Available at: <https://yandex.ru/search/?text=Levada-Tsentr.+Otchet+o+potreblenii+novost-noy+informatsii+sredi+molodezhi.+2020.&lr=49> (accessed 10.09.2025).
7. Rostovskaya T.K., Mulzhanova R.A. Foreign policy orientations of student youth. *Kak zhivesh, Rossiya? Rossiyskoye sotsialnoye gosudarstvo i grazhdanskoye obshchestvo v realizatsii strategii proryva: rezultaty i rezervy: materialy Dekabrskiykh sotsialno-politicheskikh chteniy (g. Moskva, 10 dekabrya 2019 g.) = How are you, Russia? The Russian social state and civil society in implementing a breakthrough strategy: results and reserves: proceedings of the December social and political readings (Moscow, December 10, 2019)*. Rostov-on-Don: Perspektiva, 2019:100–111. (In Russ.)
8. Information sources: frequency of use and trust, news fatigue, popular journalists and bloggers. *Levada-Tsentr*. 2025; 17 January. (In Russ.). Available at: <https://www.levada.ru/2025/04/17/istochniki-informatsii-chastota-polzovaniya-i-doverie-ustalost-ot-novostej-populyarnye-zhurnalisty-i-blogery>

9. Voynilov Yu.L., Maltseva D.V., Shubina L.V. Media literacy in Russia: mapping problem areas. *Kommunikatsii. Media. Dizayn = Communications. Media. Design*. 2016;1(2):57–69. (In Russ.)
10. Petukhov V.V. Foreign policy orientations of Russians in the context of modern challenges and threats. *Rossiia i mir: globalnyye vyzovy i strategii sotsiokulturnoy modernizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 12–13 oktyabrya 2017 g.) = Russia and the World: global challenges and strategies for sociocultural modernization: proceedings of the International scientific and practical conference (Moscow, October 12–13, 2017)*. Moscow: FNISTS RAN, 2017:87–93. (In Russ.)
11. Rozhkova L.V., Salnikova O.V., Dubina A.Sh., Afanasyeva Yu. L. Current foreign policy threats: concerns and fears of student youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2024;(1):42–56. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2024-1-4
12. Andreyenkova A.V. Political behavior of Russians (Part 1). *Monitoring obshchestvennogo mneniya = Monitoring public opinion*. 2010;(3):50–63. (In Russ.)
13. Rozhkova L.V. (ed.). *Vneshnepoliticheskiye oriyentatsii molodezhi sovremennoy Rossii: monografiya = Foreign policy orientations of youth in modern Russia: monograph*. Penza: Izd-vo PGU, 2024:220. (In Russ.)
14. Rozhkova L.V., Dubina A. Sh. Youth and Russian foreign policy: sources of information and level of interest. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2024;(4):15–25. (In Russ.)
15. Popova O.V., Grishin N.V. Political trust of Russian youth through the prism of the choice of information and communication strategies. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023;(5):79–101. (In Russ.). doi: 10.46539/gmd.v5i3.362
16. Nazarov M.M. Political communication in a post-truth society: citizens and trust in information sources. *Vlast = Authority*. 2020;(1):105–114. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Лилия Валерьевна Рожкова

доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
социологии, экономической теории
и международных процессов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Liliya V. Rozhkova

Doctor of sociological sciences,
professor, head of the sub-department
of sociology, economic theory
and international processes,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Альбина Шагидулловна Дубина

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
экономической теории и международных
процессов, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: misurin@bk.ru

Albina Sh. Dubina

Candidate of sociological sciences,
associate professor of the sub-department
of sociology, economic theory
and international processes,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Даниил Владимирович Марков

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: daniil.marcov@gmail.com

Daniil V. Markov

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.08.2025

Принята к публикации / Accepted 29.09.2025

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-4

Представления современной молодежи о браке: властно-ролевой статус и модели отношений

А. М. Иванишко¹, Н. В. Розенберг²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹annadeenn@gmail.com, ²rozenbergnv@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Стремление к индивидуализации семейных ролей стирает границы между традиционными ролями супругов, оставляя пространство для поиска новых типов супружеских отношений. Представления молодежи о властно-ролевом статусе супругов отражают динамику трансформации семейных ценностей в молодежной среде. Цель исследования – социологический анализ и типологизация представлений молодежи о супружеских отношениях и балансе властно-ролевых статусов супругов. *Материалы и методы.* Изучение типов супружеских отношений, предпочитаемых молодежью Пензенской области, основано на материалах авторских качественных и количественных социологических исследований, проведенных в 2023 и 2025 гг. *Результаты.* Рассмотрены основные тенденции, характеризующие отношение юношей и девушек к распределению прав и обязанностей внутри супружеской пары. Выявлены типы супружеских отношений, преобладающие среди молодежи Пензенской области, а также определена степень их распространенности. Выделены и проанализированы особенности социальных портретов молодых людей, предпочитающих те или иные типы супружеских отношений. *Выводы.* Современная молодежь ориентирована на партнерские типы супружеских отношений, однако воплощение данной системы в реальной жизни ограничено. Партнерство выступает идеальным конструктом, в то время как в реальной жизни преобладают гибридные типы супружеских отношений, сочетающие эгалитарные и патриархальные характеристики.

Ключевые слова: типы супружеских отношений, молодежь, институт семьи, семейные ценности, супружество

Для цитирования: Иванишко А. М., Розенберг Н. В. Представления современной молодежи о браке: властно-ролевой статус и модели отношений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 54–63. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-4

Modern youth perceptions of marriage: power-role status and relationship models

A.M. Ivanishko¹, N.V. Rozenberg²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹annadeenn@gmail.com, ²rozenbergnv@mail.ru

Abstract. *Background.* The desire to individualize family roles is blurring the boundaries between traditional spousal roles, leaving room for new types of marriage relationships.

© Иванишко А. М., Розенберг Н. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Young people's ideas about power and role dynamics in marriage reflect the changing values of young adults. The purpose of this study is to sociologically analyze and typologize young people's views on marriage and the balance of power and roles within marriages. *Materials and methods.* The study of the types of marital relations preferred by the youth of Penza region is based on the materials of author's qualitative and quantitative sociological research conducted in 2023 and 2025. *Results.* The main trends in the attitudes of boys and girls towards the distribution of rights and responsibilities in a married couple have been considered. The types of marital relationships that prevail among young people in Penza region have been identified and their prevalence has been determined. Features of the social profiles of young people who prefer certain types of marital relationships have been highlighted and analyzed. *Conclusions.* Modern youth is focused on the idea of partnership in marital relationships, but the reality of implementing this concept is limited. While partnership is an ideal concept, in real life, a hybrid type of marital relationship often prevails, combining elements of egalitarianism and patriarchy.

Keywords: types of marital relations, youth, family institution, family values, matrimony

For citation: Ivanishko A.M., Rozenberg N.V. Modern youth perceptions of marriage: power-role status and relationship models. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):54–63. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-4

Введение

Изменения в экономической, социальной, культурной и технологической сферах, произошедшие за последние десятилетия, оказали влияние на многие социальные институты и на их подсистемы, в том числе на семью, ее структуру и функции [1]. Трансформация современной российской семьи затрагивает ее ключевые ценностные и функциональные системы: супружество, родительство и родство. В развитии семейных ценностей россиян, в том числе молодежи, заметны следующие тенденции: изменение отношения к институту семьи, родительству, процессу воспитания детей, увеличение возраста вступления в брак, снижение популярности заключения брака, рост числа разводов и др. [2]. В связи с этим меняется и баланс внутрисемейной иерархии, регламентирующей отношения внутри супружеской пары, между родителями и детьми, а также в межпоколенческих связях.

Стремление к индивидуализации семейных ролей стирает границы между традиционными ролями супругов, оставляя пространство для поиска новых моделей поведения, отличных от сложившихся ранее, в иных условиях, базовых мужских и женских ролей в семье. К основным параметрам ролевой структуры семьи относятся: характер главенства, определяющий систему отношений власти и подчинения, а также специфика распределения ролей в зависимости от целей и задач, характерных для того или иного этапа жизненного цикла семьи [3].

Для современного российского общества характерной особенностью ролевой структуры супружеской пары является стремление к эгалитаризации на фоне приверженности традиционной, патриархальной семье [4]. При этом в молодежной среде чаще встречается «сглаживание» гендерных ролей,

ориентация на равноправие, склонность к социальному экспериментированию [5]. Молодежь, с одной стороны, воспроизводит и адаптирует под собственные жизненные сценарии представления о супружеских ролях, усвоенные в процессе социализации, а с другой стороны, в дальнейшем будет передавать собственные ценностные и поведенческие установки о супружестве последующим поколениям.

Диапазон распределения властно-ролевых ресурсов в семейной паре достаточно ограничен, поскольку в супружеских отношениях задействованы всего двое участников: муж и жена [6]. Если семьей управляет преимущественно супруг, то семью следует называть патриархальной, если лидирует женщина, то семью следует считать матриархальной. Если же права распределены между супругами равномерно, то такая семья относится к эгалитарному типу [7].

В то же время, по мнению И. В. Дорно, в России патриархальная семья чаще была «двуглавой», муж являлся лидером в социальном плане, а также был ответственен за обеспечение семьи материальными благами, но жена оставалась эмоциональным лидером семьи, ведущей во внутрисемейных отношениях. И. В. Дорно исследует властно-ролевой статус супругов через категорию уступчивости. С его точки зрения, «соотношение уступчивости супругов зависит от двух основных факторов: от их этической культуры и психологической позиции каждого» [8]. Также к критериям выделения моделей супружеских отношений различные исследователи относили: специфику распределения власти и авторитета внутри семьи, главенствующий тип родственных отношений, распределение ролей в управлении бюджетом, степень гибкости и сплоченности супругов (табл. 1).

Таблица 1

Исследовательские подходы к типологизации супружеских
и семейных отношений [9–14]

Автор типологии	Критерии типологизации	Типы семейных отношений
1	2	3
П. А. Сорокин	Распределение власти и авторитета внутри семьи	1) Патриархальная семья; 2) квазипатриархальная семья; 3) партикуляристская семья
С. И. Голод	Главенствующий тип отношений в семье (супружество, родительство или родство)	1) Патриархальный (традиционный) тип семьи; 2) детоцентристский (современный) тип семьи; 3) супружеский (постсовременный) тип семьи

Окончание табл. 1

1	2	3
И. В. Дорно	Соотношение уступчивости супругов в зависимости от их этической культуры и психологической позиции каждого	1) Супруги обладают одинаково высоким уровнем этической культуры, у них равный статус; 2) супруги владеют культурой общения, но один – явный лидер; 3) у супругов низкий уровень этики, но равный статус в семье; 4) супруги не владеют этической культурой, но один из них является лидером, оказывающим психологическое давление на другого партнера
Дж. Пэл	Распределение ролей в управлении бюджетом	1) управляет жена; 2) управляет муж; 3) объединение доходов; 4) независимое управление; 5) управление в расширенной семье
Дэвид Х. Олсон	Гибкость и сплоченность семейных отношений	1) Функциональная семья; 2) полуфункциональная семья; 3) дисфункциональная семья

В связи с этим целью исследования следует считать изучение и типологизацию представлений молодежи о супружеских отношениях и балансе властно-ролевых статусов супругов.

Материалы и методы

С целью исследования и типологизации предпочитаемых типов супружеских отношений среди молодежи Пензенской области были проведены авторские социологические исследования: анкетный опрос молодежи Пензенской области «Модели отношений молодежи Пензенской области» (2023 г.; $n = 616$), материалы фокус-группы среди молодежи Пензы (июнь 2025 г., $n = 10$, состоящие в браке).

Результаты

Представления о властно-ролевом статусе супругов не только отражают практическую сторону организации семейной жизни, но и свидетельствуют о доминирующих среди молодежи типах семейных отношений. Убеждения молодых людей о том, как именно в супружеской паре принимаются

решения, на ком именно лежит ответственность за различные аспекты семейной жизни, как распределяются финансы, кто отвечает за быт и воспитание детей, отражают представления о предпочитаемых типах супружеских отношений (рис. 1).

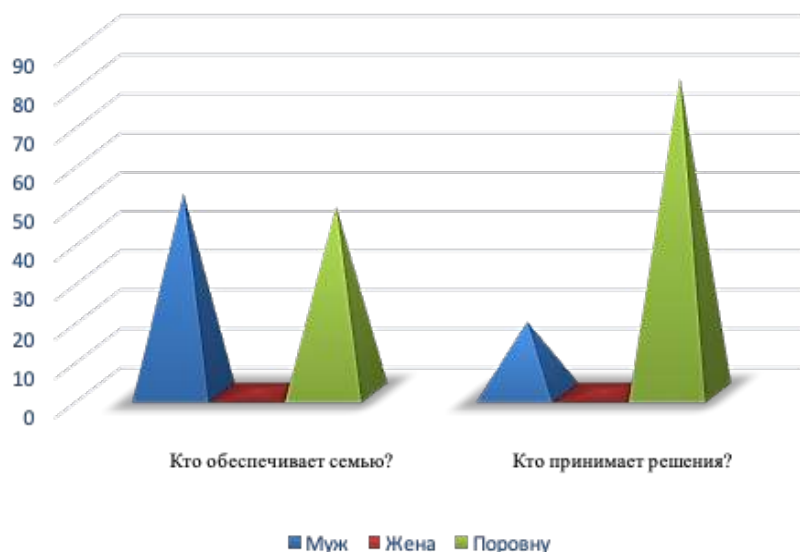

Рис. 1. Особенности распределения прав и обязанностей в семье ($n = 616$, 2023 г., %)

Несмотря на то что большинство молодых жителей Пензенской области (80,7 %) придерживаются эгалитарных взглядов относительно процесса принятия решений в супружеской паре, сохраняется доля молодых людей, считающая, что решения должен принимать именно муж (18,2 %). При этом в данном вопросе существуют выраженные гендерные различия – если среди девушек идею равноправия относительно принятия решений поддерживает 91,6 %, то среди юношей мнения разделились поровну: одна половина респондентов поддерживает совместное принятие решений, в то время как другая половина юношей считает, что решения должен принимать только муж. Подобные тенденции были выявлены и в других исследованиях, например, работы С. А. Ильиных также подтверждают, что мужчины чаще выбирали модель с доминированием супруга [15].

Данные подтверждают и материалы фокус-группы (2025 г.). Юноши и девушки, уже состоящие в браке, высказали различные мнения о процессе принятия решений в браке. При этом многие из них опираются не только на личный опыт, но и на пример родительской семьи.

Муж., 24 года: «Решения нужно принимать сообща, но последнее слово все-таки за мужчиной. Ну, я так воспитан».

Жен., 30 лет: «Необходимо вместе обсуждать все вопросы, иначе конфликтов не избежать».

Жен., 25 лет: «Я смотрю на пример своих родителей. Они всегда садились и разговаривали: стоит ли переезжать, менять работу, покупать машину».

Какие-то важные вопросы всегда обсуждались в семье. Мы с супругом тоже стараемся прислушиваться к мнению друг друга».

Муж., 27 лет: «Сложно сказать, разные ситуации бывают. Одно дело – решить, что приготовить на ужин. Неужели здесь нужны переговоры? И я не буду с женой обсуждать, какие шины покупать. Считаю, у каждого должна быть своя зона ответственности, но что-то глобальное нужно решать вместе».

В аспекте ответственности супругов за материальное благосостояние семьи мнения разделились в иной пропорции: 51,5 % считают, что финансовое обеспечение семьи должно ложиться полностью на плечи мужа, но почти столько же – 47,7 % – выступают за равный вклад супругов в бюджет. Таким образом, наблюдается смещение акцента от традиционного распределения обязанностей к гибридным типам супружеских отношений, где равноправие в управлении соседствует с сохранением финансовой ответственности мужчины.

В материалах фокус-группы (2025 г.) также присутствуют различные точки зрения, связанные с организацией семейного бюджета.

Жен., 26 лет: «На данный момент я нахожусь в декретном отпуске, поэтому основной вклад в бюджет вносит супруг. Раньше было примерно пополам. Я думаю, каждая супружеская пара проходит разные этапы и периоды. Это нормально, что иногда больше вносит супруг, иногда вместе, может быть, иногда даже супруга».

Муж., 29 лет: «У нас в семье я вношу основной вклад в бюджет. Так получилось. Вообще считаю нормальным, когда оба зарабатывают и тратят совместно».

Предлагаемая нами типология супружеских отношений и властно-ролевых статусов супругов предполагает различные сочетания управленческих и экономических функций внутри пары. Критериями для выделения типов стала взаимосвязь управленческих характеристик взаимоотношений внутри семьи (кто принимает основные решения) и материальной ответственности (кто вносит основной вклад в бюджет) (рис. 2).

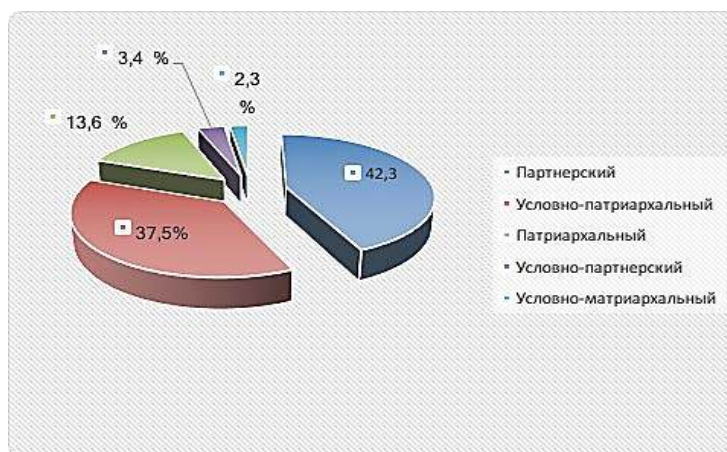

Рис. 2. Типы супружеских отношений, распространенные среди молодежи Пензенской области ($n = 616$, 2023 г.)

В рамках авторской типологии преобладают партнерский (43,2 %) и условно-патриархальный (37,5 %) типы супружеских отношений. Первый из них выбирает молодежь, считающая, что «супруги являются равноправными членами семьи и сообща принимают решения» и что они «должны вносить равноценный вклад в бюджет». В этом случае наблюдается отсутствие традиционного «разделения ролей», супруги могут обмениваться функциями и перераспределять их между собой. Условно-патриархальный тип представляет собой компромиссный вариант между патриархальным и партнерским типом отношений, когда «супруги являются равноправными членами семьи и сообща принимают решения», но основной вклад в бюджет вносит муж. В данном случае жена и муж наделены равными управленческими правами, но финансовых обязанностей больше у мужчины.

При этом классический патриархальный тип (когда за все аспекты отвечает супруг) встречается у 13,6 % молодых людей, а условно-партнерский, условно-матриархальный и матриархальный не находят поддержки среди молодежи (3,4 % и ниже).

Анализ социально-демографических корреляций позволил выявить следующие закономерности в социальных портретах молодежи, предпочитающей те или иные типы супружеских отношений:

1. Партнерский тип супружеских отношений чаще выбирают юноши и девушки, еще не состоящие в браке. В уже заключенных браках преобладает условно-патриархальный тип супружеских отношений.
2. Ориентация на партнерский тип отношений связана с более высоким уровнем дохода, в то время как условно-патриархальный тип выбирает молодежь со средним достатком.
3. Женщины чаще выбирают партнерский или даже условно-матриархальный типы супружеских отношений, предполагающих более весомый властно-ролевой статус супруги в семье.
4. Ориентация на патриархальные типы характерна для мужчин, не состоящих в браке и не имеющих высшего образования.
5. Партнерские типы более распространены в младших возрастных группах молодежи (18–25 лет), в то время как в возрасте от 26 до 29 лет преобладают условные формы патриархата (реже матриархальные).

Заключение

Среди молодежи Пензенской области преобладают «переходные» типы супружеских отношений. Молодежь не ориентируется на полностью патриархальную модель отношений, в рамках которой властно-ролевой статус супруга становится ключевым. Однако и полностью эгалитарная система супружеских отношений носит для молодежи лишь гипотетический характер, ее предпочитают юноши и девушки, которые еще не состоят в браке.

В управленческой сфере семейной жизни преобладает ориентация на равноправие: молодые люди готовы совместно решать и обсуждать важные

аспекты семейной жизни, однако экономическая функция по-прежнему закрепляется преимущественно за мужчиной.

Полученные данные свидетельствуют о противоречивом характере трансформации властно-ролевых статусов в современной российской семье: с одной стороны, растет ценность партнерства, но с другой – сохраняется значимость патриархальных установок, особенно в финансовой сфере.

Список литературы

1. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. № 1. С. 31–54.
2. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Семейные ценности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 2. С. 138–142.
3. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Концептуальные аспекты национального проекта «Семья» // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 49–61.
4. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России // Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 59–77.
5. Кузнецов В. О., Савельева Ж. В. Модель семьи и семейно-гендерные роли в оценках современной молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 1 (64). С. 70–77.
6. Лубкова А. А. Особенности общения и установок супругов в семьях с детоцентрированной и эгалитарной моделями // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2023. № 2. С. 69–74.
7. Поломошнов А. Ф., Поломошнов П. А. Социокультурные типы российских семей // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2023. № 2. С. 114–129.
8. Дорно И. В. Современный брак: проблемы и гармония. М. : Педагогика, 1990. 267 с.
9. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ., послесл. и приложение Т. С. Васильевой ; РАН, Институт социологии. М. : Наука, 1997. 350 с.
10. Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С. 106–119.
11. Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспект. Ленинград : Наука, 1984. 136 с.
12. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.
13. Pahl J. His money, her money: Recent research on financial organization in marriage // Journal of Economic Psychology. 1995. № 16 (3). P. 361–376.
14. Olson D. H. Circumplex model of Marital & Family systems // The Journal of Family Therapy. 2000. № 22 (2). P. 144–167.
15. Ильиных С. А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20), вып. 1. С. 220–232.

References

1. Gurko T.A. Theoretical approaches to the study of the transformation of the family institution. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*. 2020;(1):31–54. (In Russ.)

2. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Family values of modern youth. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology*. 2023;23(2):138–142. (In Russ.)
3. Rostovskaya T.K., Kuchmayeva O.V. Conceptual aspects of the national project “Family”. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Women in Russian society*. 2025;(1):49–61. (In Russ.)
4. Rostovskaya T.K., Kuchmayeva O.V., Vasilyeva E.N. The institution of multigenerational families as a reserve for Russia’s demographic development. *Demograficheskiye issledovaniya = Demographic research*. 2023;3(4):59–77. (In Russ.)
5. Kuznetsov V.O., Savelyeva Zh.V. Family model and family-gender roles in the assessments of modern youth. *Kazanskiy sotsialno-gumanitarnyy vestnik = Kazan social and humanitarian bulletin*. 2024;(1):70–77. (In Russ.)
6. Lubkova A.A. Features of communication and attitudes of spouses in families with child-centered and egalitarian models. *Voprosy psikhologii ekstremalnykh situatsiy = Issues of psychology of extreme situations*. 2023;(2):69–74. (In Russ.)
7. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Sociocultural types of Russian families. *Gumanitarnyy vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University*. 2023;(2):114–129. (In Russ.)
8. Dorno I.V. *Sovremennyy brak: problemy i garmoniya = Modern marriage: issues and harmony*. Moscow: Pedagogika, 1990:267. (In Russ.)
9. Sorokin P.A. *Glavnyye tendentsii nashego vremeni = The main trends of our time*. Translated from English, afterword, and appendix by T.S. Vasilyeva. Moscow: Nauka, 1997:350. (In Russ.)
10. Golod S.I. Prospects for a monogamous family: a comparative cross-cultural analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = Journal of sociology and social anthropology*. 2003;(2):106–119. (In Russ.)
11. Golod S.I. *Stabilnost semi: sotsiologicheskii i demograficheskiy aspekt = Family stability: sociological and demographic aspects*. Leningrad: Nauka, 1984:136. (In Russ.)
12. Golod S.I. Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2008;(1):40–49. (In Russ.)
13. Pahl J. His money, her money: Recent research on financial organization in marriage. *Journal of Economic Psychology*. 1995;(16):361–376.
14. Olson D.H. Circumplex model of Marital & Family systems. *The Journal of Family Therapy*. 2000;(22):144–167.
15. Ilinykh S.A. Family values of youth: traditions and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philophy. Sociology. Politology*. 2012;(4):220–232. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Анна Михайловна Иванishko
кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии
и социальных коммуникаций,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)
E-mail: annadeenn@gmail.com

Anna M. Ivanishko
Candidate of sociological sciences,
associate professor of the sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

Наталья Владимировна Розенберг

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и социальных коммуникаций,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: rozenbergnv@mail.ru

Natal'ya V. Rozenberg

Doctor of philosophical sciences, professor,
head of the sub-department of philosophy
and social communications, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 30.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.09.2025

Принята к публикации / Accepted 03.10.2025

УДК 343.97

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-5

**Детерминанты фальсификации доказательств по уголовному делу
и результатов оперативно-разыскной деятельности
в современной России**

А. В. Яшин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

andrej.yaschin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности предусмотрена ч. 2–4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данные преступления характеризуются повышенной общественной опасностью, поскольку представляют серьезную угрозу для современной правовой системы, российского общества и государства. Преступное поведение лиц, совершающих такие общественно опасные деяния, приводит к существенному нарушению прав и свобод личности, утрате доверия населения к правоохранительным органам, а также иным негативным последствиям. В свою очередь пренебрежение всесторонними научными исследованиями причин и условий совершения фальсификаций оперативной и доказательственной информации нередко обуславливает непрогнозируемые противоправные воздействия на интересы отечественного правосудия. Вследствие этого выявление и анализ причинного комплекса совершения фальсификаций доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности представляется актуальным и практически значимым. Цель работы – рассмотреть и проанализировать основные детерминанты указанных общественно опасных деяний. *Материалы и методы.* Использовались доктринальные источники по исследуемым вопросам, материалы судебной практики и официальные статистические сведения. Методологической основой послужил всеобщий диалектический метод познания. Кроме того, были реализованы следующие методы: системно-структурный, анализа и синтеза, дедукции и индукции, статистического анализа, обобщения судебной практики и экспертных оценок. *Результаты.* В ходе проведенного исследования установлено, что совершение преступлений, предусмотренных ч. 2–4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, детерминировано многими факторами, связанными преимущественно с недостатками в управлении правоохранительными органами. *Выводы.* Выявлена необходимость дальнейшей оптимизации кадровой политики в правоохрани-

нительных структурах в целях повышения престижа службы и обеспечения притока профессиональных кадров, достойно выполняющих свои служебные обязанности по раскрытию и расследованию преступлений.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, уголовное дело, оперативно-разыскная деятельность, преступления против правосудия, детерминанты преступлений, уголовное судопроизводство, следователь, дознаватель, оперативный сотрудник, правоохранительные органы

Для цитирования: Яшин А. В. Детерминанты фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 64–73. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-5

Determinants of falsification of evidence in a criminal case and the results of operational-investigative activities in modern Russia

A.V. Yashin

Penza State University, Penza, Russia

Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

andrej.yaschin@yandex.ru

Abstract. *Background.* Liability for falsification of evidence in a criminal case and the results of operational-search activities is provided for in Parts 2–4 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. These crimes are characterized by increased social danger, since they pose a serious threat to the modern legal system, Russian society and the state. Criminal behavior of persons committing such socially dangerous acts leads to a significant violation of the rights and freedoms of the individual, loss of public confidence in law enforcement agencies, as well as other negative consequences. In turn, neglect of comprehensive scientific research into the causes and conditions for falsifying operational and evidentiary information often leads to unpredictable illegal impacts on the interests of domestic justice. As a result, identifying and analyzing the causal complex of falsifying evidence in a criminal case and the results of operational-search activities seems relevant and practically significant. The purpose of the work is to consider and analyze the main determinants of these socially dangerous acts. *Materials and methods.* The article used doctrinal sources on the issues under study, materials of judicial practice and official statistical data. The methodological basis was the general dialectical method of cognition. In addition, the following methods were implemented: system-structural, analysis and synthesis, deduction and induction, statistical analysis, generalization of judicial practice and expert assessments. *Results.* In the course of the conducted research it was established that the commission of crimes provided for in parts 2–4 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation is determined by many factors, associated primarily with shortcomings in the management of law enforcement agencies. *Conclusion.* A conclusion was made about the need for further optimization of personnel policy in law enforcement agencies in order to increase the prestige of the service and ensure an influx of professional personnel who adequately perform their official duties in solving and investigating crimes.

Keywords: falsification of evidence, criminal case, operational investigative activity, crimes against justice, determinants of crimes, criminal proceedings, investigator, inquiry officer, operational officer, law enforcement agencies

For citation: Yashin A.V. Determinants of falsification of evidence in a criminal case and the results of operational-investigative activities in modern Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(3):64–73. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-5

В структуре преступлений против правосудия значительное место занимают деяния, связанные с фальсификацией доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Их удельный вес в системе посягательств на интересы правосудия за последние пять лет составлял от 2,9 до 4,5 %¹. Надлежит отметить, что данные преступления обладают повышенной степенью общественной опасности, поскольку фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности представляет серьезную угрозу для отечественной правовой системы и российского общества в целом. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, приводит к существенному нарушению прав и свобод личности, подрыву конституционного принципа презумпции невиновности, утрате доверия населения к правоохранительным и судебным органам, отмене судебных решений и пересмотру дел, создающим дополнительную нагрузку на всю правоприменительную систему, и другим негативным последствиям.

Следует полагать, что наибольшую угрозу для правопорядка в современной России представляют общественно опасные деяния, направленные на фальсификацию доказательств по уголовному делу (ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ) и результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ). Это объясняется тем, что при совершении таких деяний невиновные могут быть осуждены за преступления, которые не совершали, а виновные, напротив, избежать уголовной ответственности, что в корне противоречит назначению уголовного судопроизводства и основополагающим принципам уголовного закона (законности, вины, справедливости). Кроме того, отступление от конституционных принципов правосудия наносит серьезный, порой непоправимый, вред лицам, подвергшимся уголовному преследованию [1, с. 39]. Каждый потерпевший от фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности в любом случае испытывает изменения в социальной, материальной и моральной сферах его жизни [2, с. 193].

В современных научных источниках проблемы фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности исследуются преимущественно в уголовно-правовом и криминалистическом аспектах. В частности, учеными рассматриваются вопросы конституционной обусловленности соответствующих уголовно-правовых норм [3, с. 35],

¹ Приведенные в статье статистические сведения о преступлениях против правосудия получены по авторскому запросу из Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации.

анализируются признаки составов преступлений [4, с. 42], выявляются проблемы их квалификации [5, с. 3], расследования [6, с. 41] и т.п. В то же время криминологическим особенностям рассматриваемых преступлений представителями научного сообщества уделяется внимание в недостаточном объеме, что предопределяет актуальность и практическую значимость данного исследования.

Согласно статистическим показателям о количестве осужденных в Российской Федерации, более трети преступлений, предусмотренных ч. 1–3 ст. 303 УК РФ, связаны с фальсификацией доказательств именно по уголовным делам. Так, в 2020 г. число осужденных по ч. 2–3 ст. 303 УК РФ составило 42,0 % от всего количества осужденных за фальсификацию преступлений, в 2021 г. – 34,3 %, в 2022 г. – 34,9 %, в 2023 г. – 39,1 %, в 2024 г. – 38,6 % [7]. Обозначенные сведения являются негативной тенденцией, поскольку судами уголовных дел рассматривается существенно меньше, чем гражданских и административных.

Следует отметить, что обвинительные приговоры в отношении лиц, виновных в фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, выносятся в единичных случаях. В частности, в 2020 г. по ч. 4 ст. 303 УК РФ осуждено 7 человек, в 2021 г. – 1, в 2022 г. – 1, в 2023 г. – 7, в 2024 г. – 2 [7]. Это связано со сложностями в выявлении данных деяний, так как в оперативно-разыскной деятельности зачастую отсутствуют эффективные механизмы контроля за сотрудниками вследствие ограниченного доступа к оперативной информации. Также при совершении преступлений рассматриваемого вида не всегда остаются следы противоправной деятельности. К тому же уголовно-правовая норма, запрещающая фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности, является относительно новой для российского уголовного закона, она была включена в УК РФ в 2012 г. в целях повышения уровня уголовно-правовой охраны интересов правосудия [8, с. 436].

Высокая степень латентности фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, как и доказательств по уголовному делу, существенно искажает официальную статистическую информацию о преступлениях, предусмотренных ч. 2–4 ст. 303 УК РФ, что затрудняет планирование и оценку эффективности мер противодействия им. Низкий уровень выявляемости данных общественно опасных деяний определен тем, что способы фальсификаций с каждым годом совершенствуются, поскольку преступники используют в своей деятельности достижения цифровых технологий [9, с. 295]. В частности, в юридической литературе приводятся примеры фальсификаций доказательств в форме создания поддельных видео- и аудиозаписей, фотографий и личных документов [10, с. 461].

Поскольку деятельность в сфере предупреждения преступлений направлена в первую очередь на выявление и устранение причин и условий совершения общественно опасных деяний, необходимо рассмотреть наиболее вероятные в настоящее время детерминанты фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности. При этом невозможно не согласиться с авторами, полагающими, что игнорирова-

ние субъектами предупредительной деятельности проблем глубокого и всестороннего исследования причинного комплекса в рассматриваемой сфере может привести к непредсказуемым последствиям не только для системы правосудия, но и для всего общества в целом [11, с. 59].

В последние годы наблюдается серьезный кадровый дефицит в правоохранительных органах Российской Федерации, что отмечают руководители соответствующих ведомств и представители научного сообщества. Так, по справедливому мнению И. В. Овсянникова, существующие многочисленные вакансии и кадровые сложности в правоохранительных органах уже давно стали хронической проблемой [12, с. 26]. Неукомплектованность органов предварительного расследования и оперативных подразделений приводит к повышенной нагрузке на сотрудников. В таких условиях качество производства предварительного следствия и дознания, а также проведения оперативно-разыскных мероприятий оставляет желать лучшего.

В целях повышения раскрываемости преступлений и получения необходимых результатов служебной деятельности следователи (дознаватели), а также оперативные сотрудники довольно часто испытывают давление со стороны руководства. Опасение наказания либо иных неблагоприятных последствий за несвоевременное расследование или раскрытие преступлений, а также желание угодить вышестоящим начальникам порой побуждает сотрудников к ускорению своей деятельности и искажению доказательственной информации. Нередко в таких случаях фальсифицируются протоколы следственных действий и иные процессуальные документы. Виновные, не желая утруждать себя в поиске и допросе свидетелей либо иных участников уголовного судопроизводства, самостоятельно вносят в протоколы необходимые сведения и подделывают личные подписи лиц, которые должны были участвовать в расследовании. В качестве основных мотивов преступного поведения при этом зачастую выступают карьеризм, сокращение объема своей работы, корыстные побуждения [13, с. 93].

Наглядным примером подобных фальсификаций является приговор Ленинского районного суда г. Воронежа по уголовному делу № 1-27/2020 от 18 февраля 2020 г., согласно которому старший дознаватель УМВД России по г. Воронежу, возбудив уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК РФ, изготовила протоколы следственных действий, в которые внесла заведомо ложные сведения об их проведении, после чего подписала протоколы от имени подозреваемого и свидетелей. Затем, подготовив обвинительный акт, она подделала в нем подпись подозреваемого и передала материалы уголовного дела для утверждения начальнику органа дознания, а затем прокурору. Приговором суда старший дознаватель была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303 и ч. 2 ст. 292 УК РФ¹.

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа по уголовному делу № 1-27/2020 от 18.02.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xDK9x3KaFNI/?ysclid=mb7xxp803z963835500> (дата обращения: 29.05.2025).

В данном случае дознаватель сфальсифицировала практически все протоколы следственных действий, не допрашивая ни подозреваемого, ни свидетелей и даже не ознакомив подозреваемого с материалами уголовного дела, что способствовало его скорейшему оформлению и направлению прокурору для утверждения обвинительного акта.

Результаты оперативно-разыскной деятельности фальсифицируются преимущественно в целях повышения показателей служебной деятельности, связанной с раскрытием преступлений.

Так, 4 июня 2018 г. Советским районным судом г. Тулы за совершение преступлений, в том числе предусмотренных ч. 4 ст. 303 УК РФ, осужден оперуполномоченный отдела по борьбе с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков управления уголовного розыска Управления Министерства внутренних дел России по Тульской области. В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, действуя в целях повышения показателей служебной деятельности, сфальсифицировал материалы оперативно-разыскных мероприятий путем составления акта личного досмотра задержанного и последующего изъятия вложенного наркотического средства в карман его одежды¹.

Существенными детерминантами фальсификации доказательственной и оперативной информации являются и факторы, связанные с личной заинтересованностью следователей (дознавателей) и оперативных сотрудников в исходе дела. Данные обстоятельства во многом создают препятствия для всестороннего и справедливого раскрытия и расследования уголовных дел и существенно снижают авторитет правоохранительных органов [14, с. 631]. Следует полагать, что мотивы личной заинтересованности сотрудников обусловлены их недостаточной профессиональной подготовкой, отрицанием правовых и этических стандартов, непониманием негативных последствий фальсификации для правосудия и общества. Причинами тому служат недостаточное денежное обеспечение сотрудников правоохранительных органов, что отталкивает более квалифицированных специалистов от службы в них и приводит к частой смене кадрового состава. Вследствие этого более грамотные лица, имеющие юридическое образование, стараются трудоустроиться в организации и учреждения с высокой заработной платой. Набор же в правоохранительные структуры (особенно в органы внутренних дел) осуществляется уже по остаточному принципу, и, вследствие кадрового дефицита, поступить на службу, в том числе в органы предварительного расследования и оперативные подразделения, могут наименее профессиональные и морально неустойчивые граждане. В данном случае следует солидаризироваться с мнением О. В. Зуевой и Н. Н. Демидова, считающих, что изменение ценностных ориентаций современной молодежи определяет такие ее потреб-

¹ Приговор Советского районного суда г. Тулы по уголовному делу № 1-21/2018 от 04.06.2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8scboAF7AgZQ/?ysclid=mb81kszfe2945990867> (дата обращения: 29.05.2025).

ности, которые служба в органах внутренних дел удовлетворить не в состоянии [15, с. 124].

Указанные обстоятельства приводят к тому, что лица, осуществляющие предварительное расследование и оперативное сопровождение по уголовным делам, из личной заинтересованности фальсифицируют доказательства в целях прекращения уголовного дела или смягчения ответственности в отношении своих знакомых или родственников, самоутверждения и других личных выгод. Данные факторы можно проиллюстрировать материалами судебной практики.

К примеру, 19 ноября 2024 г. Ленинским районным судом г. Пензы осужден старший дознаватель отдела полиции № 1 Управления Министерства внутренних дел России по г. Пензе. В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый в целях освобождения от уголовной ответственности своего знакомого, подозреваемого в совершении кражи автомагнитолы, сфальсифицировал протокол выемки данной автомагнитолы, протокол осмотра места происшествия, протокол дополнительного допроса потерпевшего и другие процессуальные документы. Суд признал виновным старшего дознавателя в совершении ряда преступлений, в том числе предусмотренных ч. 2 ст. 303 УК РФ¹.

На основании изложенного следует констатировать, что совершение общественно опасных деяний, связанных с фальсификацией доказательств по уголовному делу и материалов оперативно-разыскной деятельности, детерминировано многими факторами. К ним, в частности, можно отнести стремление сотрудников правоохранительных органов к скорейшему раскрытию и расследованию преступлений в целях улучшения показателей и повышения рейтинга своей служебной деятельности; высокую загруженность следователей, дознавателей и оперативных сотрудников; их недостаточную профессиональную подготовку; отрицание ими правовых и этических стандартов; непонимание негативных последствий фальсификации для правосудия и общества; правовой нигилизм. В свою очередь, указанные причины обусловлены кадровым дефицитом в правоохранительных структурах, вызванным низким материальным обеспечением сотрудников и снижением престижа прохождения службы.

Представляется, что устранение данных причин возможно посредством дальнейшей оптимизации кадровой политики, особенно в органах внутренних дел, поскольку материалы судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что доказательства по уголовному делу и материалы оперативно-разыскной деятельности фальсифицируются преимущественно сотрудниками именно органов внутренних дел. Для этого в первую очередь необходимо внести соответствующие изменения в ведомственные нормативные акты о повышении денежного довольствия сотрудникам, пересмотреть

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы по уголовному делу № 1-169/2024 от 19.11.2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nD1F5revBOQw/> (дата обращения: 29.05.2025).

систему надбавок и стимулирующих выплат. Такие меры смогут повысить престиж службы в правоохранительных структурах и обеспечить приток целеустремленных и профессиональных кадров, в том числе в оперативные подразделения, органы предварительного следствия и дознания, желающих честно, достойно, в соответствии с законом выполнять свои служебные обязанности по раскрытию и расследованию преступлений.

Список литературы

1. Быкова Е. Г., Казаков А. А. Оперативный сотрудник как субъект фальсификации доказательств по уголовному делу // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 4. С. 38–50.
2. Шайденко Е. А. Тяжкие последствия фальсификации доказательств как оценочный признак состава преступления, влияющий на степень его общественной опасности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 191–197.
3. Борков В. Н. Конституционно-правовой смысл нормы о фальсификации доказательств по уголовному делу // Законность. 2024. № 4 (1074). С. 35–38.
4. Радченко А. А. Способ как обязательный признак состава фальсификации доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2023. № 5 (153). С. 42–51.
5. Борков В. Н. Квалификация фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, сопряженной с другими преступлениями // Уголовное право. 2023. № 8 (156). С. 3–10.
6. Гавло В. К., Сафронов А. Ю. К вопросу о классификации типичных следственных ситуаций по делам о фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, складывающихся на первоначальном этапе расследования // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-1 (86). С. 41–45.
7. Судебная статистика РФ. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mb7ne1ahn39055038> (дата обращения: 28.05.2025).
8. Ворончихина Е. В. Фальсификация доказательств: актуальные проблемы // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 433–440.
9. Попов В. П. Уголовно-правовая охрана правосудия от фальсификации доказательств // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 5. С. 293–302.
10. Исаева К. А., Калиев Т. Т. Фальсификация доказательств с использованием дипфейк-технологий // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 460–462.
11. Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 58–66.
12. Овсянников И. В. Пути реформирования частного порядка уголовного преследования в свете кадровых проблем правоохранительных органов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 2 (261). С. 25–29.
13. Бердников В. Л. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 87–97.
14. Россинский С. Б., Рябцева Е. В. Предупреждение коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 5. С. 629–637.

15. Зуева О. В., Демидов Н. Н. Проблемы повышения престижа ведущих подразделений полиции в условиях совершенствования кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 122–131.

References

1. Bykova E.G., Kazakov A.A. An operative officer as a subject of falsification of evidence in a criminal case. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. 2021;(4):38–50. (In Russ.)
2. Shaydenko E.A. The grave consequences of falsification of evidence as an evaluative feature of the elements of a crime, influencing the degree of its public danger. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(1):191–197. (In Russ.)
3. Borkov V.N. The constitutional and legal meaning of the norm on falsification of evidence in a criminal case. *Zakonnost = Legality*. 2024;(4):35–38. (In Russ.)
4. Radchenko A.A. Method as a mandatory feature of the composition of falsification of evidence in a criminal case. *Ugolovnoye pravo = Criminal law*. 2023;(5):42–51. (In Russ.)
5. Borkov V.N. Qualification of falsification of the results of operational-investigative activities associated with other crimes. *Ugolovnoye pravo = Criminal law*. 2023;(8):3–10. (In Russ.)
6. Gavlo V.K., Safronov A.Yu. On the issue of classification of typical investigative situations in cases of falsification of evidence and the results of operational-search activities that arise at the initial stage of the investigation. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Altai State University*. 2015;(2-1):41–45. (In Russ.)
7. Judicial statistics of the Russian Federation. Data on sentences imposed under articles of the Criminal Code. *Agentstvo pravovoy informatsii = Legal Information Agency*. (In Russ.). Available at: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mb7ne1ahn39055038> (accessed 28.05.2025).
8. Voronchikhina E.V. Falsification of evidence: current issues. *Voprosy rossiyskoy yustitsii = Issues of Russian justice*. 2020;(5):433–440. (In Russ.)
9. Popov V.P. Criminal-legal protection of justice from falsification of evidence. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve = Gaps in Russian legislation*. 2020;13(5):293–302.
10. Isayeva K.A., Kaliyev T.T. Falsification of evidence using deepfake technologies. *Agrarnoye i zemelnoye pravo = Agrarian and land law*. 2024;(12):460–462. (In Russ.)
11. Klimova Yu.N. Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective signs. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2020;(2):58–66. (In Russ.)
12. Ovsyannikov I.V. Ways to reform the private procedure for criminal prosecution in light of personnel problems in law enforcement agencies. *Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy = Penal system reports*. 2024;(2):25–29. (In Russ.)
13. Berdnikov V.L. The subjective side of the crime provided for in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):87–97. (In Russ.)
14. Rossinskiy S.B., Ryabtseva E.V. Prevention of corruption risks in criminal proceedings. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2022;16(5):629–637. (In Russ.)

15. Zuyeva O.V., Demidov N.N. Issues of increasing the prestige of leading police units in the context of improving personnel policy in the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* = *Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2020;(4):122–131. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Андрей Владимирович Яшин

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правоохранительной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
профессор кафедры юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

E-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

Andrei V. Yashin

Doctor of juridical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of law enforcement, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
professor of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch of Moscow
Witte University (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.07.2025

Принята к публикации / Accepted 14.08.2025

УДК 342.7

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-6

Смерть человека в контексте определения границ его правосубъектности

Е. А. Капитонова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

e-kapitonova@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Достижения современной медицины детерминируют новую волну репроблематизации критериев определения смерти мозга и различных юридических вопросов, с нею связанных. Целью работы является определение новых подходов к этой теме с учетом новаций социальной практики и отдельных судебных решений, отчасти расширяющих рамки понимания составных элементов правосубъектности личности, часть которых способна реализоваться даже после смерти их носителя. *Материалы и методы.* Предметом изучения избраны научные публикации, связанные с переосмыслением границ существования правосубъектности личности во времени, а также нормативно-правовые акты, отражающие влияние смерти человека на его права и обязанности. Автор использовал метод системного анализа и формально-юридический подход, задействовал общенаучные методы, позволившие построить собственные выводы на основе обобщения изученной информации. *Результаты.* Анализ смерти человека осложняется необходимостью ее оценки с двух точек зрения: как состояния, требующего точной диагностики, и как юридического факта, влияющего на правовой статус не только самого умершего, но и связанных с ним лиц (правопреемников, наследников и др.). Автор предлагает считать смерть индивида закономерным финалом существования его правосубъектности. Однако в современных условиях неполной ясности разграничения смерти мозга и пограничных состояний, а также развития возможностей поддержания функционирования организма человека уже после констатации бесповоротной утраты мозгом своих функций смерть может представлять собой не ясную конечную точку, а растянутый во времени процесс, что обуславливает необходимость внесения ряда изменений в законодательство. *Выводы.* Предложено унифицировать подход к оценке трансформации прав умершего в элементы правового положения живых лиц, призванных их реализовывать, посредством использования термина «правовой модус личности», в который автор вкладывает понимание совокупности ответственности, обязанностей и ограничений прав и свобод конкретного индивида.

Ключевые слова: правосубъектность личности, смерть человека, правовой модус личности, трансплантация органов и тканей, посмертное донорство

Для цитирования: Капитонова Е. А. Смерть человека в контексте определения границ его правосубъектности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 74–82. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-6

Death of a person in the context of defining the boundaries of his legal personality

E.A. Kapitonova

Penza State University, Penza, Russia

e-kapitonova@yandex.ru

Abstract. *Background.* The achievements of modern medicine determine a new wave of reproblematicization of criteria for determining brain death and various legal issues related to it. The purpose of the work is to identify new approaches to this topic, taking into account innovations in social practice and individual court decisions, partly expanding the scope of understanding the constituent elements of a person's legal personality, some of which can be realized even after the death of their bearer. *Materials and methods.* The subject of the study is scientific publications related to rethinking the boundaries of the existence of a person's legal personality over time, as well as normative legal acts reflecting the impact of a person's death on his rights and duties. The author used the method of system analysis and a formal legal approach, used general scientific methods that allowed him to draw his own conclusions based on the generalization of the studied information. *Results.* The analysis of human death is complemented by the need to evaluate it from two points of view: as a condition requiring accurate diagnosis, and as a legal fact affecting the legal status of not only the deceased himself, but also related persons (legal successors, heirs, etc.). The author suggests considering the death of an individual as the natural finale of the existence of his legal personality. However, in modern conditions of incomplete clarity of the distinction between brain death and borderline states, as well as the development of the possibilities of maintaining the functioning of the human body after the irrevocable loss of its functions by the brain, death may not be a clear endpoint, but a time-consuming process, which necessitates a number of legislative changes. *Conclusions.* It is proposed to unify the approach to assessing the transformation of the rights of the deceased into elements of the legal status of living persons who are called upon to implement them by using the term "legal modus of individual", in which the author puts an understanding of the totality of responsibilities, duties and limitations of the rights and freedoms of a particular individual.

Keywords: legal personality, human death, legal modus of the individual, organ and tissue transplantation, postmortem organ donation

For citation: Kapitonova E.A. Death of a person in the context of defining the boundaries of his legal personality. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):74–82. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-6

Введение

Со времен зарождения прикладных отраслей знаний развитие науки ставило перед человечеством сложные вопросы, обусловленные необходимостью постигать соотношение новых технологий и границ человеческой этики, пользы и допустимого вреда, прогресса и морали. Почти каждое значимое открытие, способное улучшить или спасти жизнь человека, имеет обратную сторону – может наметить новые ориентиры для оценки границ применения научных достижений с тем, чтобы свести к минимуму потенциальные угрозы и переосмыслить отдельные устоявшиеся в обществе принципы и парадигмы.

И без того вызывающая споры концепция смерти мозга, которая приравнивается в большинстве стран мира к физической гибели организма человека, в последние годы подвергается критике с точки зрения специалистов, изучающих скорость и обратимость процесса отмирания нейронов после прекращения функционирования тех или иных органов и тканей. В то же время расширяются границы понимания возможностей человеческого тела даже после смерти мозга. Так, в июне 2025 г. в американском штате Джорджия врачи с успехом приняли роды ребенка, матери которого диагностировали смерть мозга на девятой неделе беременности и с тех пор поддерживали функционирование ее организма на аппаратах жизнеобеспечения, чтобы соблюсти требования закона штата об ограничении аборт [1]. Мнение близких родственников при этом во внимание не приняли, хотя все затраты по содержанию пациентки в больнице за время продленной беременности в итоге возложили на них.

Таким образом, в настоящее время установление четкого момента смерти человека как границы существования его правосубъектности переживает новую волну репроблематизации. В наибольшей степени подобные вопросы относятся к предмету изучения биоэтики, однако правовая наука также должна включиться в обсуждение и разработку новых подходов к этой теме с учетом современных достижений медицины, новаций социальной практики и отдельных судебных решений, отчасти расширяющих рамки понимания составных элементов правосубъектности личности, часть которых способна реализоваться даже после смерти их носителя. Обозначение направлений данной работы и определение возможных векторов их развития как раз и является целью настоящей статьи.

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужил диалектический подход, органично объединяющий широкий спектр общенаучных методов, включая мыслительные процедуры анализа и синтеза, логико-дедуктивные и индуктивные способы рассуждений, теоретическое построение гипотез и создание моделей. Применение указанных инструментов в тесной взаимосвязи обеспечило возможность всестороннего изучения имеющихся в российской юриспруденции научных концепций относительно связанных с темой правовых феноменов, а также интеграции существующих подходов и учета разнонаправленных мнений с целью систематизации и формулирования собственных научно-правовых взглядов и выводов. Дополнительное использование формально-юридического метода позволило оценить суть нормативных положений и судебных актов, касающихся установления момента смерти человека и его влияния на возможность реализации принадлежащих личности прав и обязанностей.

Результаты и обсуждение

Российское законодательство четко определяет порядок констатации физиологической смерти человека (ст. 66 Федерального закона «Об основах

охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950²). С одной стороны, поводом для нее может стать признание биологической смерти, под которой понимается необратимая гибель человека, устанавливаемая медработником при наличии трупных изменений. С другой стороны, консилиум врачей, состав которого также оговорен законом, может диагностировать у пациента смерть мозга. Установление этого диагноза проводится в соответствии с утвержденными приказом Минздрава России правилами³. Однако, несмотря на наличие в нормативном акте четких критериев диагностики, сформулированных медицинским сообществом и в целом общепринятых на уровне всего мира, сама концепция смерти мозга уже не первое десятилетие продолжает вызывать споры и сомнения по целому ряду аспектов – причем как у российских, так и у зарубежных ученых [2–4].

Анализ имеющегося ограниченного круга связанных с данной тематикой русскоязычных публикаций показал, что представители юридической науки, в отличие от философов и врачей [5], интересуются подобными вопросами существенно реже и со своей специфической стороны, что в целом объяснимо. Правоведов по объективным причинам выхода за пределы их компетенции в меньшей степени волнуют сам алгоритм констатации смерти мозга и тонкости ее отличий от всевозможных близких к ней состояний. Достаточно редки случаи обращения к оценке причин смерти в рамках судебно-медицинской экспертизы [6] и попытки анализа смерти мозга как одного из возможных пределов уголовно-правовой охраны жизни человека [7]. Куда больше внимания уделяется связи такого диагноза с посмертным донорством и конкретно с процессом получения от самого смертельно больного пациента либо от его родственников (законных представителей) согласия на изъятие органов и тканей [8]. Именно в этом специалистам обоснованно видится главная этическая дилемма между спасением жизни и риском злоупотреблений, точка напряжения и опасений по поводу потенциальных врачебных ошибок. Росту социального недоверия в этой сфере отчасти способствуют и сами медработники, непрофессиональные действия которых приводят к громким судебным делам. Ошибочные действия со стороны врачей в процессе реанимации и констатации смерти мозга регулярно становятся основанием взыскания компенсации морального вреда в пользу родственников умершего пациента⁴ либо административных штрафов по результатам некачественного оказания медуслуг⁵.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. (ред. от 23 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека : постановление Правительства РФ № 950 от 20 сентября 2012 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 39. Ст. 5289.

³ О Порядке установления диагноза смерти мозга человека : приказ Минздрава России № 908н от 25 декабря 2014 г. // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ Апелляционное определение Камчатского краевого суда от 09.06.2023 по делу № 33-961/2023 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

⁵ Решение Курского областного суда от 14.05.2020 по делу № 12-50/2020, 5-1/2020 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

Не углубляясь в обозначенную проблематику, отметим лишь, что ее разрешение требует взвешенного подхода, результатом реализации которого должно стать нормативное закрепление на федеральном уровне четких и ясных критериев оценки всех существующих пограничных состояний, а также пределов усмотрения родственников и врачей при решении судьбы человека, гарантирующих надлежащий учет всех охраняемых законом интересов. Данная концепция находит свое отражение в том числе в решениях Европейского Суда по правам человека (чьи суждения в России после выхода из-под его юрисдикции в 2022 г. утратили общеобязательное значение¹, однако могут быть полезны с точки зрения расширения пространства научной дискуссии), который в ходе разрешения конкретных дел неизменно уклоняется от толкования права на жизнь в контексте права на смерть и оставляет этот вопрос на усмотрение государств, имеющих право самостоятельно разрешать сложные научные, правовые и этические проблемы, по которым на данный момент отсутствует международный консенсус².

Оценка смерти человека не как повода для точной диагностики, а исключительно в статусе юридического факта приводит к иным выводам. В качестве такового смерть до начала XXI в. традиционно выступала абсолютной темпоральной границей правового положения личности, т.е. после момента наступления смерти конкретного индивида элементы его правового статуса утрачивали свое значение, а умерший уже не мог рассматриваться в качестве субъекта каких-либо прав и обязанностей. В 2000-е гг. понимание влияния смерти на правосубъектность человека начало меняться. Одними из первых о продлении ее существования за пределы смерти заговорили, в частности, А. И. Ковлер, А. А. Демичев и О. В. Исаенкова [9, с. 460–461; 10, с. 86]. В качестве аргументов приводились, к примеру, факт установления в Уголовном кодексе РФ ответственности за надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244), а также положения Федерального закона «О погребении и похоронном деле»³, гарантирующие учет волеизъявления лица о достойном отношении к его телу после смерти (ст. 5). В 2010-е гг. намеченные доводы стали подкрепляться ссылкой на новейшие достижения медицины и взаимной подчиненности в этом смысле правовой презумпции и биологической действительности. Так, А. А. Рыжова указала, что правосубъектность гражданина в ряде случаев может не прекращаться со смертью, «поскольку процесс умирания имеет определенные стадии, растянутые во времени» [11, с. 46]. В 2020-е гг. отдельные исследователи в попытке объяснить отсутствие безусловной зависимости правосубъектности личности от обще-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон № 183-ФЗ от 11 июня 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3943 ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 180-ФЗ от 11 июня 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.

² Дело «Ламбер и другие (Lambert and Others) против Франции» (жалоба № 46043/14) : постановление Европейского Суда по правам человека от 5 июня 2015 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 9.

³ О погребении и похоронном деле : федер. закон № 8-ФЗ от 12 января 1996 г. (ред. от 6 апреля 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.

принятого понимания конечности ее жизни стали предлагать новые понятия, характеризующие протяженность процесса прекращения закрепленных законом прав человека и гражданина. Например, Д. В. Пятков выдвинул достаточно оригинальную концепцию деструкции правоспособности как длительного процесса ее прекращения с постепенным исчезновением отдельных элементов [12].

Подобные мнения, бесспорно, заслуживают право на существование, хотя здесь уместнее говорить, скорее, о некоторых «остаточных» правах, реализуемых посредством предусмотренного законом активного поведения живых лиц. Схожие суждения высказывает, к примеру, Е. В. Богданов, считающий, что смерть в любом случае выступает концом правосубъектности конкретной личности, однако принадлежавшие ей права и обязанности переходят к особому субъекту права – обществу, которое, в свою очередь, устанавливает порядок перехода их к наследникам либо оставляет их за собой и делегирует определенному кругу лиц возможность их защиты в случае нарушения [13, с. 26–29]. Подтверждением правильности такого подхода могут стать также постановления Конституционного Суда. К примеру, в контексте исследования конституционности норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, позволявших прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого без учета мнения его близких родственников, требующих реабилитации умершего, было установлено, что конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, что на практике означает необходимость предоставления государством правовых гарантий для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения¹.

В то же время в контексте понимания конечности человеческого бытия и необходимости задействования в последующей реализации прав умершего поведения других лиц было бы правильнее говорить не столько о продлении личной правосубъектности за пределы смерти, сколько о расширении после этого момента прав и обязанностей лиц, связанных с умершим. Более того, нельзя утверждать, что смерть одного человека порождает хоть какие-то права у другого, которые были бы связаны непосредственно с пролонгированием прав и обязанностей первого. Широко распространенные для иллюстрации подобных ситуаций примеры авторских и наследственных прав, как представляется, выступают в большей степени в составе элементов правового статуса правопреемника, обновленного после смерти автора либо наследодателя. Другие примеры защиты законных интересов умершего выражаются исключительно в обязанностях, ответственности и ограничениях прав и свобод лиц, потенциально способных навредить этим законным интересам или призванных реализовать их своим активным поведением. Таким образом, предложенное Е. В. Богдановым суждение об особом порядке перехода и последу-

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко : постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 2). Ст. 4698.

ющего делегирования элементов правосубъектности может быть уточнено указанием на объем этого перехода и сопутствующую трансформацию содержательного наполнения.

В этом смысле более уместным представляется использование предложенного автором настоящей статьи термина «правовой модус личности», который подразумевает сочетание предусмотренных законом обязанностей, ответственности и ограничений прав и свобод конкретного человека, посредством которых гарантируется его правомерное поведение. Смерть конкретного индивида абсолютно и окончательно прекращает его собственную правосубъектность, но в то же время в целях реализации его законных интересов может дополняться новыми элементами правовой модус связанных с ним тем или иным образом лиц (например, возложить на наследника обязанность по осуществлению погребения завещателя в соответствии с его волей, согласно требованиям ст. 1139 Гражданского кодекса РФ).

Именно в категориях «обязанность» и «ответственность» мыслят любое продление составных элементов правового статуса умершего и высшие судебные инстанции. К примеру, оценивая временные пределы возможности реализации обязанности компенсировать моральный вред потерпевшему, Конституционный Суд в 2025 г. признал возможность перехода этой обязанности к наследникам даже в случае смерти неосужденного преступника¹.

Заключение

Проведенный анализ влияния смерти человека на возможность пролонгации существования его правосубъектности позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Смерть индивида следует считать закономерным финалом существования его правосубъектности, хотя в современных условиях неполной ясности разграничения смерти мозга и пограничных состояний, а также развития возможностей поддержания функционирования организма человека уже после констатации бесповоротной утраты человеческим мозгом своих функций смерть может представлять собой не ясную конечную точку, а растянутый во времени процесс. В связи с этим требуют уточнения вопросы правового регулирования пределов усмотрения родственников и врачей при решении судьбы человека, гарантии надлежащего учета всех охраняемых законом интересов и формирование унифицированного подхода к оценке трансформации прав умершего в элементы правового положения живых лиц, призванных их реализовывать.

2. Понятие «правовой модус личности», в которое автор настоящей статьи вкладывает понимание совокупности ответственности, обязанностей и ограничений прав и свобод конкретного индивида, отражает суть изучаемого вопроса лучше, чем концепция той или иной пролонгации правосубъектности

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. Г. Байгускаровой и М. Г. Мухаметчина : постановление Конституционного Суда РФ № 24-П от 29 мая 2025 г. // Собрание законодательства РФ. 2025. № 23. Ст. 3104.

после смерти человека. Любые законные интересы умершего реализуются именно посредством элементов правового модуса уполномоченных и обязанных лиц, а не в результате констатированного сохранения субъективных прав первоначального субъекта. Следовательно, правильнее будет говорить не о пролонгации прав и обязанностей покойного, а о трансформации и дополнении обязанностей и об ограничении третьих лиц, поведение которых тем самым будет направлено в нужное русло – на защиту законных интересов умершего.

Список литературы

1. Baby delivered from brain-dead woman on life support in Georgia // The Associated Press. URL: <https://apnews.com/article/pregnant-woman-brain-dead-georgia-baby-delivered-1dbc32dc986926a8cf65780a3e738dac> (дата обращения: 10.08.2025).
2. Ильченко К. В. Смерть мозга – смерть человека: этико-философский и правовой дискурс // Юридическая мысль. 2017. № 4. С. 29–36.
3. Король А. С. Является ли смерть мозга смертью человека или нет? // Вестник научных конференций. 2025. № 4-4 (116). С. 72–73.
4. Miller F. G., Truog R. D. Death, Dying, and Organ Transplantation: Reconstructing Medical Ethics at the End of Life. Oxford : Oxford University Press, 2011. 198 p.
5. Попова О. В. Диагноз «смерть мозга» как научный факт и социальная конструкция // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2019. Т. 21, № S. С. 178.
6. Путинцев В. А., Богомолов Д. В. Классификация смерти в судебной медицине с учетом современных реалий // Вестник военного права. 2024. № 4. С. 42–48.
7. Аюпова Г. Ш. Пределы уголовно-правовой охраны жизни человека // На страже закона. 2025. № 1. С. 21–26.
8. Евдокимова Д. В. Правовые аспекты трансплантации органов и тканей в Российской Федерации и зарубежных странах // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 403–410.
9. Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. 480 с.
10. Демичев А. А., Исаенкова О. В. Смерть с точки зрения права // Государство и право. 2008. № 8. С. 86–89.
11. Рыжова А. А. Право на смерть и прекращение конституционной правосубъектности гражданина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 2. С. 40–48.
12. Пятков Д. В. Смерть человека в контексте учения о лицах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 112–133. doi: 10.17323/2072-8166.2020.3.112.133
13. Богданов Е. В. Проблемы правосубъектности человека // Государство и право. 2017. № 1. С. 23–29.

References

1. Baby delivered from brain-dead woman on life support in Georgia. *The Associated Press*. Available at: <https://apnews.com/article/pregnant-woman-brain-dead-georgia-baby-delivered-1dbc32dc986926a8cf65780a3e738dac> (accessed 10.08.2025).

2. Ilchenko K.V. Brain death is human death: ethical, philosophical and legal discourse. *Yuridicheskaya mysl = Juridical thought*. 2017;(4):29–36. (In Russ.)
3. Korol A.S. Is brain death the death of a person or not? *Vestnik nauchnykh konferentsiy = Bulletin of scientific conferences*. 2025;(4-4):72–73. (In Russ.)
4. Miller F.G., Truog R.D. *Death, Dying, and Organ Transplantation: Reconstructing Medical Ethics at the End of Life*. Oxford: Oxford University Press, 2011:198.
5. Popova O.V. The diagnosis of “brain death” as a scientific fact and a social construct. *Vestnik transplantologii i iskusstvennykh organov = Bulletin of transplantology and artificial organs*. 2019;21(S):178. (In Russ.)
6. Putintsev V.A., Bogomolov D.V. Classification of death in forensic medicine taking into account modern realities. *Vestnik voyennogo prava = Bulletin of military law*. 2024;(4):42–48. (In Russ.)
7. Ayupova G.Sh. Limits of criminal-legal protection of human life. *Na strazhe zakona = On guard of the law*. 2025;(1):21–26. (In Russ.)
8. Yevdokimova D.V. Legal aspects of organ and tissue transplantation in the Russian Federation and foreign countries. *Voprosy rossiyskoy yustitsii = Issues of Russian justice*. 2021;(16):403–410. (In Russ.)
9. Kovler A.I. *Antropologiya prava: uchebnik dlya vuzov = Anthropology of Law: textbook for universities*. Moscow: Norma, 2002:480. (In Russ.)
10. Demichev A.A., Isayenkova O.V. Death from a legal perspective. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2008;(8):86–89. (In Russ.)
11. Ryzhova A.A. The right to death and termination of the constitutional legal capacity of a citizen. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2017;(2):40–48. (In Russ.)
12. Pyatkov D.V. The death of a person in the context of the doctrine of persons. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(3):112–133. (In Russ.). doi: 10.17323/2072-8166.2020.3.112.133
13. Bogdanov E.V. Problems of human legal personality. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2017;(1):23–29. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Анатольевна Капитонова
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Elena A. Kapitonova
Candidate of juridical sciences, associate
professor, associate professor
of the sub-department of criminal law,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.08.2025

Принята к публикации / Accepted 15.09.2025

УДК 343.98

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-7

Система факторов, влияющих на стабильность клавиатурного почерка

А. М. Сосновикова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиb», Екатеринбург, Россия
at@crimlib.info

Аннотация. *Актуальность и цели.* Многие преступные действия сегодня опосредуются созданием и распространением напечатанных текстов, в связи с чем перед правоохранительными органами встает задача определить их исполнителей. Однако специальных методов решения указанной задачи на сегодняшний день криминалистикой не разработано. В работе предлагается внедрить в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений исследования клавиатурного почерка, для чего прежде необходимо разработать вопрос возможности использования сведений о нем с позиций криминалистической науки. Сосредотачивается внимание на естественных ограничениях, которые могут возникнуть при исследовании клавиатурного почерка, связанных с его вариационностью. Перед автором стояла цель систематизировать те факторы, которые могут влиять на стабильность клавиатурного почерка, установить характер их влияния и определить, каким образом они должны учитываться при экспертизе. *Материалы и методы.* Работа основывается на междисциплинарном подходе, достижения компьютерно-технической сферы знания интегрируются в юридическое предметное поле. Основным методом выступила систематизация, за счет которой были выделены отдельные сбивающие факторы и установлена их взаимосвязь. Также автор обращался к методу анкетирования для оценки актуальности исследования и выявления потенциальной возможности усиления негативной роли отдельных рассмотренных факторов. *Результаты.* Построена система факторов, влияющих на стабильность клавиатурного почерка, с их разделением на две группы: внутренних и внешних; приведена характеристика каждого элемента системы; оценено их влияние на стабильность навыка. *Выводы.* Сбивающие факторы оказывают прогнозируемое влияние на клавиатурный почерк, в связи с чем в процессе производства экспертизы возможна их проверка для корректировки идентификационных выводов, а непосредственный их учет – важный компонент для производства диагностических исследований. Кроме того, изменение клавиатурного почерка под воздействием сбивающих факторов не исключает возможности идентификации исполнителя напечатанного текста.

Ключевые слова: клавиатурный почерк, компьютерные преступления, исполнитель напечатанного текста, компьютерно-техническая экспертиза, сбивающие факторы, стабильность навыка, вариационность навыка, динамический стереотип

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>

Для цитирования: Сосновикова А. М. Система факторов, влияющих на стабильность клавиатурного почерка // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 83–94. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-7

System of factors influencing the stability of keystroke dynamics

A.M. Sosnovikova

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

Centre for Assistance to the Development of Criminalistics “CrimLib”,

Yekaterinburg, Russia

at@crimlib.info

Abstract. *Background.* Many criminal acts today are mediated by the creation and distribution of typed texts, in connection with which law enforcement agencies are faced with the task of identifying their typists. However, to date, forensic science has not developed special methods for solving this problem. The study proposes to introduce keystroke dynamics studies into crime detection and investigation activities, for which it is first necessary to develop the issue of the possibility of using information about it from the standpoint of forensic science. This study focuses on the objective limitations that may arise when studying keystroke dynamics associated with its variability. The purpose of the study is to systematize the factors that can influence the stability of keystroke dynamics, to establish the direction of their influence and to determine how they should be taken into account during the examination. *Materials and methods.* The study is based on an interdisciplinary approach, integrating the achievements of the computer-technical sphere of knowledge into the legal subject field. The main method was systematization, due to which individual confounding factors were identified and their interrelation was established. The author also turned to the questionnaire method to assess the relevance of the study and identify the potential for enhancing the negative role of individual factors considered. *Results.* A system of factors influencing the stability of keystroke dynamics was built, dividing them into two groups: internal and external; characteristics of each element of the system are provided; their influence on the stability of the skill was assessed. *Conclusions.* Confounding factors have a predictable effect on keystroke dynamics, in connection with which they can be checked in the process of conducting an examination to adjust identification conclusions, and their direct consideration is an important component for conducting diagnostic studies. In addition, changes in keystroke dynamics under the influence of confusing factors do not exclude the possibility of identifying the typist.

Keywords: keystroke dynamics, computer crimes, typist, computer-technical expertise, confusing factors, skill stability, skill variability, dynamic stereotype

Financing: the study was financially supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-10011, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10011/>

For citation: Sosnovikova A.M. System of factors influencing the stability of keystroke dynamics. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(3):83–94. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-7

XXI в. характеризуется стремительной цифровизацией, непосредственно связанной с развитием электронной текстовой коммуникации, которая опосредует многие сферы жизнедеятельности людей, в том числе и преступ-

ную деятельность. В этой связи одной из актуальных задач в рамках раскрытия и расследования преступлений становится установление исполнителя напечатанного текста, использованного при подготовке, совершении или сокрытии противоправного деяния. Примерами таких текстов могут служить: переписка соучастников преступления; публикация на сайте или странице в социальной сети, носящая экстремистский характер, побуждающая к самоубийству, дискредитирующая Вооруженные Силы Российской Федерации или иным образом нарушающая закон; мошенническое письмо, присланное потерпевшему по электронной почте или через мессенджер, и пр.

Для решения указанной задачи (установления исполнителя напечатанного текста) перспективным является изучение клавиатурного почерка, отражающего в цифровых следах особенности взаимодействия пользователя с клавиатурой и отвечающего на вопрос, «как человек печатает» [1, р. 95]. Клавиатурный почерк складывается из комплекса характеристик (длительности удержания клавиши и интервалов между нажатиями; типичных опечаток пользователя; характеристики использования служебных клавиш, сочетаний клавиш; модели внесения исправлений в текст и т.д. [2, р. 150–155]) и является уникальной для разных пользователей, воспроизводимой, отображаемой и относительно стабильной универсальной (т.е. проявляющейся у всех лиц со сформированным навыком печати на клавиатуре) характеристикой личности [3, с. 153]. В этой связи его криминалистическое исследование может существенно повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений, в которых используются напечатанные тексты. Однако такое исследование и идентификация исполнителя текста по его результатам будут невозможны, если не учитывать уже упомянутой выше лишь относительной стабильности (а значит – вариационности) клавиатурного почерка.

Так, еще на начальных этапах формирования теории криминалистической идентификации было установлено и закреплено в качестве научной основы, что объекты идентификации и их отдельные признаки подвержены определенным изменениям [4, с. 76], что верно и для динамического стереотипа, в соответствии с которым происходит реализация навыков и привычек печати на клавиатуре. Как отмечается в специальной литературе, любой двигательный навык – сложная система, в связи с чем изначальный импульс может проходить различные пути до непосредственного выражения в поведении человека [5, с. 58–59]. Таким образом, у одного пользователя даже с развитым навыком не может быть идентичных показателей отдельных характеристик клавиатурного почерка – при определении принадлежности текста тому или иному исполнителю речь следует вести о доверительных интервалах, отклонения в рамках которых являются нормальными [6, с. 133]. Помимо этого, сама типичная модель клавиатурного почерка конкретного лица должна формироваться на основе статистического анализа нескольких образцов [7, с. 141]. Только в этом случае станет возможным точно провести идентификацию.

Вместе с тем подобные изменения могут интенсифицироваться под влиянием различных факторов, имеющих внутреннее (субъективное) и внешнее (объективное) происхождение. При этом важно учитывать, что факторы обеих групп находятся во взаимном влиянии и нередко действуют в совокупности, в связи с чем их исследование не может производиться изолированно, а любое подразделение носит условный характер. Вместе с тем мы предлагаем использовать системный подход, так как он позволит в дальнейшем при внедрении экспертизы клавиатурного почерка в практику правоохранительной деятельности оперативно проверять данные на конкретные возможные искажения, а также производить методически стройные диагностические исследования. Рассмотрим же подробнее, какие факторы могут влиять на стабильность клавиатурного почерка.

I. Субъективные факторы имеют внутреннее происхождение, непосредственно связаны с личностью исполнителя. При этом они могут возникать как от волевых действий человека (например, при автоподлоге), так и произвольно (например, в ситуации патологического состояния). Оговоримся, что в данном случае речь идет о волевом характере только в ситуации, когда действия лица прямо или косвенно направлены на модификацию признаков своего клавиатурного почерка, а не просто осуществляются при желании и сознательном контроле со стороны пользователя.

1. К факторам, имеющим *произвольное происхождение*, можно отнести следующие:

1.1. *Опыт работы на клавиатуре.* Он приводит к изменениям, которые связаны с динамическим развитием навыков и привычек печати на клавиатуре. Так, до определенного момента происходит их становление (формирование), когда каждый эпизод печати совершенствует клавиатурный почерк, закрепляя в нем уникальные черты исполнителя. После этого наступает этап, который является наиболее продолжительным по общему правилу, когда клавиатурный почерк не претерпевает существенных изменений, и отдельные ученые считают, что только в этот период становится возможной идентификация, так как признаки почерка стабильны [8, с. 130]. Однако указанное, на наш взгляд, верно только для автоматизированной обработки, экспертная оценка позволяет проводить исследования и на начальных этапах формирования навыка. Далее приходит время, когда моторные функции постепенно атрофируются, что связано с общим старением организма. Это приводит к нарушению и последующему разрушению устойчивости навыков и привычек печати [9].

Соответственно, сведения о клавиатурном почерке исполнителя для исследования должны быть получены с учетом потенциальной динамики, особенно если между моментом создания спорного напечатанного текста и отбором экспериментальных образцов прошел значительный промежуток времени.

1.2. *Психоэмоциональное состояние исполнителя.* Так, представляется очевидным, что опечаленный или ментально уставший человек будет печатать

тать медленнее обычного своего темпа, взволнованный и раздраженный – допустит, вероятно, больше ошибок, чем обычно [10, р. 30]. Напротив, как было экспериментально установлено, под влиянием радости (как положительной эмоции) у пользователя сокращается время удержания клавиш [11, с. 250–251], однако может незначительно снижаться правильность печати. Это объясняется тем, что все процессы в нашем организме связаны и, когда эмоции переходят установленную норму интенсивности, они блокируют нормальное функционирование прочих систем – когнитивной [12, с. 232] и опорно-двигательной, в частности. В этой связи исследования эмоций пользователя компьютерного устройства посредством анализа его клавиатурного почерка – достаточно распространенная тема научных исследований [13–15].

1.3. *Физиологическое состояние исполнителя* так же способно сказываться на работе организма. В первую очередь необходимо отметить фактор усталости (утомляемости): ряд исследований показали снижение скорости печати линейно в течение дня [16, с. 72], а также рабочей смены [17, с. 67].

Помимо этого, состояние алкогольного опьянения одновременно провоцирует большое количество опечаток и нежелание их исправлять. Интересно исследование А. В. Горчаковой, где было установлено, что «прием алкоголя до 40 г в этиловом эквиваленте не оказывает критического влияния на цифровой почерк пользователя и позволяет применять выявленные характеристики [длительность нажатий и пауз между ними, время “включения в клавиатуру”, число допускаемых опечаток – прим. авт.] для оценки пользователей. По мере возрастания дозы (от 60 г в спиртовом эквиваленте) характеристики начинают стремительно “разрушаться” и приводят к существенным отклонениям от “нормальных” для ряда пользователей» [18, с. 255].

Также человеку в состоянии болезни сложнее удерживать концентрацию, формулировать мысли и быстро двигаться, напрягая мышцы, которых в процессе набора печатного текста задействуется около 140 [19, с. 57], в связи с чем будет падать общий темп печати, искажаться ритм и увеличиваться число опечаток.

Наконец, человек, получивший травму руки, с высокой долей вероятности не будет использовать эту руку вовсе или существенно ограничит ее участие в процессе печати, что приведет к нарушению привычных динамики, темпа и ритма набора текста [20, с. 35].

1.4. *Степень вовлеченности* заметно сказывается на темпе печати и признаках выработанности почерка в целом – эти показатели будут снижаться, если исполнитель параллельно чем-то занимается: пьет кофе, разговаривает по телефону и т.д. Аналогичных, но менее интенсивных изменений следует ожидать и при простом переключении вектора внимания, допустим, в ситуации, когда человек одновременно работает на клавиатуре и смотрит фильм либо естественно теряет концентрацию в результате длительной работы [21, с. 68]. Еще раз подчеркнем: несмотря на то что действия, которые приводят к снижению концентрации на процессе печати, нередко носят сознательный характер (человек сам решает, что будет работать параллельно

с приемом пищи или разговором по телефону), они предпринимаются не для того, чтобы модифицировать клавиатурный почерк, поэтому отнесены нами к группе произвольных факторов.

2. Среди факторов, носящих *волевой характер*, следует выделять следующие:

2.1. *Нейтральные по своему характеру*, которые приводят к изменению клавиатурного почерка в ситуации, когда человек пытается научиться десятипальцевой, слепой печати или иным образом развить свои навыки и привычки набора текста на клавиатуре.

2.2. *Злоумышленные*, создаваемые исполнителем напечатанного текста с целью осложнить или сделать вовсе невозможной последующую его идентификацию (автоподлог). В этом случае человек целенаправленно искажает свою манеру печати: замедляясь, используя непривычное количество пальцев, допуская специальные нарушения правильности печати и т.д.

Однако необходимо учитывать, что, во-первых, злоумышленное искажение может иметь место только тогда, когда пользователь знает, что такое клавиатурный почерк, какие признаки в нем отражаются, а также презюмирует наличие устройства (программы), которая эти признаки фиксирует. Однако, как показывают результаты проведенного нами опроса 179 юристов (из которых 128 являются сотрудниками правоохранительных органов), только 11,2 % респондентов знают о существовании феномена клавиатурного почерка, а также могут объяснить, что он собой представляет, при этом 70,4 % полагают, что операционные системы автоматически фиксируют показатели клавиатурного почерка. Во-вторых, клавиатурный почерк объединяет в себе большое число признаков, в связи с чем его искажение до такой степени, что идентификация станет невозможной, представляется невероятным. Таким образом, сегодня вероятность сознательного искажения собственного клавиатурного почерка является очень низкой, что существенно повышает его криминалистическую значимость.

II. Внешние факторы, имеющие объективное происхождение, могут именоваться такими лишь с определенной долей условности, поскольку их проявление и степень влияния на навыки и привычки существенно зависят от личности самого исполнителя: его опыта, профессии, предпочтений. Вместе с тем если источник субъективных факторов – человек, то источник, базовое основание, без которого объективные факторы не могут рассматриваться в целом, расположено вовне, за рамками тела и сознания – физиологической и психологической составляющих человека.

Внешние факторы также можно подразделить на подгруппы по признаку их связи с особенностями устройства печати.

1. Факторы, связанные с техническими характеристиками клавиатуры и компьютерного устройства в целом:

1.1. *Привычность клавиатуры* [16, с. 71]. В профильных исследованиях в качестве фактора, ограничивающего использование сведений о клавиатурном почерке для автоматизированной идентификации пользователя компью-

терного устройства, указывается существенное их изменение при смене клавиатуры [22, с. 44]. Однако для целей криминалистической диагностики такая информация может оказаться весьма ценной при определении фактов печати текста с клавиатуры конкретного пользователя посторонним субъектом, недавней смены клавиатуры и, возможно, компьютерного устройства в целом.

Также необходимо отметить, что нарушение признаков клавиатурного почерка в рассматриваемой ситуации свойственно и для носителей высоко-выработанного почерка, поскольку к новой (в том числе чужой, которая будет использоваться незначительный промежуток времени) клавиатуре придется какое-то время привыкать, однако чем выше степень выработанности, тем быстрее проходит процесс адаптации, занимая в отдельных случаях несколько минут. Вместе с тем человек, владеющий навыком «слепой печати» или использующий в повседневной работе модернизированную, нетипичную в части эргономики клавиатуру, будет долго привыкать к иному устройству.

Изменению в ситуации смены клавиатуры в первую очередь подвержены: темп печати, количество опечаток и время, затрачиваемое на их исправление. Также могут существенно модернизироваться паттерны печати, связанные с использованием сочетаний клавиш, что наиболее ярко проявляется при изменении языка набора (в различных клавиатурах выполнение данной функции программируется по-разному) и у лиц, привыкших работать на настроенной под собственные цели клавиатуре.

1.2. *Топология клавиатуры.* Внешнее устройство клавиатуры влияет в первую очередь на темп и скорость печати: так, например, доказано, что клавиатуры с раскладкой Дворака являются более эргономичными и способствуют печати с большей скоростью, по сравнению с распространенной QWERTY, которая, по одной из версий, изначально создавалась для уменьшения скорости набора текста машинистками и предотвращения тем самым поломок печатных машинок. Помимо этого, на темп печати влияет расстояние между клавишами [10, р. 38] и их рельефность – чем меньше эти показатели, тем меньше времени пользователь затрачивает для перехода от одной клавиши до следующей. Вместе с тем незначительный рельеф может породить большее число опечаток, так как приводит к повышению риска нажатия клавиши, расположенной рядом с необходимой.

1.3. *Время отклика.* Данный фактор связан с настройками компьютерного устройства, давностью его изготовления и эксплуатации, качеством самой клавиатуры и показывает, какое время необходимо, чтобы сигнал от нажатой клавиши перешел в изображение символа на мониторе. Длительность этого процесса описывается через соответствующую задержку, которая в норме должна составлять не более 1 с – время реакции человека. Чем больше задержка, тем значительнее она влияет на процесс печати, в частности приводя к его замедлению. Однако это верно для исполнителей со слабовыработанным клавиатурным почерком, которые склонны регулярно проверять набираемый текст на мониторе, а также для лиц, использующих «слепой» метод, поскольку их глаза не опускаются на клавиатуру, в результате чего

значительные периоды задержки приводят к расхождению сигналов, поступающих в мозг из различных источников: от глаз и от рук. В свою очередь, те, кто печатает, преимущественно отслеживая непосредственные движения рук, проверяя на мониторе только итоговый результат набранного смыслового элемента, не зависят от длительности задержки, в связи с чем она не влияет на допускаемые ими ошибки и опечатки, время их исправления [23].

2. Факторы, не связанные с клавиатурой и компьютерным устройством исполнителя:

2.1. *Характер набираемого текста*, его содержание предопределяют в некоторой степени скорость набора и число нарушений правильности печати: в личной переписке первая будет выше, чем при профессиональном общении или в иных случаях, когда нужно вдумчиво формулировать предложения. В свою очередь, печать на знакомом автору языке (в данном случае имеется в виду не только язык как маркер нации, но и как стиль речи) будет содержать меньше ошибок и опечаток, чем в ситуациях использования иностранного языка, сложных терминов и незнакомых конструкций.

Таким образом, чтобы оценить, насколько спорный текст привычен для исполнителя, при отборе образцов для сравнительного исследования требуется зафиксировать признаки, проявляющиеся при печати аналогичного по характеру, языковым конструкциям и т.д. текста, а также текстов иных стилей и сложности. В свою очередь, если эксперту на исследование поступят сведения о клавиатурном почерке одного неустановленного лица, то по различиям характеристик в разных текстах можно будет делать выводы о культурном и образовательном уровне этого лица, его профессии, интересах [24, с. 5] и наиболее частых используемых в повседневной жизни формах текстового взаимодействия. Также при проведении исследований необходимо учитывать, что изменение языка влияет на признаки клавиатурного почерка, в том числе и у лиц, которые владеют несколькими языками на одном уровне (билингвов) [25, р. 11–12].

2.2. *Условия печати* объединяют в себе комплекс ситуационных факторов, к числу которых относятся:

- характеристики локации (в том числе освещенность, размеры пространства и т.д.);
- положение исполнителя (сидя, стоя, полулежа и т.п.);
- размещение устройства печати (на столе, иной твердой поверхности, коленях либо навесу) и т.д.

Указанный перечень может быть продолжен, поскольку зависит от сложно предсказуемых жизненных обстоятельств, однако заложенные в нем факторы имеют дихотомическое деление на нормальные (привычные) для исполнителя и атипичные, не свойственные ему. В последнем случае будет наблюдаться искажение признаков клавиатурного почерка, главным образом – темпа, стабильности и правильности ввода.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что в литературе указывается на сравнительно большую стабильность ряда ключевых признаков клавиатурного почерка. Так, например, в уже упомянутом ранее исследова-

нии влияния алкоголя на стабильность признаков печати отмечается: «Инвариант клавиатурного почерка пользователя может быть с высокой степенью зафиксирован даже при приеме значительной доли алкоголя. Хотя количество стабильных признаков уменьшается, однако при использованных дозах алкоголя их количество остается приемлемым» [18, с. 257].

При этом, сохраняя идентификационную значимость, изменения в клавиатурном почерке лица позволяют делать диагностические выводы о его состоянии и условиях, в которых производилась работа, – для этого исследуются типичные формы нарушений в различных ситуациях (алкогольного опьянения, эмоционального возбуждения, усталости и т.д.). Таким образом, несмотря на то что сбивающие факторы могут существенно осложнять идентификацию, они будут играть значительную роль при назначении и производстве диагностических исследований. Считаем, что правильный их учет позволит избежать искажений при решении вопросов о личности исполнителя напечатанного текста; предоставит в распоряжение следователей и дознавателей уникальную ориентирующую информацию, а внедрение исследований клавиатурного почерка в целом в деятельность по борьбе с преступностью позволит существенно повысить ее эффективность в условиях современных вызовов технологической эпохи.

Список литературы

1. Zeid S., ElKamar R., Hassan S. Fixed-Text vs. Free-Text Keystroke Dynamics for User Authentication // *Engineering Research Journal*. 2022. Vol. 51. P. 95–104. doi: 10.21608/erjsh.2022.224312
2. Tsvetkova A., Bakhteev D. Features of keystroke dynamics and their forensic significance: literature review // *Kazan University Law Review*. 2024. Vol. 9, № 3. P. 145–164. doi: 10.30729/2541-8823-2024-9-3-145-164
3. Абдуллин А. А., Бацких А. В., Рогозин Е. А. Основные аспекты совершенствования подсистем управления доступом при создании систем защиты информации от несанкционированного доступа в защищенных автоматизированных системах в соответствии с новыми информационными технологиями // *Охрана, безопасность, связь*. 2020. № 5–3. С. 150–154.
4. Потапов С. М. Принципы криминалистической идентификации // *Советское государство и право*. 1940. № 1. С. 66–81.
5. Бондаренко П. В. Криминалистическое исследование подписей, выполненных от имени вымышленных лиц : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2000. 229 с.
6. Малышев И. В., Марьенков А. Н. Непрерывная аутентификация пользователя компьютерной системы // *Математические методы в технике и технологиях – ММТТ*. 2020. Т. 8. С. 131–134.
7. Брюхомицкий Ю. А. Статистические методы распознавания клавиатурного почерка // *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2009. № 11 (100). С. 139–147.
8. Гузик В. Ф., Десятерик М. Н. Биометрический метод аутентификации пользователя // *Известия ТРТУ*. 2000. № 2 (16). С. 129–133.
9. Vizer L. M., Sears A. Classifying Text-Based Computer Interactions for Health Monitoring // *IEEE Pervasive Computing*. 2015. Vol. 14 (4). P. 64–71.
10. Epp C. Identifying Emotional States Through Keystroke Dynamics. Saskatoon, 2010. 145 p.

11. Скринникова А. В. Изменение индивидуальной динамики манипуляций устройствами управления курсором под влиянием эмоций страха и радости // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 5 (142). С. 246–251.
12. Пырьев Е. А. Эмоции в системе психического отражения и мотивации поведения человека // Вестник ОГУ. 2012. № 2 (138). С. 232–236.
13. Khanna P., Sasikumar M. Recognising emotions from keyboard stroke pattern // International Journal of Computer Applications. 2010. Vol. 11 (9). P. 1–5.
14. Nahin N. H., Alam J. M., Mahmud H., Hasan K. Identifying emotion by keystroke dynamics and text pattern analysis // Behaviour & Information Technology. 2014. Vol. 33, № 9. P. 987–996. doi: 10.1080/0144929X.2014.90734
15. Kołakowska A. Usefulness of Keystroke Dynamics Features in User Authentication and Emotion Recognition // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Vol. 551. P. 42–52. doi: 10.1007/978-3-319-62120-3_4
16. Панфилова И. Е., Карпова Н. Е. Исследование влияния состояния пользователя на качество аутентификации по клавиатурному почерку // Динамика систем, механизмов и машин. 2021. Т. 9, № 4. С. 68–74. doi: 10.25206/2310-9793-9-4-68-74
17. Колесников Р. А., Носов В. Н., Тимофеев М. В., Зайцева А. В. Методы оценки влияния факторов окружающей среды на организм человека по характеристикам деятельности операторов ПЭВМ // Биотехносфера. 2014. № 1–2 (31–32). С. 64–68.
18. Горчакова А. В. Изучение влияния внешних факторов на клавиатурный портрет пользователя // Известия ЮФУ. Технические науки. 2011. № 5 (118). С. 254–257.
19. Иванов А. И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений. Пенза : Изд-во ПГУ, 2000. 186 с.
20. Скуратов С. В. Использование клавиатурного почерка для аутентификации в компьютерных информационных системах // Безопасность информационных технологий. 2010. Т. 17, № 2. С. 35–38.
21. Варламова С. А., Вавилина Е. А. Идентификация пользователя на основе клавиатурного почерка // Инновационное приборостроение. 2023. Т. 2, № 3. С. 67–71. doi: 10.31799/2949-0693-2023-3-67-71
22. Вязигин А. А., Тупикина Н. Ю., Сыпин Е. В. Разработка и реализация программы для биометрии пользователя персонального компьютера на базе определения параметров клавиатурного почерка // Южно-Сибирский научный вестник. 2019. № 1 (25). С. 43–49.
23. Snyder K. M., Logan G. D., Yamaguchi M. Watch what you type: The role of visual feedback from the screen and hands in skilled typewriting // Attention Perception Psychophysics. 2015. Vol. 77. P. 282–292. doi: 10.3758/s13414-014-0756-6
24. Алексеев А. А., Воеводин В. А., Прохорова В. В. Клавиатурный почерк как средство аутентификации субъекта доступа к информационным ресурсам // Материалы научно-технической конференции «Микроэлектроника и информатика – 2022» (г. Москва, 21–22 апреля 2022 г.). М. : Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2022. С. 3–7.
25. Altwaijry N. Authentication by Keystroke Dynamics: The Influence of Typing Language // Applied Sciences. 2023. Vol. 13 (20). P. 1–17. doi: 10.3390/app132011478

References

1. Zeid S., ElKamar R., Hassan S. Fixed-Text vs. Free-Text Keystroke Dynamics for User Authentication. *Engineering Research Journal*. 2022;51:95–104. doi: 10.21608/erjsh.2022.224312

2. Tsvetkova A., Bakhteev D. Features of keystroke dynamics and their forensic significance: literature review. *Kazan University Law Review*. 2024;9(3):145–164. doi: 10.30729/2541-8823-2024-9-3-145-164
3. Abdullin A.A., Batskikh A.V., Rogozin E.A. Key aspects of improving the access control subsystem when creating a system for protecting information from unauthorized access in secure automated systems in accordance with new information technologies. *Okhrana, bezopasnost, svyaz = Security, safety, communications*. 2020;(5–3):150–154. (In Russ.)
4. Potapov S.M. Principles of forensic identification. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo = Soviet state and law*. 1940;(1):66–81. (In Russ.)
5. Bondarenko P.V. *Forensic examination of signatures made on behalf of fictitious persons: PhD dissertation*. Saratov, 2000:229. (In Russ.)
6. Malyshev I.V., Maryenkov A.N. Continuous authentication of a computer system user. *Matematicheskiye metody v tekhnike i tekhnologiyakh – MMTT = Mathematical Methods in Engineering and Technology*. 2020;8:131–134. (In Russ.)
7. Bryukhomitskiy Yu.A. Statistical methods for recognizing keystroke patterns. *Izvestiya YUFU. Tekhnicheskkiye nauki = Proceedings of the South Federal University. Engineering sciences*. 2009;(11):139–147. (In Russ.)
8. Guzik V.F., Desyaterik M.N. Biometric user authentication method. *Izvestiya TRTU = Proceedings of Taganrog State Radio Engineering University*. 2000;(2):129–133. (In Russ.)
9. Vizer L.M., Sears A. Classifying Text-Based Computer Interactions for Health Monitoring. *IEEE Pervasive Computing*. 2015;14(4):64–71.
10. Epp C. *Identifying Emotional States Through Keystroke Dynamics*. Saskatoon, 2010:145.
11. Skrinnikova A.V. Changes in individual dynamics of cursor control device manipulation under the influence of emotions of fear and joy. *Izvestiya YUFU. Tekhnicheskkiye nauki = Proceedings of the South Federal University. Engineering sciences*. 2013;(5):246–251. (In Russ.)
12. Pyryev E.A. Emotions in the system of mental reflection and motivation of human behavior. *Vestnik OGU = Bulletin of OSU*. 2012;(2):232–236. (In Russ.)
13. Khanna P., Sasikumar M. Recognising emotions from keyboard stroke pattern. *International Journal of Computer Applications*. 2010;11(9):1–5.
14. Nahin N.H., Alam J.M., Mahmud H., Hasan K. Identifying emotion by keystroke dynamics and text pattern analysis. *Behaviour & Information Technology*. 2014;33(9):987–996. doi: 10.1080/0144929X.2014.90734
15. Kolakowska A. Usefulness of Keystroke Dynamics Features in User Authentication and Emotion Recognition. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2018;551:42–52. doi: 10.1007/978-3-319-62120-3_4
16. Panfilova I.E., Karpova N.E. A study of the influence of user state on the quality of authentication by keystroke dynamics. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin = Dynamics of systems, mechanisms and machines*. 2021;9(4):68–74. (In Russ.). doi: 10.25206/2310-9793-9-4-68-74
17. Kolesnikov R.A., Nosov V.N., Timofeyev M.V., Zaytseva A.V. Methods for assessing the impact of environmental factors on the human body based on the performance characteristics of PC operators. *Biotekhnosfera = Biotechnosphere*. 2014;(1–2):64–68. (In Russ.)

18. Gorchakova A.V. Studying the influence of external factors on the user's keyboard portrait. *Izvestiya YUFU. Tekhnicheskiye nauki = Proceedings of the South Federal University. Engineering sciences*. 2011;(5):254–257. (In Russ.)
19. Ivanov A.I. *Biometricheskaya identifikatsiya lichnosti po dinamike podsoznatelnykh dvizheniy = Biometric identification of a person based on the dynamics of subconscious movements*. Penza: Izd-vo PGU, 2000:186. (In Russ.)
20. Skuratov S.V. Using keystroke dynamics for authentication in computer information systems. *Bezopasnost informatsionnykh tekhnologiy = Information technology security*. 2010;17(2):35–38. (In Russ.)
21. Varlamova S.A., Vavilina E.A. User identification based on keystroke dynamics. *Innovatsionnoye priborostroyeniye = Innovative instrument making*. 2023;2(3):67–71. (In Russ.). doi: 10.31799/2949-0693-2023-3-67-71
22. Vyazigin A.A., Tupikina N.Yu., Sypin E.V. Development and implementation of a program for biometrics of a personal computer user based on the determination of keyboard handwriting parameters. *Yuzhno-Sibirskiy nauchnyy vestnik = South Siberian scientific bulletin*. 2019;(1):43–49. (In Russ.)
23. Snyder K.M., Logan G.D., Yamaguchi M. Watch what you type: The role of visual feedback from the screen and hands in skilled typewriting. *Atten Percept Psychophys*. 2015;77:282–292. doi: 10.3758/s13414-014-0756-6
24. Alekseyev A.A., Voyevodin V.A., Prokhorova V.V. Keyboard handwriting as a means of authentication of the subject of access to information resources. *Materialy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii «Mikroelektronika i informatika – 2022» (g. Moskva, 21–22 aprelya 2022 g.) = Proceedings of the scientific and engineering conference “Microelectronics and computer science – 2022” (Moscow, April 21–22, 2022)*. Moscow: Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Moskovskiy institut elektronnoy tekhniki», 2022:3–7. (In Russ.)
25. Altwaijry N. Authentication by Keystroke Dynamics: The Influence of Typing Language. *Applied Sciences*. 2023;13(20):1–17. doi: 10.3390/app132011478

Информация об авторах / Information about the authors

Анна Михайловна Сосновикова

младший научный сотрудник
лаборатории цифровых технологий
в криминалистике, Уральский
государственный юридический
университет имени В. Ф. Яковлева
(Россия, г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21); Центр
содействия развитию криминалистики
«КримЛиб» (Россия, г. Екатеринбург,
ул. Бебеля, 126)

E-mail: at@crimlib.info

Anna M. Sosnovikova

Junior researcher of the laboratory
of digital technologies in criminalistics,
Ural State Law University named after
V.F.Yakovlev (21 Komsomolskaya street,
Yekaterinburg, Russia); Centre for
Assistance to the Development
of Criminalistics “CrimLib” (126 Bebelya
street, Yekaterinburg, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 01.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.08.2025

Принята к публикации / Accepted 10.09.2025

УДК 342

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-8

**Проблемы правового регулирования административной
ответственности за нарушения требований
к ведению образовательной деятельности
и организации образовательного процесса**

А. Ю. Назинцева

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Nazinsevaalena@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Образовательная деятельность регулируется большим количеством нормативно-правовых актов. Подобное стремление обусловлено необходимостью создания качественного уровня подготовки обучающихся. Одним из способов, который обеспечивает надлежащее соблюдение предусмотренных в законодательстве требований к осуществлению образовательной деятельности, является установление административной ответственности. Недавно разработанный механизм правового регулирования административной ответственности за нарушения требований к ведению образовательной деятельности и организации образовательного процесса имеет недостатки, которые приводят к недостаточной правовой охране существующих отношений. Цель работы – исследовать возникающие проблемы в правоприменительной практике и предложить пути их решения. *Материалы и методы.* Для достижения цели исследования были использованы материалы судебной практики, статистические данные, отчетные документы, а также административная практика Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. Методологической основой работы является диалектический, формально-юридический и социологический метод. *Результаты.* Проведен анализ основных проблем, которые существуют в практике привлечения к административной ответственности за нарушения требований к ведению образовательной деятельности и организации образовательного процесса. *Выводы.* Предложенные пути решения выявленных проблем будут направлены на повышение эффективного нормативного регулирования наступления административной ответственности в исследуемой сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, образовательная деятельность, право на образование, организация учебного процесса

Для цитирования: Назинцева А. Ю. Проблемы правового регулирования административной ответственности за нарушения требований к ведению образовательной деятельности и организации образовательного процесса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 95–103. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-8

Problems of legal regulation of administrative responsibility for violation of the requirements for conducting educational activities and organizing the educational process

A.Yu. Nazintseva

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Nazinsevaalena@yandex.ru

Abstract. *Background.* Educational activities are regulated by a large number of regulatory legal acts. Such an aspiration is conditioned by the need to create a high-quality level of training for students. One of the ways that ensures proper compliance with the requirements stipulated in the legislation for the implementation of educational activities is the establishment of administrative responsibility. The recently developed mechanism of legal regulation of administrative responsibility for violations of the requirements for conducting educational activities and organizing the educational process has disadvantages that lead to insufficient legal protection of existing relations. The purpose of the work is to investigate emerging problems in law enforcement practice and propose ways to solve them. *Materials and methods.* To achieve the purpose of the study, materials of judicial practice, statistical data, accounting documents, as well as the administrative practice of the Federal Service for Supervision of Education and Science were used. The methodological basis of the work is the dialectical, formal-legal and sociological method. *Results.* The analysis of the main problems that exist in the practice of bringing to administrative responsibility for violations of the requirements for conducting educational activities and organizing the educational process is carried out. *Conclusions.* The proposed solutions to the identified problems will be aimed at improving the effective regulatory regulation of administrative responsibility in the area under study.

Keywords: administrative responsibility, educational activity, the right to education, organization of the educational process

For citation: Nazintseva A.Yu. Problems of legal regulation of administrative responsibility for violation of the requirements for conducting educational activities and organizing the educational process. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(3): 95–103. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-8

В настоящее время к образовательной деятельности предъявляется большое количество требований. Подобный подход обусловлен стремлением законодателя обеспечить качественный уровень подготовки обучающихся при освоении ими образовательных программ. Одним из способов, который обеспечивает надлежащее соблюдение предусмотренных в образовательном законодательстве требований, является установление административной ответственности за их нарушение.

Актуальность исследования заключается в том, что существующий механизм правового регулирования административной ответственности за нарушения требований к ведению образовательной деятельности и организации образовательного процесса порождает проблемы в правоприменительной

практике, что свидетельствует о недостаточной правовой охране существующих отношений.

На основании Федерального закона от 03.06.2009 № 104-ФЗ¹ глава 19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) дополнена ст. 19.30 «Нарушение требований к ведению образовательной деятельности и организации образовательного процесса».

Объектом правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.30 КоАП РФ, являются общественные отношения, связанные с реализацией права на образование, которое закреплено в Конституции РФ. Объективную сторону правонарушения составляет нарушение установленных законодательством Российской Федерации в области образования требований к ведению образовательной деятельности, выразившееся в двух альтернативных действиях:

1) ведении образовательной деятельности представителями образовательных организаций;

2) нарушении правил оказания платных образовательных услуг.

Следуя буквальному толкованию, можно сделать вывод о том, что только одно из двух действий является нарушением требований к ведению образовательной деятельности.

В Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² закреплено определение термина «образовательная деятельность». В соответствии с п. 17 ст. 2 указанного закона под нею следует понимать деятельность, которая связана с реализацией образовательных программ. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой значение слова «требование» определяет как правило или условие, неукоснительное для выполнения [1].

Анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу образования, показывает, что реализация образовательных программ связана с соблюдением огромного количества требований³. В первом полугодии 2023 г. Рособрнадзором были выявлены и другие нарушения требований, которые хоть и косвенно, но тем не менее связаны с реализацией образовательных программ [2].

Сформулированная в ч. 1 ст. 19.30 КоАП РФ дефиниция не обеспечивает правовую охрану законодательно закрепленных требований, которые необходимо соблюдать при осуществлении образовательной деятельности.

Кроме того, вызывает вопросы используемая в указанной части статьи формулировка дефиниции, которая причисляет Правила оказания платных образовательных услуг к нарушениям в части ведения образовательной деятельности. Осуществление организациями образовательной деятельности за

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации в области образования и статью 12 Закона Российской Федерации «Об образовании»: федер. закон № 104-ФЗ от 03.06.2009 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 23. Ст. 2759.

² Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

³ О лицензировании образовательной деятельности: постановление Правительства РФ № 1490 от 18.09.2020 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 39. Ст. 6067.

счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг в соответствии с ч. 1 ст. 101 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» является не требованием, а предоставленной возможностью реализовывать образовательные программы за счет третьих лиц.

Проведенное исследование, а также выявленные в ходе него проблемы позволяют говорить о целесообразности внесения изменений в ч. 1 ст. 19.30 КоАП РФ, которые должны разграничивать действующую диспозицию на нарушения в части требований к ведению образовательной деятельности и нарушения Правил оказания платных образовательных услуг. Предлагается сформулировать ч. 1 ст. 19.30 КоАП РФ следующим образом: «Нарушение установленных законодательством об образовании требований к ведению образовательной деятельности, предусмотренных законодательством РФ, или нарушения правил оказания платных образовательных услуг».

Согласно ч. 2 ст. 19.30 КоАП РФ ответственность наступает за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом либо неправомерный отказ в выдаче документов об образовании и (или) о квалификации. Аналогичный состав содержится в ч. 2 ст. 34.41 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹.

Объективную сторону правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.30 КоАП РФ, составляют два альтернативных действия. Понятие образовательной программы нормативно закреплено в п. 9 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Компоненты образовательной программы также закрепляются в календарном учебном графике и рабочих программах. Следовательно, объем реализуемой образовательной программы также должен соответствовать последним двум элементам.

Нередко в правоприменительной практике выявленные нарушения в части несоответствия реализации образовательной программы календарному учебному графику отождествляются с несоответствиями учебному плану (Постановлению Верховного Суда Республики Башкортостан от 19.01.2018 № 44а-96/2018). Аналогичное дело также было рассмотрено в Красноярском краевом суде (Постановление Красноярского краевого суда от 10.10.2014 № 4а-727/2014).

Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что при привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 19.30 КоАП РФ происходит подмена понятия «учебный план» на «календарный учебный график», что представляется неверным.

Исходя из вышеизложенного, в целях недопущения нарушений в части реализации образовательной программы вразрез как учебному плану, так и календарному учебному графику необходимо привести в соответствие диспозицию ч. 2 ст. 19.30 КоАП РФ дефиниции образовательной программы,

¹ Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подг. Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru>

содержащейся в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Вторая часть объективной стороны рассматриваемого правонарушения представлена неправомерным отказом в выдаче документов об образовании и (или) о квалификации. До сегодняшнего дня остается законодательно не урегулированным вопрос об отказе в выдаче дубликата диплома об образовании. Представляется, что отказ в выдаче дубликата диплома и (или) приложения к нему является нарушением прав гражданина аналогично отказу в выдаче оригиналов документов об образовании после прохождения итоговой аттестации. В связи с этим необходимо обеспечить правовую охрану права гражданина на получение дубликата диплома об образовании.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, состоит из трех действий, а именно:

- 1) умышленного искажения результатов государственной итоговой аттестации;
- 2) умышленного искажения результатов олимпиад школьников;
- 3) нарушения установленного законодательством об образовании порядка проведения государственной итоговой аттестации.

Ответственность за указанное правонарушение наступает только при наличии умышленной формы вины. Согласно Приказу Минпросвещения России № 233, Рособрнадзора № 552 от 04.04.2023 проверка результатов единого государственного экзамена с развернутым ответом осуществляется несколькими экспертами. При возникновении существенных расхождений в баллах назначается третья проверка, в ходе которой эксперт должен провести итоговую оценку экзаменационной работы. Наличие «существенных расхождений в первичных баллах» может также свидетельствовать об искажении результатов государственной итоговой аттестации. Проведенный анализ методики оценивания результатов государственной итоговой аттестации позволяет прийти к выводу о том, что результаты экзаменационных работ могут быть искажены не только умышленно, но и по неосторожности. В связи с этим целесообразно обеспечить надлежащую правовую охрану от любых действий, которые могут повлечь искажение результатов государственной итоговой аттестации.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, предусматривает ответственность за умышленное искажение результатов не только государственной итоговой аттестации, но и предусмотренных законодательством об образовании олимпиад школьников. Согласно действующему законодательству в число таких олимпиад входит Всероссийская олимпиада школьников, порядок проведения которой утвержден Приказом Минпросвещения России от 27.11.2020 № 678¹, и олимпиады, перечень которых ежегодно утверждается приказом Минобрнауки России. С учетом общественной значимости указанных олимпиад детально регламентирован их

¹ Об утверждении Порядка проведения Всероссийской олимпиады школьников : приказ Минпросвещения России № 678 от 27.11.2020 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru>

порядок проведения: сроки, разработка и доставка олимпиадных заданий, формирование составов комиссий и оценка результатов. В случае нарушения указанного порядка участником олимпиады к нему применяется дисциплинарная мера в виде удаления с олимпиады и установления запрета на участие в подобных мероприятиях в течение года. Что касается ответственности организаторов и членов жюри, которые допустили нарушения порядка проведения олимпиады, то этот вопрос не урегулирован должным образом. Диспозиция ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ не включает в себя ответственность за нарушения порядка проведения олимпиад школьников, допущенные организаторами или членами жюри. В связи с этим необходимо внести изменения в указанную статью.

Наиболее распространенными нарушениями, за которые наступает ответственность по ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, являются нарушения порядка проведения государственной итоговой аттестации.

Согласно данным Федеральной службы по надзору в сфере образования [3], в 2023 г. количество лиц, нарушивших порядок проведения единого государственного экзамена, составило 969 человек. Как справедливо заметила О. А. Соничева, проблема нарушений в ходе проведения единого государственного экзамена очень серьезна и требует комплекса мер по ее искоренению [4, с. 17]. К административной ответственности за нарушение порядка проведения единого государственного экзамена привлекаются организаторы пункта приема экзамена.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды по-разному подходят к рассмотрению дела о привлечении к ответственности за совершенное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая материалы дела № 16-1093/2021¹, признал организатора аудитории виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, в связи с тем, что последняя не предприняла мер по пресечению противоправного поведения участника экзамена, который имел при себе лист бумаги, запрещенный Порядком проведения единого государственного экзамена.

При рассмотрении аналогичного дела в Восьмом кассационном суде общей юрисдикции о привлечении организатора единого государственного экзамена к ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, за то, что в данной аудитории учащийся воспользовался сотовым телефоном и организатор не обеспечила соблюдение утвержденного Порядка проведения экзамена, суд согласился с выводами нижестоящих инстанций об отсутствии в действиях данного организатора умысла, а также попустительства поведению обучающегося. Производство по делу было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ. Схожую позицию занял Шестой кассационный суд общей юрисдикции в деле № 16-7770/2022.

¹ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2021 № 16-1093/2021 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2023).

Не менее важной проблемой при рассмотрении вопроса о привлечении к административной ответственности по ч. 4 рассматриваемой статьи является срок давности привлечения к ответственности, который составляет 3 месяца с момента совершения правонарушения. При рассмотрении дела в порядке апелляционного или кассационного обжалования судами нередко обнаруживаются материальные и процессуальные нарушения норм права, допущенные нижестоящими инстанциями. Однако ввиду истечения срока давности они не имеют возможности возвращать дело на новое рассмотрение. При возникновении подобных ситуаций производство по делу прекращается (Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2022 № 16-651/2022¹). В своем Постановлении от 17.05.2022 № 19-П Конституционный Суд РФ в очередной раз указал на то, что при установлении сроков давности за административные правонарушения законодателю необходимо соблюсти баланс между неотвратимостью наказания и недопустимостью длительного пребывания лиц под возможной угрозой административного преследования.

Объективная сторона ч. 5 ст. 19.30 КоАП РФ состоит в нарушении установленного законодательством об образовании порядка приема в образовательную организацию. Порядок приема включает в себя совокупность действий, осуществляемых образовательной организацией в рамках приемной комиссии, в том числе своевременное размещение информации, проведение конкурсных процедур, оформление документов и издание приказов о зачислении.

Законодательством Российской Федерации предусмотрена автономия образовательных организаций в части принятия локальных актов и урегулирования конкретных вопросов, в том числе связанных с приемом на обучение, например определять формы и перечень вступительных испытаний для лиц, поступающих на обучение на базе среднего профессионального или высшего образования. При этом важно соблюсти фундаментальный принцип – равные условия приема на обучение.

Несмотря на то что основополагающие моменты приема на обучение по освоению различных видов образовательных программ нормативно урегулированы на федеральном уровне, в деятельности образовательных организаций встречаются нарушения установленного порядка приема.

На основе проведенного анализа возникающих нарушений порядка приема в образовательные организации их можно условно классифицировать по следующим основаниям:

- 1) по видам образовательных программ;
- 2) по характеру допущенного нарушения (правовое, техническое, организационное).

Кроме того, при проведении исследования практики применения ч. 1 ст. 5.57 КоАП РФ о незаконном отказе в приеме в образовательную органи-

¹ Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2022 № 16-651/2022 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2023).

зацию было указано на схожесть объекта правового регулирования с ч. 5 ст. 19.30 КоАП РФ и не логичность законодательного закрепления указанной диспозиции в гл. 5 КоАП РФ. В связи с этим представляется необходимым изложить ч. 5 ст. 19.30 КоАП РФ в следующей редакции: «Нарушение установленного законодательством об образовании порядка приема в образовательную организацию, в том числе включение образовательной организацией в правила приема условий и оснований, носящих дискриминационный характер, а равно незаконной отказ в приеме в образовательную организацию».

Часть 6 ст. 19.30 КоАП РФ содержит еще один квалифицирующий состав за повторное нарушение в части выдачи документов об образовании при отсутствии государственной аккредитации образовательных программ (ч. 3 настоящей статьи) и за умышленное искажение результатов государственной итоговой аттестации и результатов олимпиад школьников, а также за нарушение порядка проведения аттестации (ч. 4 настоящей статьи).

В настоящее время срок действия государственной аккредитации образовательных программ является бессрочным. Следствием этого является снижение количества правонарушений, связанных с выдачей документов об образовании в отсутствие свидетельства о государственной регистрации. Наличие в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях дополнительного квалифицированного состава за данное правонарушение не является эффективным. В связи с этим возникает необходимость в актуализации состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 6 ст. 19.30 КоАП РФ. Проведенное исследование ч. 5 настоящей статьи выявило массовый характер нарушений установленных законодательством правил приема на обучение в образовательные организации. С учетом наличия тенденции к дальнейшему законодательному совершенствованию действующих правил приема по различным основаниям поступления сохраняется вероятность умышленного или неосторожного несоблюдения образовательными организациями установленных правил приема. Представляется необходимым установить квалифицированную ответственность в ч. 6 ст. 19.30 КоАП РФ за нарушение ч. 5 указанной статьи.

Таким образом, проведенное исследование ст. 19.30 КоАП РФ показало имеющиеся проблемы при реализации положений указанной статьи на практике. Предложенные пути решения могли бы улучшить механизм правового регулирования в случае совершения правонарушений участниками образовательных отношений при осуществлении образовательного процесса.

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. URL: https://vslov.net/ru/dictionary.php?table=ozegovDSL&word_id=35493 (дата обращения: 03.07.2023).
2. Результаты проведения контрольных (надзорных) мероприятий Рособрнадзором в первом полугодии 2023 года // Рособрнадзор. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/otkrytoe-pravitelstvo/opendata/> (дата обращения: 17.07.2023).

3. Единый госэкзамен – 2023: Подведены итоги основного периода // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/07/05/otpravliaemsia-na-ball.html> (дата обращения: 19.07.2023).
4. Соничева О. А. Обеспечение законности при проведении единого государственного экзамена и административная ответственность за нарушение порядка его проведения // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 17.

References

1. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka S.I. Ozhegova i N.Yu. Shvedovoy = Explanatory dictionary of the Russian language S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova.* (In Russ.). Available at: https://vseslov.net/ru/dictionary.php?table=ozegovDSL&word_id=35493 (accessed 03.07.2023).
2. Results of control (supervisory) activities carried out by Rosobrnadzor in the first half of 2023. *Rosobrnadzor.* (In Russ.). Available at: <https://obrnadzor.gov.ru/otkrytoe-pravitelstvo/opendata/> (accessed 17.07.2023).
3. Unified State Exam – 2023: The results of the main period have been summed up. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper.* (In Russ.). Available at: <https://rg.ru/2023/07/05/otpravliaemsia-na-ball.html> (accessed 19.07.2023).
4. Sonicheva O.A. Ensuring legality during the Unified State Examination and administrative liability for violating the procedure for its conduct. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian justice.* 2020;(1):17. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Алена Юрьевна Назинцева

старший преподаватель кафедры
административного и муниципального
права имени профессора Василия
Михайловича Манохина, Саратовская
государственная юридическая академия
(Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1)

E-mail: Nazinsevaalena@yandex.ru

Alyona Yu. Nazintseva

Senior lecturer of the sub-department
of administrative and municipal law
named after Professor Vasily Mikhailovich
Manokhin, Saratov State Law Academy
(1 Volskaya street, Saratov, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.06.2025

Принята к публикации / Accepted 22.09.2025

УДК 340.01

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-9

Защита прав человека в области биомедицины в практике международных и национальных судебных органов

М. С. Митькина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

marina.mitckina@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматриваются проблемы обеспечения защиты прав человека на основании судебных решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. В судебных актах неоднократно выделялась проблема нарушения права на частную жизнь и конфиденциальность. Это значит, что существующее законодательство не в полной мере регулирует вопрос оборота именно генетических персональных данных. Цель работы – выявление и анализ проблем, касающихся защиты прав человека, при проведении биомедицинских исследований на основании судебных актов различных судов. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа судебных решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, в которых рассматривались споры, связанные с нарушением прав человека. Методологический потенциал включает метод сравнительно-правового анализа, который позволяет сопоставить судебные решения Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека и выявить соответствующие проблемы. *Результаты.* Проанализированы основания возникновения споров, связанных с нарушением прав человека в области биомедицины. Рассмотрены отличия между позициями Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по схожим вопросам. Определены проблемы и недостатки действующего законодательства. *Выводы.* Изучение практики международных и национальных судебных органов позволяет выявить особенности правового регулирования биомедицинских исследований в России и за рубежом. Несмотря на достаточно широкий круг как международных, так и национальных нормативных правовых актов, обеспечение соблюдения прав человека, уважение его достоинства при проведении биомедицинских экспериментов остается большой проблемой. В связи с этим люди, участвующие в данных исследованиях, обращаются в судебные органы по причине нарушения их прав.

Ключевые слова: права человека, биомедицина, биоэтика, защита прав при проведении биомедицинских экспериментов, судебная защита

Для цитирования: Митькина М. С. Защита прав человека в области биомедицины в практике международных и национальных судебных органов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 104–113. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-9

Protection of human rights in the field of biomedicine in the practice of international and national judicial authorities

M.S. Mit'kina

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

marina.mitckina@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article examines the problems of ensuring the protection of human rights on the basis of judicial decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. Judicial acts have repeatedly highlighted the problem of violations of the right to privacy and confidentiality. This means that the existing legislation does not fully regulate the issue of the turnover of genetic personal data. The purpose of the work is to identify and analyze human rights issues in conducting biomedical research based on judicial acts of various courts. *Materials and methods.* The implementation of the research objectives was achieved based on the analysis of judicial decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, which dealt with disputes related to human rights violations. The methodological potential includes the method of comparative legal analysis, which allows comparing the judicial decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR and identifying relevant problems. *Results.* The reasons for the emergence of disputes related to the violation of human rights in the field of biomedicine are analyzed. The differences between the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR on similar issues are considered. The problems and shortcomings of the current legislation have been identified. *Conclusions.* The study of the practice of international and national judicial authorities makes it possible to identify the features of the legal regulation of biomedical research in Russia and abroad. Despite a fairly wide range of both international and national regulatory legal acts, ensuring respect for human rights and dignity when conducting biomedical experiments remains a big problem. In this regard, people involved in these studies apply to the judicial authorities for violations of their rights.

Keywords: human rights, biomedicine, bioethics, protection of rights during biomedical experiments, judicial protection

For citation: Mit'kina M.S. Protection of human rights in the field of biomedicine in the practice of international and national judicial authorities. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(3):104–113. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-9

Введение

Защита прав и обеспечение законных интересов человека являются одной из основных задач любого правового государства. В современном мире, где биомедицина стремительно развивается, разрабатываются новые методы лечения и диагностирования заболеваний, появляются генно-модифицированные организмы, защита прав человека особенно актуальна.

Некоторые исследователи и ученые, например Я. В. Акимцева, считают, что действующее законодательство, которое регулирует сферу биомедицинских исследований, имеет определенные недостатки, что в свою очередь выражается в неполной гарантии прав человека, являющегося пациентом.

Данные проблемы часто возникают в вопросах суррогатного материнства, донорства органов и тканей и т.д. Все это обуславливает необходимость обращения к судебным органам [1, с. 200].

Д. В. Пономарева, С. В. Косилкин и М. В. Некотенева отмечают, что активное развитие биомедицины и геномных исследований вызвало конфликты между этикой и правом. Эти вопросы стали предметом рассмотрения в высших судебных инстанциях, включая наднациональные структуры, в частности Совет Европы и Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) [2].

Г. Б. Романовский и О. В. Романовская в своей работе обращают внимание на то, что необходима рамочная модель регулирования современной биомедицины, позволяющая выявлять риски, затрагивающие основные права и свободы человека и гражданина [3].

Сегодня при проведении биомедицинских исследований происходит вмешательство в организм человека, осуществляется проведение экспериментов на эмбрионах, проводится трансплантация органов и тканей человека и т.д. [4, с. 132]. При осуществлении исследований данного вида могут потенциально нарушаться следующие права человека: право на свободу и личную неприкосновенность, право на личную и семейную тайну, право на личное достоинство, право на недискриминацию и т.д. Все вышеперечисленные права закреплены во Всеобщей декларации прав человека [5, с. 66]. Несмотря на достаточно широкий круг как международных, так и национальных нормативных правовых актов, обеспечение соблюдения прав человека, уважение его достоинства при проведении биомедицинских экспериментов остается большой проблемой. В связи с этим люди, участвующие в данных исследованиях, обращаются в судебные органы по причине нарушения их прав.

Материалы и методы

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с рассмотрением и разрешением международными и национальными судебными органами дел, связанных с нарушением прав человека в сфере биомедицины. Основным методом проведения исследования является метод сравнительно-правового анализа, который позволяет сопоставить судебные решения Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) и ЕСПЧ и выявить соответствующие проблемы. Материалами исследования являются международные и российские правовые акты, а также решения КС РФ и ЕСПЧ.

Результаты и обсуждение

В современном мире судебная практика очень многогранная и разносторонняя. Практика судов РФ в сфере медицины и здравоохранения чаще всего касается споров, связанных с ненадлежащим исполнением врачами своих обязанностей или причинением вреда при оказании медицинской помощи. Вопросы же генетики и биомедицины ставятся перед судами гораздо

реже. Небольшое количество обращений в судебные органы по данной теме связывают с ее сложностью и недостатком опыта работы юристов с такими конструкциями.

При проведении различных биомедицинских исследований могут нарушаться права того лица, которое является объектом такого исследования. Нарушения обычно связывают с проблемой конфиденциальности биологических и генетических данных пациента, невозможностью предоставления той или иной информации и т.д. В практике российских судов, в частности КС РФ, можно найти отдельные постановления, касающиеся вопросов медицины, например относительно Федерального закона (ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Вопросы же биомедицины до сегодняшнего дня ставились перед судами РФ не так часто, но в связи с тем, что данная отрасль очень стремительно прогрессирует, есть вероятность появления проблем в будущем.

Если в нашем государстве данная сфера только начинает развиваться, то в зарубежных странах уже есть прецеденты, в которых конституционные суды рассматривали подобные дела. Например, КС Германии поддержал решения об отказе в оспаривании отцовства судов общей юрисдикции по причине того, что данные ДНК ребенка были получены не в рамках закона и экспертиза по установлению отцовства была проведена тайно, т.е. без ведома матери ребенка [6].

Противоречивым аспектом является вопрос распространения медицинской информации, которая считается конфиденциальной. Любое медицинское вмешательство в жизнь человека налагает на врача обязанность соблюдения врачебной тайны. Данный принцип означает, что абсолютно каждый человек, который тем или иным образом участвует в лечебном процессе, обязан обеспечивать конфиденциальность информации, полученной от пациента. Данное правило зафиксировано и в законодательстве РФ. В частности, ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает перечень сведений, которые составляют врачебную тайну, и запрещает их разглашение. Достаточно богатый опыт решения спорных ситуаций по данным вопросам имеет ЕСПЧ. Несмотря на то что юрисдикция ЕСПЧ сейчас не распространяется на Россию, его практика все же имеет огромное значение для лучшего понимания специфики данных правоотношений. Например, в споре *Одьевр против Франции*¹, касающемся нарушения ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, говорится о том, что при рождении Одьевр мать отказалась от нее и заявительница хотела узнать информацию о своей биологической семье, но медицинское учреждение ей отказало. Причиной послужило то, что, если бы Одьевр узнала данную информацию, это свидетельствовало бы о нарушении конфиденциальности родов ее матери. Такой отказ, по мнению заявительницы, был нарушением ее права на уважение ее личной и семейной жизни, которое предусмотрено

¹ Дело «Одьевр (Odievre) против Франции» (жалоба № 42326/98) : постановление Европейского Суда по правам человека от 13.02.2003 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/59671458/>

Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. После продолжительных судебных разбирательств ЕСПЧ поддержал мнение национального суда

в правильности отказа в предоставлении информации о родах матери заявительницы и высказал свою позицию. Она заключалась в том, что никаких нарушений ст. 8 Конвенции не было. ЕСПЧ посчитал, что в случае распространения сведений о родах Одьевр может возникнуть риск как для самой матери заявительницы, так и для той семьи, в которой она выросла и которая ее воспитала. Таким образом, медицинская информация, которая составляет врачебную тайну, не была предоставлена заявительнице по причине того, что данные сведения являются конфиденциальными и в любом случае не подлежат разглашению.

В практике российских судов встречаются случаи, когда медицинскую информацию все-таки можно разглашать близким родственникам, несмотря на действующий принцип врачебной тайны. КС РФ в связи с жалобой женщины, которой отказали в выдаче копий медицинских документов ее умершего супруга, ссылаясь на ст. 13 ФЗ № 323 и определяя данную информацию как врачебную тайну, признал положения данной статьи не соответствующими Конституции РФ «в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность их нормативного содержания не позволяет определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента»¹. То есть в РФ допускаются исключения из данного принципа в ситуациях, когда это касается умершего пациента и его родственников.

Сложнейшим вопросом является донорство органов и тканей человека. В ст. 67 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляется положение, согласно которому супруг или близкий родственник умершего лица могут заявить свое несогласие на трансплантацию его органов. Они могут это сделать лишь в том случае, если отсутствует волеизъявление самого умершего. КС РФ, рассматривая данную проблему, вынес определение, в котором отказал в принятии жалобы к рассмотрению². Суть дела заключалась в том, что после аварии, в которой девушка скончалась, у нее изъяли некоторые внутренние органы с целью их трансплантации. Родители девушки обратились в суд, объясняя свое решение тем, что не давали на данное действие разрешение. КС РФ своим определением отметил, что в России действует презумпция согласия лица или его родственников на изъятие органов или тканей после смерти человека в целях последующей трансплантации. КС РФ также обозначил, что данная презумпция обеспечивает возможность

¹ По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342807/

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэллы Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» : определение Конституционного Суда РФ № 224-О от 10 февраля 2016 г. // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71246368/?ysclid=m3vf65mzcb262903331>

развития донорства и способствует спасению жизней людей. При этом лицо может отказаться от изъятия его органов и тканей после его смерти. Для этого ему нужно в письменной или устной форме сообщить медучреждению.

ЕСПЧ в своих решениях на данную тему высказал абсолютно противоположную точку зрения. Своим Постановлением от 13 января 2015 г. «Дело “Элберте (Elberte) против Латвийской Республики”», в котором спор заключался в том, что после гибели мужа заявительницы в ДТП во время вскрытия у него были изъятые ткани в целях создания биоимплантов, а ее в свою очередь об этом не уведомили, суд единогласно выявил нарушение ст. 8 Конвенции¹.

ЕСПЧ также активно рассматривает споры, которые касаются права человека знать свое происхождение и своих родителей. Данное право закреплено в Конвенции о правах ребенка 1989 г. В споре «Мифсуд против Мальты» (Mifsud v. Malta) заявитель жаловался на то, что мальтийское законодательство обязывает предоставлять генетический образец в ходе разбирательств по делу об установлении отцовства и что такое распоряжение, вынесенное ему вопреки его воле, привело к нарушению ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод². Суд пришел к выводу, что в данном случае был соблюден баланс между интересами дочери узнать своего отца и установить его личность и интересами заявителя не проходить генетическую экспертизу без его согласия. Действуя в рамках Конвенции 1989 г., суд обеспечил реализацию права ребенка знать своих родителей. Таким образом, ЕСПЧ посчитал, что нарушений ст. 8 Конвенции не было.

Данное дело можно рассмотреть и со стороны обеспечения принципов проведения генетических исследований, в которые входит принцип добровольного согласия на проведение такого эксперимента. Хотя заявитель и посчитал, что его обязали предоставить свои образцы, исследования, касающиеся установления отцовства, в первую очередь исходят из интересов ребенка.

Судебная практика РФ в вопросах биомедицины больше затрагивает споры, связанные с появлением детей с помощью репродуктивных технологий, в частности суррогатного материнства. Например, КС РФ своим определением отказал в принятии жалобы граждан на нормы законодательства, касающиеся права суррогатной матери на дачу генетическим родителям согласия на запись их в книге записей рождений в качестве родителей рожденного ею ребенка³. Суд решил, что на основании установленных законом

¹ Дело «Элберте (Elberte) против Латвийской Республики» (жалоба № 61243/08) : постановление Европейского Суда по правам человека от 13.01.2015 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71055602/>

² Case of Mifsud v. Malta (European Court of Human Rights) Last Updated on April 24, 2019. URL: <https://laweuro.com/?p=759>

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ № 2318-О от 27.09.2018 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o/?ysclid=m4fcqdvfox349086535>

требований получить согласие от суррогатной матери для записи в качестве родителей ребенка тех лиц, кто дал свои генетические материалы, у суррогатной матери есть возможность записать себя матерью в акте о рождении ребенка и в его свидетельстве о рождении. Тем самым, несмотря на то что суррогатная мать не является генетической матерью ребенка, у нее все равно могут быть права и обязанности матери в силу того, что она его родила.

Решение об отказе в принятии жалобы к рассмотрению в данном определении поддержали не все судьи КС РФ. Кокотов А. Н. подготовил свое особое мнение, в котором посчитал необходимостью принять жалобу граждан к рассмотрению и проверить конституционность обжалуемых ими законоположений¹. Кокотов А. Н. отмечал, что наличие у ребенка двух матерей может породить серьезные проблемы и морально-этические, и правовые. В случае, когда суррогатная мать отказывается передать ребенка генетическим родителям, договор о суррогатном материнстве подвергается значительному риску. При этом родители должны учитывать возможность возникновения такого риска, когда заключают договор. Он предусматривается самой природой договора о суррогатном материнстве. Минимизировать данный риск можно посредством внесения в договор определенных правил, например, касающихся возмещения суррогатной матерью расходов, потраченных генетическими родителями, на ведение ее беременности и на роды.

Еще одно определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы, касающейся суррогатного материнства, вынес КС РФ 15 мая 2012 г.² Данное определение было издано аналогично вышеизложенному, так как спор там тоже был связан с правом суррогатной матери давать согласие на запись генетических родителей в качестве родителей ребенка. Наличие нескольких определений КС РФ по данному вопросу говорит о его неразрешенности и проблемности.

Несмотря на то что, казалось бы, данная сфера рождения детей с помощью репродуктивных технологий достаточно урегулирована, на практике споры возникают очень часто. Пленум ВС РФ в 2017 г. принял Постановление № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». В данном документе Пленум ВС РФ обратил внимание на право суррогатной матери давать согласие на запись генетических родителей в качестве таковых в свидетельстве о рождении. Однако отказ суррогатной матери не является основанием непризнания таких лиц в качестве родителей ребенка. В таких случаях суд должен прове-

¹ Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Н. Кокотова к Определению Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o/>

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: определение Конституционного Суда РФ № 880-О от 15 мая 2012 г. // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70093054/>

речь множество обстоятельств, в частности, например, причины отказа суррогатной матери.

Еще одним важным решением, которое было принято КС РФ, является Определение о прекращении производства, вынесенное в 2023 г.¹ Граждане оспаривали конституционность ч. 9 ст. 55 ФЗ № 323, в которой речь идет о суррогатном материнстве и его понимании как репродуктивной технологии. Суть спора заключалась в том, что, несмотря на то что суррогатная мать дала свое согласие на запись в качестве родителей ребенка его генетических родителей, руководитель районного отдела социальной защиты издал распоряжение, по которому дети были помещены в учреждение, осуществляющее содержание и воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Отец хотел забрать детей, но ему отказали. Суд вынес определение о прекращении производства по делу в связи с тем, что основанием для отказа отцу в передаче детей послужила вовсе не оспариваемая заявителями ч. 9 ст. 55 ФЗ № 323, а отсутствие сведений о генетической матери детей.

Затрагивая судебную практику иностранных государств в области биомедицины, следует отметить, например, США. Здесь возникают споры, связанные с трудовой дискриминацией и распространением биомедицинской и генетической информацией. Даже после того, как в США в 2008 г. был принят Закон о недискриминации, все равно продолжается ущемление прав людей по медицинским и генетическим признакам. В штате Джорджия в 2015 г. суд рассматривал дело *Lowe et al v. Atlas Logistics Group Retail Services*². Вопрос стоял о допустимости использования генетической информации работников организации в целях проведения расследования внутри компании. На основании Закона о недискриминации суд пришел к выводу, что запрашивать генетическую информацию работников работодателям запрещено. В связи с этим суд встал на сторону заявителей.

Рассматривая дело *BNV Home Care Agency* [7], суд Нью-Йорка в 2016 г. вынес постановление, в котором обязал BNV выплатить денежную компенсацию работникам, которым были заданы недопустимые вопросы о генетической информации в ранее используемой компанией форме оценки состояния здоровья сотрудников. Кроме того, постановление гарантирует, что пересмотренная форма исключает вопросы, касающиеся генетической информации, и требует от BNV проведения антидискриминационного обучения.

Заключение

Таким образом, проблемы биомедицины в практике судов РФ встречаются нечасто. В основном они касаются либо обеспечения врачебной тайны, либо вопросов трансплантации органов, либо противоречий между генетиче-

¹ О прекращении производства по делу о проверке конституционности части 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Австралии А. К. и Д. К. : определение Конституционного Суда РФ № 756-О от 20.04.2023 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20042023-n-756-o/>

² *Lowe v. Atlas Logistics Group Retail Services (Atlanta), LLC* 102 F. Supp. 3d 1360 (ND Ga. 2015). URL: <https://casebriefsco.com/casebrief/lowe-v-atlas-logistics-group>

скими родителями и суррогатной матерью. Непопулярность обращений в суды по данной тематике свидетельствует о сложности и специфичности проблем, а также недостаточной правовой базе, связанной с защитой и обеспечением прав и свобод человека в области биомедицины и генетики. Судебная практика иностранных государств также небогата такого рода решениями. Она затрагивает больше споры в трудовой сфере. В основном дела по данной теме рассматривал ЕСПЧ. В его практике можно найти разнообразные судебные решения, касающиеся защиты прав человека в области биомедицины. Несмотря на то что в нашем государстве данный судебный орган сейчас не функционирует, его практика все же очень важна для выявления особенностей правоотношения в сфере биомедицины, так как его деятельность в этой области гораздо шире и объемнее, чем у судов РФ и иностранных судов.

Рассматривая недостатки правовой регламентации в сфере защиты прав человека в области биомедицины, можно говорить о том, что судебные органы, в нашем государстве в частности КС РФ, формируют и определяют основополагающие направления необходимых изменений в действующее законодательство.

В судебных актах неоднократно выделялась проблема нарушения права на частную жизнь и конфиденциальность. Это значит, что существующее законодательство не в полной мере регулирует вопрос оборота именно генетических персональных данных. В связи с этим необходимо усиление законодательного регулирования защиты генетической информации и других персональных данных, полученных в ходе биомедицинских исследований. Другой проблемой является регламентация деятельности по трансплантации органов и тканей. В данной сфере общественных отношений также присутствует риск нарушения конституционных прав граждан. Все эти примеры свидетельствуют о необходимости совершенства законодательства в области биомедицины, осуществления международного сотрудничества по вопросам правовой регламентации проведения биомедицинских исследований и т.д. Законодателю необходимо использовать рекомендации, которые представляют судебные органы в своих решениях.

Список литературы

1. Акимцева Я. В. Значение судебных актов Конституционного Суда Российской Федерации в трансформации правового регулирования биомедицинских исследований // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 198–206.
2. Ponomareva D. V., Kosilkin S. V., Nekoteneva M. V. Genomic Research in International, European, and Russian Jurisprudence // Journal of Computational and Theoretical Nanoscience. 2019. Vol. 16, № 12. P. 5408–5415.
3. Romanovskiy G. B., Romanovskaya O. V. Human rights and modern biomedicine: problems and perspectives // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 14–31.
4. Федулов В. И. Информационная защита прав человека при осуществлении биомедицинских исследований: международно-правовой аспект // Научный портал МВД России. 2018. № 1 (41). С. 132–134.

5. Дупан А. С., Алексеевская Е. И. Как защитить права человека, нарушенные при проведении его генома: предложения по совершенствованию российского законодательства // Закон и право. 2021. № 11. С. 65–70.
6. Епифанова Е. А. Правовые аспекты биоэтики в конституционно-правовой практике // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 120–123.
7. BNV Home Care Agency to Pay \$125,000 to Settle EEOC Genetic Discrimination Lawsuit. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/bnv-home-care-agency-to-pay-125-000-to-90194/>

References

1. Akimtseva Ya.V. The importance of judicial decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the transformation of legal regulation of biomedical research. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn = Legal policy and legal life*. 2022;(4):198–206. (In Russ.)
2. Ponomareva D.V., Kosilkin S.V., Nekoteneva M.V. Genomic Research in International, European, and Russian Jurisprudence. *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience*. 2019;16(12):5408–5415.
3. Romanovskiy G.B., Romanovskaya O.V. Human rights and modern biomedicine: problems and perspectives. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki = Bulletin of RUDN. Series: Juridical sciences*. 2021;25(1):14–31.
4. Fedulov V.I. Information protection of human rights in the implementation of biomedical research: international legal aspect. *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1):132–134. (In Russ.)
5. Dupan A.S., Alekseyevskaya E.I. How to protect human rights violated during genome sequencing: proposals for improving Russian legislation. *Zakon i pravo = Law and Right*. 2021;(11):65–70. (In Russ.)
6. Yepifanova E.A. Legal aspects of bioethics in constitutional and legal practice. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2019;(46):120–123. (In Russ.)
7. BNV Home Care Agency to Pay \$125,000 to Settle EEOC Genetic Discrimination Lawsuit. Available at: <https://www.jdsupra.com/legalnews/bnv-home-care-agency-to-pay-125-000-to-90194/>

Информация об авторах / Information about the authors

Марина Сергеевна Митькина

ассистент кафедры государственного
и административного права
Юридического института, Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет
имени Н. П. Огарева (Россия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68)

E-mail: marina.mitckina@yandex.ru

Marina S. Mit'kina

Assistant of the sub-department of state
and administrative law of the Law Institute,
National Research Ogarev Mordovia State
University (68 Bolshevistskaya street,
Saransk, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.06.2025

Принята к публикации / Accepted 15.07.2025

УДК 342.8

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-10

К вопросу о проблеме политического абсентеизма

О. В. Елистратова¹, В. В. Фомин²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹stulnikova80@yandex.ru, ²fomin2003@icloud.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Политический абсентеизм представляет собой серьезную проблему для современного общества, так как данный процесс негативным образом влияет как на демократические процессы в целом, так и на легитимность власти в частности. В условиях растущего недоверия к политическим институтам важно исследовать причины низкой явки избирателей и искать способы для ее повышения. Цель работы – провести анализ факторов, способствующих распространению политического абсентеизма, а также сформулировать предложения для повышения политической активности граждан. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа общедоступных данных, представленных Центральной избирательной комиссией РФ. Ключевым в данном исследовании являлся показатель явки избирателей (политической активности). Методологическую основу настоящей работы составляют методы контент-анализа, за счет которых выявляются причины, влияющие на распространение политического абсентеизма в России. *Результаты.* Исследована проблема распространения политического абсентеизма как в России в целом, так и в Пензенской области в частности, проанализированы причины данного явления. *Выводы.* Изучение данных, представленных Центральной избирательной комиссией РФ, позволяет сделать вывод о наличии проблемы политического абсентеизма как в стране, так и в отдельно взятом регионе (Пензенской области). При этом для борьбы с данным явлением был сформулирован ряд предложений, внедрение которых могло бы положительным образом повлиять на сложившуюся ситуацию.

Ключевые слова: власть, выборы, гражданская позиция, демократическое государство, избиратели, легитимность власти, политический абсентеизм, политическая активность, явка

Для цитирования: Елистратова О. В., Фомин В. В. К вопросу о проблеме политического абсентеизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 114–122. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-10

Toward the problem of political absenteeism

O.V. Elistratova¹, V.V. Fomin²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹stulnikova80@yandex.ru, ²fomin2003@icloud.com

Abstract. *Background.* Political absenteeism is a serious problem for modern society, as this process negatively affects both democratic processes in general and the legitimacy of

government in particular. Given the growing distrust of political institutions, it is important to investigate the causes of low voter turnout and look for ways to increase it. The purpose of the work is to analyze the factors contributing to the spread of political absenteeism, as well as to formulate proposals to increase the political activity of citizens. *Materials and methods.* The implementation of the research objectives was achieved based on the analysis of publicly available data provided by the Central Election Commission of the Russian Federation. The key in this study was the indicator of voter turnout (political activity). The methodological basis of this work consists of content analysis methods, which identify the causes that influence the spread of political absenteeism in Russia. *Results.* The problem of the spread of political absenteeism in Russia as a whole and in the Penza region is investigated, in particular, the causes of this phenomenon are analyzed. *Conclusions.* The study of the data provided by the CEC of the Russian Federation allows us to conclude that there is a problem of political absenteeism both in the country and in a particular region (Penza region). At the same time, a number of proposals have been formulated to combat this phenomenon, the implementation of which could have a positive impact on the current situation.

Keywords: power, elections, civic position, democratic state, voters, legitimacy of power, political absenteeism, political activity, turnout

For citation: Elistratova O.V., Fomin V.V. Toward the problem of political absenteeism. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):114–122. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-10

В государстве, построенном на демократических принципах, гражданам предоставляется возможность участвовать в политической жизни страны. Одним из наиболее важных типов такого участия является формирование выборных органов государственной власти. Однако сегодня все более актуальной становится тенденция отказа граждан от участия в политической жизни социума, что негативно влияет на формирование структур гражданского общества, на эффективность выборных органов власти, в связи с чем возрастает интерес к проблеме политического абсентеизма [1, с. 214]. Под данным термином понимается политическое поведение, которое не предполагает проявления активности индивидов, при этом человек не является субъектом политических взаимодействий [2]. Следует отметить, что политический абсентеизм – это проблема, с которой сталкивается большинство стран-государств XXI в. Борьба с этим можно по-разному. В некоторых странах, где голосование является не правом граждан, а обязанностью, проблемы абсентеизма и легитимности власти всех уровней просто нет. Например, в Австралии на выборах федерального уровня в 2016 г. явка составила 91 %, а в Сингапуре явка на всеобщих выборах 2020 г. составила 95,8 % [3, с. 171].

Согласно Конституции России граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Ввиду того что участие в выборах в нашей стране является добровольным, проблема политического абсентеизма не обошла стороной и Россию. Для подтверждения сказанного предлагаем обратиться к графикам, содержащим информацию о явке на выборах Президента России и депутатов Государственной Думы, т.е. наиболее крупных в рамках нашей страны (рис. 1).

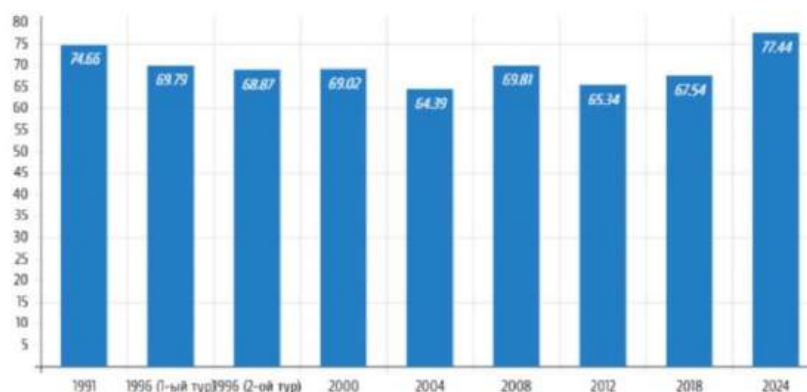

Рис. 1. Явка на выборах Президента России

Исходя из данных, представленных на графике, следует отметить относительно высокую активность населения. Так, за все годы проведения выборов на должность главы государства уровень явки избирателей ни разу не упал ниже 60 %. При этом на последних выборах Президента России был зафиксирован рекордный уровень посещаемости. 77,44 %, или 87,113 млн человек, – это число избирателей, которые приняли участие в выборах главы государства¹.

Данный результат в том числе был достигнут за счет изменения сроков проведения выборов и использования дистанционного электронного голосования [4].

Первый фактор связан с изменениями в законодательстве, которые произошли в 2020 г. Так, 31 июля того года президент РФ Владимир Владимирович Путин подписал поправки в законодательство, позволяющие проводить выборы в течение нескольких дней подряд (не более трех) в избирательных кампаниях любого уровня [5]. Соответствующие изменения были внесены в федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22 февраля 2014 г.² 14 марта 2022 г.

¹ О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года : постановление ЦИК РФ // Вестник ЦИК России. 2024. № 7 (467).

² Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон № 67-ФЗ от 12.06.2002 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ ; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон № 20-ФЗ от 22.02.2014 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/

норма о многодневном голосовании была включена в закон «О выборах президента Российской Федерации» от 10 января 2003 г.¹

Второй фактор связан с использованием цифровых технологий в процессе голосования. По данным главы Центризбиркома Эллы Памфиловой, почти 10 млн избирателей смогли принять участие в выборах Президента России по месту фактического нахождения с помощью системы «Мобильный избиратель» и дистанционного электронного голосования.

Что касается явки на выборах депутатов Государственной Думы России, то здесь следует обратить внимание на достаточно высокий уровень абсентеизма среди населения. За все годы существования выборов явка граждан ни разу не достигла отметки в 70 %, что подтверждает факт существования данной проблемы. Особенно примечателен 2016 г., который продемонстрировал самую низкую явку на федеральных парламентских выборах в современной России – всего 47,81 % (рис. 2) [6].

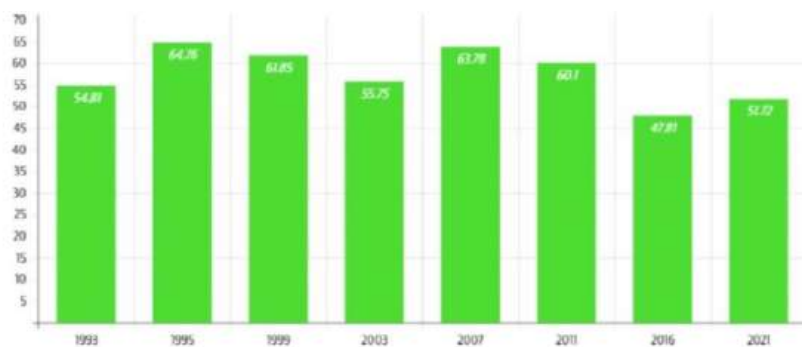

Рис. 2. Явка на выборах депутатов Государственной Думы России

Далее следует проанализировать уровень политической активности избирателей Пензенской области. Для этого необходимо обратиться к графикам, отражающим явку населения на выборах главы региона и депутатов Законодательного Собрания (рис. 3, 4).

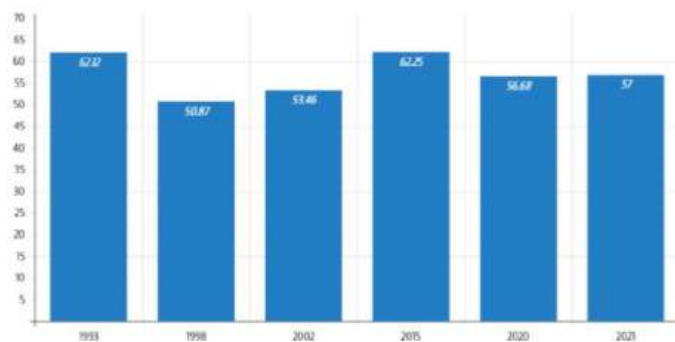

Рис. 3. Явка на выборах главы администрации / губернатора Пензенской области

¹ О выборах Президента Российской Федерации : федер закон № 19-ФЗ от 10.01.2003 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/

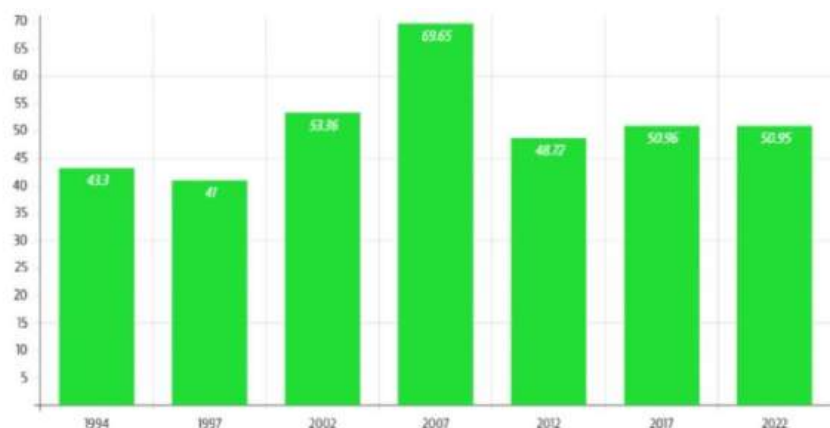

Рис. 4. Явка на выборах Законодательного Собрания Пензенской области

Из данных, представленных на рис. 3 и 4, можно сделать вывод о наличии проблемы политического абсентеизма в Пензенской области.

Так, на выборах главы региона порог явки лишь два раза превысил отметку в 60 %, а средний уровень остановился на отметке 57,06 % [7].

Ситуация с выборами в Законодательное Собрание Пензенской области обстоит несколько хуже. Так, три раза явка избирателей не превышала порог и в 50 %, т.е. более половины избирателей не выразили свою гражданскую позицию. В последние годы ситуация незначительно улучшилась. В 2017 и 2022 гг. уровень явки составил практически 51 %.

Причины политического абсентеизма условно можно классифицировать на три группы:

- 1) социально-экономические;
- 2) политические;
- 3) морально-правовые.

К первой группе причин следует относить следующие: низкую заработную плату, пенсию и стипендию, высокую инфляцию, платную медицину и образование, в том числе и в государственных учреждениях, некачественные продукты питания и т.д. Низкий уровень жизни населения приводит к тому, что граждане не хотят не только участвовать в политической жизни страны, но и просто интересоваться политикой и политическими событиями. Их основная задача сводится к повышению собственного уровня благосостояния.

Политические причины непосредственно связаны с политической жизнью в определенном регионе. Так, наиболее популярными среди них являются следующие: многие кандидаты, не обладая должными знаниями, опытом и авторитетом, оказываются в выборных органах за счет партии, в выборных органах значительное количество представителей партии «Единая Россия», поэтому они имеют возможность «заблокировать» иного кандидата на высокие государственные посты, вбросы бюллетеней, непринятие населением изменений процедуры выборов, неравенство кандидатов и т.д.

По мнению В. Н. Шилова, не стоит также игнорировать факт отсутствия реальной политической конкуренции в России на протяжении последних лет. Конституционное большинство партии «Единая Россия» в Государственной Думе РФ и региональных парламентах окончательно подтверждает мысль о неконкурентоспособности политической оппозиции [8, с. 19–20]. При этом выдвинутый кандидат от КПРФ, признанной главной оппозиционной партией последних тридцати лет в России, в 2024 г. на выборах Президента РФ довольствуется вторым местом (с результатом в 4,3 %), которое досталось ему в равной борьбе с кандидатом от партии «Новые люди», основанной только в 2020 г. и за 4 года деятельности получившей на выборах третье место (с результатом 3,86 %), опередив лидера ЛДПР, ведущей политическую деятельность с 1989 г. [9, с. 51–52].

Последнюю группу причин составляют морально-правовые. Морально-правовые причины политического абсентеизма отражают недовольство граждан существующей системой и отсутствие доверия к кандидатам. К ним можно отнести отсутствие справедливости в обществе и государстве, слабую борьбу с коррупцией, свободный выезд коррумпированных чиновников на постоянное место жительства за границу, критика со стороны российских чиновников советского прошлого и т.д.

Выборы – важнейший процесс в демократическом государстве, он предопределяет вектор политического развития страны, региона, определенной местности. Распространение абсентеизма может привести к установлению нелегитимной власти, выбираемой меньшей частью граждан. Если в выборах приняло участие небольшое число граждан, возникают сомнения, стала ли основой власти действительно воля народа и можно ли признавать такие выборы состоявшимися, а сформированные органы власти легитимными? Представляется, что нет, так как нарушается одно из важнейших правил демократии – подчинение меньшинства большинству [10].

В связи с этим видится необходимым борьба с таким явлением, как политический абсентеизм. При этом на данном этапе уровень политической активности населения свидетельствует о несовершенстве борьбы с политическим абсентеизмом как на федеральном, так и на региональном уровне. Представляется актуальным внедрение следующих предложений.

Во-первых, необходимо улучшать социально-экономический уровень жизни населения. Так, государству необходимо стремиться к повышению благосостояния народа, снижению инфляции и уровня безработицы. Хорошо живущий электорат будет заинтересован в том, чтобы сохранить существующий уровень жизни или же повысить его, потому будет активнее участвовать в выборах. При этом население, испытывающее финансовые трудности, как правило, менее охотно участвует в подобного рода мероприятиях.

Во-вторых, следует проводить работу с молодым поколением. Так, необходимо стремиться к увеличению числа бюджетных мест в учебных заведениях, повышению академических стипендий учащимся, чаще проводить общественные мероприятия, подчеркивающие значимость выборов в каче-

стве демократического института в частности, и формирующие активную гражданскую позицию у молодежи в целом.

Нельзя отрицать факт того, что уже имеются положительные сдвиги в данном направлении. Так, например, с 1 сентября 2025 г. значительно повышаются стипендии Президента и Правительства РФ [11]. При этом в России регулярно проводятся форумы и иные общественные мероприятия, ставящие своей целью привлечение наиболее социально активных и талантливых представителей молодого поколения для решения общественно значимых вопросов. На данный момент в России создаются условия для формирования у молодежи активной гражданской позиции, однако необходимо продолжать работу в данном направлении.

В-третьих, важным мероприятием видится политическое воспитание молодого поколения [12, с. 76]. Воспитание на принципах политкорректности, толерантности, патриотизма, гражданственности, доверия к действиям государственной власти способствует интеграции молодых людей в политическое и социальное пространство. В свою очередь, это залог развития общества и его стабильности [13].

В-четвертых, необходимо стремиться к установлению прочной связи между лицом, которое избирается в выборные органы или на выборные должности, и избирателями. Данное предложение актуально прежде всего для выборов в органы государственной власти.

В этой связи представляется целесообразным установление отзыва депутата для депутатов Государственной Думы и депутатов законодательных органов государственной власти субъектов Федерации, так как в настоящее время данная процедура не предусмотрена¹. При этом депутат представительного органа муниципального образования может быть отозван своими избирателями².

Подводя итог, необходимо отметить следующее: выборы – это один из важнейших институтов демократического государства, так как участие в них предоставляет людям возможность выразить гражданскую позицию, а также защитить свои права и интересы. При этом участие в данной процедуре формирует устойчивую связь между государством и гражданами, позволяя последним чувствовать себя значимой частью политического процесса. Однако в последние годы как на федеральном, так и на региональном уровне становится актуальной проблема политического абсентеизма, подразумевающая отказ избирателей от участия в выборах ввиду определенных причин (социально-экономических, политических, морально-правовых). В этой связи были сформулированы некоторые предложения, которые могли бы положительным образом повлиять на данную проблему.

¹ О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон № 3-ФЗ от 08.05.1994 (ред. от 13.07.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637/

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ред. от 13.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

Список литературы

1. Арина К. Г. Абсентеизм в политике: причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 214–220.
2. Мелешкина Е. Ю. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа : сб. учеб. материалов. М. : ИНФРА-М : Весь мир, 2001. 304 с.
3. Астафьева Е. М. Парламентские выборы 2020 в Сингапуре: итоги, уроки и перспективы политического развития // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2020. № 3 (48). С. 167–175. doi:10.31696/2072-8271-2020-3-3-48-167-175
4. Памфилова заявила о рекордной явке на выборах президента России // РБК. 2024. 18 марта. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2024/65f7f7d79a79476d45604f0d> (дата обращения: 30.01.2025).
5. История многодневного голосования на выборах президента РФ // ТАСС. 2024. 13 марта. URL: <https://tass.ru/info/18683391> (дата обращения: 30.01.2025).
6. Как прошли выборы в Госдуму-2021: явка, партии, округа // Коммерсантъ. 2021. 20 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (дата обращения: 30.01.2025).
7. Временный стал постоянным // Коммерсантъ Саратов. 2021. 21 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4996397> (дата обращения: 30.01.2025).
8. Шилов В. Н. Демократическая политическая конкуренция и предпосылки ее эффективности // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2014. Т. 1, № 1 (1). С. 18–32.
9. Русских Е. Е. Влияние политического абсентеизма на конституционную легитимацию власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 6. С. 51–53. doi:10.18572/1813-1247-2024-6-51-53
10. Терещенко Н. Д., Еремеева М. Д. Проблемы политического абсентеизма и пути его решения // Аллея Науки. 2022. № 3 (66). С. 523–528.
11. Путин решил поднять президентскую стипендию до 30 тыс. рублей // Коммерсантъ. 2024. 25 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6467412> (дата обращения: 30.01.2025).
12. Молоткова Е. М. Причины политического абсентеизма молодежи и пути его минимизации // Акмеология. 2014. № 2. С. 75–78.
13. Соловьева Н. В., Панферова О. С. Интегративные процессы в инклюзивной образовательной среде // Акмеология. 2011. № 1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnye-protsessy-v-inklyuzivnoy-obrazovatelnoy-srede/viewer>

References

1. Arinina K.G. Absenteeism in politics: causes and consequences. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* = *Proceedings of Kazan University. Series: Humanities*. 2014;(1):214–220. (In Russ.)
2. Meleshkina E.Yu. *Politicheskiy protsess: osnovnyye aspekty i sposoby analiza: sb. ucheb. materialov* = *Political process: main aspects and methods of analysis: collection of teaching materials*. Moscow: INFRA-M: Ves mir, 2001:304. (In Russ.)
3. Astafyeva E.M. Singapore's 2020 General Election: Results, Lessons, and Political Prospects. *YUVA: aktualnyye problemy razvitiya* = *Southeast Asia: current development issues*. 2020;(3):167–175. (In Russ.). doi: 10.31696/2072-8271-2020-3-3-48-167-175
4. Pamfilova announced a record turnout in the Russian presidential elections. *RBC*. 2024; 18 March. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2024/65f7f7d79a79476d45604f0d> (accessed 30.01.2025).

5. History of multi-day voting in the Russian presidential elections. *TASS*. 2024; 13 March. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/info/18683391> (accessed 30.01.2025).
6. How the 2021 State Duma elections went: turnout, parties, and constituencies. *Kommersant*. 2021; 20 September. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (accessed 30.01.2025).
7. Temporary became permanent. *Kommersant Saratov*. 2021; 21 September. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4996397> (accessed 30.01.2025).
8. Shilov V.N. Democratic political competition and the prerequisites for its effectiveness. *Nauchnyy rezultat. Seriya: Sotsialnyye i gumanitarnyye issledovaniya = Research result. Series: Social and humanitarian research*. 2014;1(1):18–32. (In Russ.)
9. Russkikh E.E. The impact of political absenteeism on the constitutional legitimation of power in Russia. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoye samoupravleniye = State power and local self-government*. 2024;(6):51–53. (In Russ.). doi: 10.18572/1813-1247-2024-6-51-53
10. Tereshchenko N.D., Yeremeyeva M.D. Problems of political absenteeism and ways to solve it. *Alleya Nauki = Alley of Science*. 2022;(3):523–528. (In Russ.)
11. Putin decided to raise the presidential stipend to 30,000 rubles. *Kommersant*. 2024; 25 January. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6467412> (accessed 30.01.2025).
12. Molotkova E.M. Causes of political absenteeism among young people and ways to minimize it. *Akmeologiya = Acmeology*. 2014;(2):75–78. (In Russ.)
13. Solovyeva N.V., Panferova O.S. Integrative processes in an inclusive educational environment. *Akmeologiya = Acmeology*. 2011;(1). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnye-protsessy-v-inklyuzivnoy-obrazovatelnoy-srede/viewer>

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Васильевна Елистратова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: stulnikova80@yandex.ru

Olga V. Elistratova

Candidate of juridical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of state and legal
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Владимир Владимирович Фомин

юрисконсульт Правового управления
(отдел договорной и претензионной
работы), Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: fomin2003@icloud.com

Vladimir V. Fomin

Legal Adviser of the Legal Department
(department of Contractual and Claims
work), Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.03.2025

Принята к публикации / Accepted 02.09.2025

УДК 325.1

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-11

Нормативное регулирование миграционного права

А. Ю. Саломатин¹, Д. В. Лапенков², Я. М. Хадарина³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹valeriya_zinovev@mail.ru, ²daniil.lp@mail.ru, ³yanahadarina@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования обусловлена растущей миграционной динамикой в Российской Федерации и необходимостью совершенствования правового регулирования миграционных процессов. Цель работы – проанализировать современное законодательство в сфере миграционного права, выявить его особенности и недостатки, а также обосновать необходимость создания единого Миграционного кодекса для повышения эффективности миграционной политики. *Материалы и методы.* В качестве материалов использованы федеральные законы, указы Президента РФ, нормативные акты Министерства внутренних дел, а также международные правовые акты, ратифицированные Россией. Методы исследования включали системный анализ нормативно-правовых актов, сравнительный, а также социологический опрос среди студентов для оценки общественного мнения. *Результаты.* Выявлены основные пробелы и противоречия в действующем законодательстве, в частности недостаточная кодификация миграционных нормативных актов, разночтения в сроках ограничения въезда и отсутствие единого правового документа. Также проанализированы особенности новых нормативных актов, таких как Указ Президента РФ от 2023 г., и их потенциальное влияние на миграционную ситуацию. *Выводы.* Подтвердилась необходимость систематизации миграционного законодательства посредством разработки Миграционного кодекса, который объединит все нормативные акты, упростит процедуры и повысит контроль за миграционными процессами, что в конечном итоге будет способствовать более эффективной реализации миграционной политики России.

Ключевые слова: миграционная политика, мигранты, зарубежные страны, законодательство

Для цитирования: Саломатин А. Ю., Лапенков Д. В., Хадарина Я. М. Нормативное регулирование миграционного права // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 123–132. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-11

Normative regulation of migration law

A.Yu. Salomatin¹, D.V. Lapenkov², Ya.M. Khadarina³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹valeriya_zinovev@mail.ru, ²daniil.lp@mail.ru, ³yanahadarina@yandex.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the study is due to the growing migration dynamics in the Russian Federation and the need to improve the legal regulation of migration

processes. The purpose of the work is to analyze the current legislation in the field of migration law, identify its features and shortcomings, and substantiate the need to create a unified Migration Code to improve the efficiency of migration policy. *Materials and methods.* The materials used are federal laws, decrees of the President of the Russian Federation, regulations of the Ministry of Internal Affairs, as well as international legal acts ratified by Russia. The research methods included a systemic analysis of regulatory legal acts, a comparative survey, and a sociological survey among students to assess public opinion. *Results.* The main gaps and contradictions in the current legislation are identified, in particular, insufficient codification of migration regulations, discrepancies in the terms of entry restrictions and the absence of a single legal document. The features of new regulations, such as the Decree of the President of the Russian Federation of 2023, and their potential impact on the migration situation were also analyzed. *Conclusions.* The need to systematize migration legislation by developing a Migration Code was confirmed, which will unite all regulations, simplify procedures and increase control over migration processes, which will ultimately contribute to more effective implementation of Russia's migration policy.

Keywords: migration policy, migrants, foreign countries, legislation

For citation: Salomatin A.Yu., Lapenkov D.V., Khadarina Ya.M. Normative regulation of migration law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):123–132. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-11

Миграционное право Российской Федерации регулируется обширным законодательством в данной области. Начиная с федеральных законов и заканчивая указами Президента, нормативно-правовые акты (НПА) регулируют ту или иную сферу миграционного права. Следовательно, необходимо проанализировать и исследовать действующее законодательство в области миграции и выделить соответствующие особенности и недостатки. Такой анализ позволит выявить существующее положение миграционного права в Российской Федерации на сегодняшний день.

Следует начать с того, что некоторые аспекты миграционного права в Российской Федерации регулируются не только действующим законодательством, но и международными актами, которые, соответственно, ратифицированы в России, среди таковых можно выделить:

- международно-правовые акты универсального характера, принимаемые в рамках Организации Объединенных Наций;
- региональные международные правовые акты, к числу которых относятся акты СНГ, ЕАЭС;
- международные правовые акты специального характера, направленные на определение правового положения отдельных категорий мигрантов, а также детализирующие обязанности государства-участника по установлению в национальном законодательстве определенных норм;
- двусторонние и многосторонние договоры и соглашения Российской Федерации с другими странами [1, с. 185].

Иначе говоря, можно с уверенностью сказать, что с международной точки зрения правоотношения в области миграции достаточно урегулированы, хотя не исключены и возможные коллизии права.

Если же рассматривать сугубо российское законодательство, то в первую очередь необходимо обратиться к федеральным законам. Именно они регулируют фундаментальные правоотношения в области миграции. И уже на данном этапе можно выделить первую особенность и первый недостаток данного права – недостаточная кодификация. Законодательство в данной области неоднородно и не позволяет в должной мере реализовывать миграционную политику. Так, в Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹, как следует из названия, урегулированы такие аспекты, как «правила выезда гражданина Российской Федерации из страны; въезд в Российскую Федерацию и выезд из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства; требования к осуществлению порядка транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию государства» [2, с. 220]. Иначе говоря, данный закон закрепляет фундаментальные основы въезда в Российскую Федерацию и выезда из нее. Рассматривая данный Федеральный закон (ФЗ), следует отметить такой существенный недостаток, как «двукратная разница в сроках запрета на въезд, которая логически не связана с вынесением решений об административном выдворении» [3, с. 73]. Проанализировав существующую проблему, можно сделать вывод, что запрет на въезд является необоснованно долгим, по сравнению с последствиями административного выдворения, которое наступает в случаях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Исходя из этого следует либо значительно уменьшить сроки, которые представлены в ФЗ, либо, напротив, ужесточить административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства.

Далее необходимо исследовать Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ². По своему содержанию и назначению «является системообразующим для иных нормативно-правовых актов в миграционной сфере, объемный по своему содержанию и имеющий преобладающее значение в системе миграционного законодательства» [4, с. 68]. То есть данный НПА считается наиболее близким законом, который направлен на систематизацию и объединение всех действующих законов и подзаконных актов в области миграции. За период своего существования он был изменен большое число раз – по меньшей мере 134 раза. Это обусловлено совершенствованием законодательства, изменением политики в области миграционных правоотношений, а также внешнеполитическими факторами. Однако, несмотря на это, данный ФЗ по-прежнему имеет определенные недостатки. К примеру, можно выделить, что, исходя из толкования ст. 5 рассматриваемого закона, не до конца ясно, «с какого числа

¹ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федер. закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/

² О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/

иностранному гражданину следует начинать отсчет пребывания по полугодиям, для определения суммарной продолжительности пребывания иностранного гражданина не более 90 дней в период из 180» [5, с. 45]. Следовательно, не ясен момент отсчета сроков, что впоследствии может ухудшить положение иностранного гражданина или лица без гражданства. Чтобы исключить существующую коллизию, следует указать момент отсчета или конкретное обстоятельство, которое повлекло бы за собой начала отсчета. Что же касается статуса системообразующего Федерального закона, следует отметить, что, несмотря на то что данный закон действительно в некотором смысле объединяет все существующие нормативно-правовые акты в области миграционного законодательства, на практике же данный закон носит сугубо отсылочный характер, что не совсем присуще закону, который систематизирует в себе все другие ФЗ и подзаконные акты. Вследствие этого возникает необходимость создания единого кодекса, который совместил бы в себе все аспекты миграционного законодательства и соответствующие процедуры.

Среди подзаконных актов стоит отметить один из последних вышедших документов, а именно Указ Президента Российской Федерации от 27.04.2023 № 307 «Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»¹. Указ вводит ряд специфических правил, направленных на регулирование статуса определенных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ. Основной особенностью Указа является его целенаправленная дифференциация правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, исходя из их категории и целей пребывания. В документе выделены особые условия для следующих групп:

- иностранных граждан, прибывающих для работы в приоритетных сферах экономики;
- лиц без гражданства, находящихся в РФ на основании гуманитарных оснований;
- студентов и научных сотрудников, участвующих в образовательных и научных программах.

Например, в п. 3 Указа установлено, что лица, прибывающие для работы по специальным программам, могут получать более упрощенные условия оформления разрешений и виз, что способствует привлечению квалифицированных специалистов. Еще одной важной особенностью является введение специальных процедур для оформления временной регистрации и правового статуса для определенных категорий иностранных граждан, что должно повысить эффективность контроля за их пребыванием [6, с. 742].

Указ предусматривает упрощение порядка оформления разрешений на работу и временного пребывания для квалифицированных специалистов

¹ Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : указ Президента РФ от 27.04.2023 № 307 (ред. от 20.03.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445926/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/

и студентов. В п. 5 Указа говорится, что иностранные граждане, участвующие в образовательных программах, могут оформлять временную регистрацию без необходимости предоставления подтверждающих документов о наличии жилья, что ускоряет процесс их легализации. Это способствует тому, что страна становится более привлекательной для высококвалифицированных иностранных граждан. Также отметим, что в п. 12 Указа закреплено право лиц без гражданства получать временную защиту и медицинское обслуживание в особых случаях.

Однако Указ и по сей день вызывает множество споров. Главным недостатком считается то, что снижение требований к регистрации и разрешениям, наоборот, может стать благоприятной почвой для нелегального пребывания. Несмотря на общие положения, в некоторых пунктах отсутствуют четкие критерии для определения категорий иностранных граждан, что может привести к субъективизму при их применении. Например, в п. 7 Указа говорится о том, что особые условия предоставляются «по усмотрению компетентных органов», что создает риск произвола. Расширение прав некоторых категорий иностранных граждан без адекватных мер по интеграции и контролю может вызвать социальное недовольство среди местного населения, особенно в регионах с высокой миграционной нагрузкой.

Рассмотрев некоторые особенности, достоинства и недостатки перечисленных нормативных правовых актов, можно сделать заключение об анализе состояния современного российского законодательства в сфере миграции. Основными нормативными правовыми актами являются Конституция РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс, ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, а также приказы Федеральной миграционной службы Российской Федерации. Таким образом, можно сделать вывод, что нормативных правовых актов, которые регулируют данную сферу, достаточно много и они требуют систематизации.

К аналогичному выводу приходит А. В. Колесников, который указывает, что «миграционное законодательство нередко критикуется за свою запутанность и нерешенные проблемы, включая вопросы оформления документов, предоставления трудовых и социальных прав иностранным гражданам» [7, с. 133]. Следовательно, необходимо объединить имеющееся законодательство в единый нормативный акт, который будет регулировать все аспекты и вопросы миграционной политики. Яркой инициативой может стать Миграционный кодекс Российской Федерации, который значительно упростит правоприменение и толкование норм в области миграционной политики. В нем будут представлены основные принципы, порядок приема мигрантов, факторы их интеграции, основания для депортации и иная информация [8, с. 59]. Единый документ позволит как упростить жизнь для самих мигрантов, так и

повысить продуктивность работы в миграционных органах, установив стандарты и полномочия в данном кодексе.

Для лучшего понимания отношения к мигрантам и миграционной политике в молодежной среде был проведен авторский опрос среди групп студентов первых и вторых курсов Пензенского государственного университета. Среди 100 респондентов в возрасте от 18 лет до 21 года был проведен социологический опрос, состоящий из 21 вопроса. Рассмотрим и проанализируем полученные данные.

Почти четверть опрошенных, 23,5 %, отметили, что этот процесс имеет гуманистическую составляющую, поскольку люди ищут лучшие условия для жизни, реализации себя, поэтому им надо помогать обрести новую родину; 22,4 % – что это неизбежный процесс, особенно в условиях глобализации, и не стоит в него вмешиваться. На вопрос по поводу отношения к миграции (перемещению массы населения из государства в государство) как к явлению 25,5 % ответили, что не имеют мнения по данному аспекту. К сожалению, пока только 15,3 % считают, что иммиграцию необходимо жестко регулировать по количественным и качественным показателям; 13,3 % – прибытие значительной массы населения обременительно для принимающих стран по экономическим, социально-культурным причинам, и надо стремиться к тому, чтобы его блокировать.

Затруднение вызвал вопрос о провалившейся западной концепции мультикультурализма, появившейся в конце XX в. и провозглашающей параллельное сосуществование различных этно-конфессиональных культур [9, с. 21]. Увы, 60,2 % ответивших не знают о данном явлении. Согласие с мнением о привлекательности и демократичности концепции выразили 14,3 % респондентов; 13,3 % – категорически не согласны ввиду американского опыта так называемого «плавленного тигля», который показал практичность «переплавки» различных этносов в единую нацию американцев; 12,2 % считают, что надо просто жестко ограничить или запретить иммиграцию.

Большой положительный отклик получил вопрос об отношении к политике депортации незаконных иммигрантов: 55,1 % ответили, что высылка незаконных иммигрантов – это адекватный и необходимый инструмент борьбы с незаконной миграцией; 28,6 % не имеют мнения; 9,2 % считают высылку незаконных иммигрантов на родину малоэффективной, так как она не может приобрести массовости из-за финансовых и организационных ограничений; 7,1 % отмечают негуманность и нецелесообразность высылки незаконных иммигрантов.

Политику выдачи национальных карт в некоторых странах, например в Польше «Карта поляка», для получения лицами с аналогичными этническими корнями гражданства по ускоренной процедуре 40,8 % опрошенных считают хорошим примером заботы государства о собирании единокровных мигрантов; 14,3 % считают данный документ ненужным по причине возникновения угрозы дискриминации других иммигрантов; 44,9 % не имеют мнения по данному вопросу.

Касательно отношения к мигрантам, прибывающим из республик бывшего СССР, 40,8 % респондентов придерживаются мнения, что иммигрантов слишком много и их число надо сократить; 34,7 % считают целесообразным ограничить пребывание иммигрантов сроком специального трудового договора; 25,5 % думают, что давно пора отслеживать фиктивные браки и лишать иммигрантов гражданства; 20,4 % устраивает существующий уровень иммиграции, поскольку он не представляет опасности ни для государства, ни для общества и его следует сохранить.

С аннулированием российского гражданства у тех недавних иммигрантов, которые не знают русского языка, выразили согласие 61,2 % респондентов; 29,6 % воздержались от ответа и лишь 9,2 % дали отрицательный ответ.

Также большая часть опрошенных студентов (43,9 %) считают целесообразным запретить некоторые профессии для иммигрантов в таких сферах деятельности, как, например, розничная торговля, медицина, образование. Не согласны с запретом 21,4 % респондентов не имеют мнения 34,7 %.

На вопрос, затрагивающий определения собственной роли в сфере иммиграционной политики, 31,6 % ответили, что считают себя патриотами, выступающими с позиций заботы о коренном населении и недопущении его размывания мигрантами; 29,6 % не имеют мнения; 23,5 % определяют себя как рационалистов, считающих полезным умеренный приток только трудовых мигрантов ради народнохозяйственного развития; 11,2 % – как либералов и гуманистов, верящих в полезность слабоконтролируемой миграции. Лишь самая малая часть опрошенных выбрали роль интернационалиста, вспоминающего о временах СССР и о братстве советских народов.

Наибольший интерес для авторов представил блок вопросов, посвященных отношению и позиции студентов, касающихся правового регулирования процессов миграции в России. Так, на вопрос «Считаете ли вы, что миграционные процессы будет эффективнее контролировать законодательным путем?» выразили согласие 41,8 %. Вариант «возможно» выбрали 34,7 % опрошенных; 20,4 % – не имеют мнения. Оставшаяся малая часть респондентов выразили отрицание эффективности законодательного регулирования.

Рассмотрим отношение студентов к инициативе создания Миграционного кодекса РФ как одного из инструментов упорядочения и повышения контроля миграционных процессов в России. Согласными с данной концепцией оказались 41,8 % опрошенных, кроме того, 29,6 % выбрали вариант ответа «скорее да». Не выразили мнения по данному вопросу 20,4 %; оставшаяся часть респондентов ответили «нет» и «скорее нет», однако отметим, что таких – меньшинство.

Анализ данных ответов позволяет заключить, что большинство студентов положительно оценивают возможность регулирования миграционных процессов в России посредством законодательных мер и инициативы создания Миграционного кодекса. Значительная часть опрошенных считают, что такие меры могут повысить эффективность контроля миграции, что свидетельствует о высокой заинтересованности молодежи в развитии правового

регулирования данной сферы. При этом часть респондентов остается нейтральной или не выражает мнения, что указывает на необходимость дальнейшего информирования и обсуждения данных вопросов для формирования однозначной позиции среди молодежи.

Ввиду значительной заинтересованности и поддержки инициативы создания Миграционного кодекса Российской Федерации целесообразным считается обозначить основу и состав данного документа [10, с. 36]. Структурное наполнение Миграционного кодекса РФ можно представить в виде наличия двух частей: общей части, отражающей основные понятия, принципы миграционной политики, права и обязанности мигрантов, а также особенной части, раскрывающей такие важные моменты, как особенности правового положения отдельных категорий мигрантов (высококвалифицированных специалистов, студентов, беженцев, временно пребывающих лиц и т.д.), регулирование трудовой деятельности мигрантов (квоты, разрешения на работу, патенты, защита трудовых прав), механизмы миграционного учета и контроля (регистрация, снятие с учета, депортация, реадмиссия) и, конечно, ответственность за нарушение миграционного законодательства.

В заключение, опираясь на вышесказанное, можно сказать, что миграционная политика в Российской Федерации крайне неоднородная. Ввиду того что в настоящее время существует большое число пробелов и неточностей в действующем законодательстве, а также конкретных проблем на практике, миграционная политика требует немедленной реформы. И кодификация, т.е. сведение в единое целое законодательных актов и инструкций на основе срочно разрабатываемой юридической доктрины, – это наиболее правильный путь.

Список литературы

1. Краснобород Д. С. Нормативно-правовое регулирование миграционных процессов в Российской Федерации // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 5 июня 2022 г.). Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. С. 183–186.
2. Озеров И. Н., Катаева О. В. Нормативная правовая основа миграционного порядка в Российской Федерации: направления совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 217–223.
3. Дехтярь И. Н., Кониная Е. Н. Проблемные аспекты государственного порядка выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 5 (160). С. 70–77.
4. Казарян К. В., Литвинова Ю. И. Вопросы нормативно-правового регулирования миграционной деятельности // Юрист-Правовед. 2018. № 4 (87). С. 64–70.
5. Назырова Н. Х., Иванцова Г. А. Проблемы законодательного регулирования миграционных процессов // E-Scio. 2021. № 9 (60). С. 43–47.
6. Ковалишина К. В. Проблемы и перспективы систематизации миграционного законодательства РФ на современном этапе // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сб. ст. по результатам II Междунар.

- науч.-практ. конф., посвящ. празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией (г. Симферополь, 15 марта 2024 г.). Симферополь : Ариал, 2024. С. 740–747.
7. Колесников А. В. Миграционная политика Российской Федерации и основные направления ее реализации в современных условиях // Наука, общество, инновации: актуальные вопросы современных исследований : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 30 сентября 2023 г.). Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 132–134.
 8. Саломатин А. Ю., Манцеров К. А. Правовая политика в сфере иммиграции: сравнительный анализ зарубежных моделей // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2 (43). С. 54–61.
 9. Саломатин А. Ю. Государственно-правовая безопасность в свете глобальных этнических миграций (сравнительное исследование на примере США и Германии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1 (57). С. 13–25.
 10. Саломатин А. Ю., Манцеров К. А. Иммиграционная правовая политика (сравнительный анализ моделей развития) : монография. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2013. 93 с. (Научная мысль).

References

1. Krasnoborod D.S. Legal regulation of migration processes in the Russian Federation. *Yuridicheskiye nauki, pravovoye gosudarstvo i sovremennoye zakonodatelstvo: sb. st. XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 5 iyunya 2022 g.) = Legal sciences, the rule of law and modern legislation: proceedings of the 18th International scientific and practical conference (Penza, June 5, 2022)*. Penza: Nauka i Prosveshcheniye (IP Gulyayev G.Yu.), 2022:183–186. (In Russ.)
2. Ozerov I.N., Katayeva O.V. The regulatory framework for migration law and order in the Russian Federation: areas for improvement. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2020;(2):217–223. (In Russ.)
3. Dekhtyar I.N., Konina E.N. Problematic aspects of the state procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2024;(5):70–77. (In Russ.)
4. Kazaryan K.V., Litvinova Yu.I. Issues of legal regulation of migration activities. *Yurist-Pravoved = Lawyer-legal expert*. 2018;(4): 64–70. (In Russ.)
5. Nazyrova N.Kh., Ivantsova G.A. Problems of legislative regulation of migration processes. *E-Scio*. 2021;(9):43–47. (In Russ.)
6. Kovalishina K.V. Problems and prospects of systematization of migration legislation of the Russian Federation at the present stage. *Voprosy sudebnoy deyatel'nosti i pravoprimereniya v sovremennykh usloviyakh: sb. st. po rezul'tatam II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. prazdnovaniyu 10-letney godovshchiny vossoyedineniya Kryma s Rossiyskoy Federatsiyey (g. Simferopol, 15 marta 2024 g.) = Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: proceedings of the 2nd International scientific and practical conference, dedicated to the 10th anniversary of reunification of Crimea with the Russian Federation (Simferopol, March 15, 2024)*. Simferopol: Arial, 2024:740–747. (In Russ.)
7. Kolesnikov A.V. Migration policy of the Russian Federation and the main directions of its implementation in modern conditions. *Nauka, obshchestvo, innovatsii: aktualnyye*

voprosy sovremennykh issledovaniy: sb. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 30 sentyabrya 2023 g.) = Science, society, innovation: current issues in contemporary research: proceedings of the 2nd International scientific and practical conference (Penza, September 30, 2023). Penza: Nauka i Prosveshcheniye (IP Gulyayev G.Yu.), 2023:132–134. (In Russ.)

8. Salomatin A.Yu., Mantserov K.A. Legal policy in the sphere of immigration: a comparative analysis of foreign models. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn = Legal policy and legal life*. 2011;(2):54–61. (In Russ.)
9. Salomatin A.Yu. State and legal security in light of global ethnic migrations (a comparative study using the example of the USA and Germany). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2021;(1):13–25. (In Russ.)
10. Salomatin A.Yu., Mantserov K.A. *Immigratsionnaya pravovaya politika (sravnitelnyy analiz modeley razvitiya): monografiya = Immigration legal policy (comparative analysis of development models): monograph*. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2013:93. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Алексей Юрьевич Саломатин

доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии сравнительного права (МАСП), заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valeriy_zinovev@mail.ru

Aleksey Yu. Salomatin

Doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor, corresponding member of the International academy of comparative law (IAPL), head of the sub-department of theory of state and law and political science, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Даниил Владиславович Лапенков

студент Юридического института, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: daniil.lp@mail.ru

Daniil V. Lapenkov

Student of the Law Institute, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Яна Максимовна Хадарина

студентка Юридического института, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: yanahadarina@yandex.ru

Yana M. Khadarina

Student of the Law Institute, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.09.2025

Принята к публикации / Accepted 15.09.2025

УДК 340.5

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-12

Процесс государствообразования в Закавказье и Дагестане в I тыс. – начале II тыс. н.э.

Ш. Г. Сеидов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

tabaris@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Теория становления государственности нуждается в уточнении за счет выяснения особенностей траекторий государственного развития в различных регионах мира. Это позволит более непредвзято, используя последние данные науки, взглянуть на процесс государствообразования, очистив его от мифов и националистических наслоений. Цель исследования – на примере Закавказья и Дагестана, образующих единое историческое и геополитическое целое, проанализировать «буферное состояние» данного пространства, позволившее сохранить если не независимость, то по крайней мере государственную автономию среди более сильных соседей. *Материалы и методы.* Исследование опирается на научные разработки отечественных и зарубежных специалистов. В известной мере оно ищет альтернативу и дополнение традиционному марксистскому учению об общественно-экономических формациях, отдавая дань уважения геополитическому анализу и сравнительному методу. *Результаты.* Отмечается, что волей геополитических обстоятельств и благодаря преобладанию горного ландшафта в Закавказье и Дагестане было затруднительно формирование устойчивых крупных государств. Они, конечно, время от времени возникали (например, Урарту), но не оставили того влияния, которое было связано с Персидской империей Ахеменидов или Сасанидским Ираном, Византией и Арабским халифатом. Крупные государства (Великая Армения, Кавказская Албания, Колхида, Иберия, Грузинское царство при Давиде Строителе и Тамаре) спонтанно возникали и исчезали, но чаще этот регион находился в состоянии подчинения могущественным соседям или автономии. *Выводы.* Выдвигаемое некоторыми исследователями (например, П. А. Бараненко и В. В. Хапаевым) положение о «буферной зоне» применительно к IX–XII вв. нам кажется не до конца разработанным. Исходя из идеи профессора А. Ю. Саломатина следует оперировать таким концептом, как траектория государственного развития, который следует дополнить другим понятием – «буферная зона» в широком прочтении. В условиях геополитической горной ситуации региона буферность не несла в себе полного подчинения одному из могущественных соседей, как это было в южнорусских степях, где соседями-конкурентами выступали Россия и Польша. Наоборот, в регионе Закавказья и Дагестана было больше возможностей для автономизации.

Ключевые слова: теория развития государства, траектории государственного развития, Закавказье и Дагестан до монгольского завоевания, Грузия до начала VIII в., Армения до начала VIII в., Азербайджан до начала VIII в., Табаристан и Табасаран

Для цитирования: Сеидов Ш. Г. Процесс государствообразования в Закавказье и Дагестане в I тыс. – начале II тыс. н.э. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 133–143. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-12

The process of state formation in Transcaucasia and Dagestan in the first thousand – the beginning of the second thousand a.d. (comparative study)

Sh.G. Seidov

Penza State University, Penza, Russia

tabaris@yandex.ru

Abstract. *Background.* The theory of statehood formation needs to be clarified by clarifying the specifics of the trajectories of state development in various regions of the world. This will allow us to take a more unbiased look at the process of state formation, using the latest scientific data, clearing it of myths and nationalistic layers. The purpose of the study is to use the example of Transcaucasia and Dagestan, which form a single historical and geopolitical whole, to analyze the “buffer state” of this space, which made it possible to preserve, if not independence, then at least state autonomy among stronger neighbors. *Materials and methods.* The article is based on scientific developments of domestic and foreign experts. To a certain extent, she is looking for an alternative and complement to the traditional Marxist doctrine of socio-economic formations, paying tribute to geopolitical analysis and the comparative method. *Results.* The article notes that due to the will of geopolitical circumstances and due to the predominance of the mountainous landscape in Transcaucasia and Dagestan, it was difficult to form stable large states. Of course, they arose from time to time (for example, Urartu), but they did not leave the influence that was associated with the Persian Achaemenid Empire or Sassanid Iran, Byzantium and the Arab Caliphate. Large states (Great Armenia, Caucasian Albania, Colchis, Iberia, the Georgian Kingdom under David the Builder and Tamar) spontaneously arose and disappeared, but more often this region was in a state of subordination to powerful neighbors or autonomy. *Conclusions.* The position of the “buffer zone” put forward by some researchers (for example, P.A. Baranenko and V.V. Khapaev) in relation to the 9th–12th centuries does not seem to us to be fully developed. Based on the idea of Professor A.Y. Salomatin, we should use such a concept as the trajectory of state development, which should be supplemented by another concept – “buffer zone” in a broad sense. In the context of the geopolitical mountainous situation of the region, buffering did not entail complete subordination to one of the powerful neighbors, as was the case in the southern Russian steppes, where Russia and Poland were competing neighbors. On the contrary, there were more opportunities for autonomy in the Transcaucasia and Dagestan regions.

Keywords: theory of state development, trajectories of state development, Transcaucasia and Dagestan before the Mongol conquest, Georgia before the beginning of the 8th century, Armenia before the beginning of the 8th century, Azerbaijan before the beginning of the 8th century, Tabaristan and Tabasaran

For citation: Seidov Sh.G. The process of state formation in Transcaucasia and Dagestan in the first thousand – the beginning of the second thousand a.d. (comparative study). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(3):133–143. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-12

Кавказ, который по самым максималистским оценкам включает в себя Закавказье, Северный Кавказ и Предкавказье (т.е. территории современных Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев), составляет

сложное геополитическое пространство, которое соприкасается на Юге с Ближним и Средним Востоком, на востоке – с прикаспийской Центральной Азией, на западе – с Причерноморьем. «Тысячи лет Кавказ составлял либо буферную зону между конкурирующими империями, либо составную их часть» [1 с. 57]. По Дагестану и Восточному Закавказью проходил важный миграционный и транспортный коридор – в южные причерноморские степи и Юго-Восточную Европу [2, с. 65]. Это автоматически повышало стратегическое значение этих земель, а конкуренция крупных держав за эти земли способствовала процессам государствообразования.

Как известно, первым значительным государством в Закавказье считалось царство Урарту (середина IX – начало VI в. до н.э.), хотя на Армянском нагорье согласно мифам и гипотезам значились и другие государственные образования в предшествующие времена начиная с 3 тыс. до н.э. (Аратта, Арманум, Арматана и др.) [3]. Урарту постоянно воевала с главной военизированной-разбойничьей империей Ближнего Востока – Ассирией, жившей за счет военной добычи, но потерпела крах в результате не только ее ударов, но и наступления скифов и киммерийцев с севера и мидийцев с юго-востока.

Последняя столица пришедшего в упадок Урарту – Тейшебаини (близ современного Еревана) пала приблизительно в 585 г. до н.э., и это, скорее всего, было делом рук скифов и киммерийцев [4].

Урарту мы не можем присвоить статус империи, как, допустим, Ассирии или Египту эпохи Нового царства. Но это было достаточно крупное государство на Армянском нагорье.

Само нагорье, которое располагалось преимущественно на территории современной Турции и Армении, но также захватывало северо-западную часть Ирана, юг Грузии и западную часть Азербайджана, включает высоты 1500–3000 м, чередующиеся с впадинами (700–2000 м), некоторые из которых заняты озерами Ван, Севан, Урмия. В пределах нагорья находятся верховья рек Евфрата, Тигра, Куры, Аракса, Чороха и др.

Местные ландшафты, отличаясь разнообразием (альпийские луга, леса, пустыни, плодородные равнины), давали возможность сочетать многие виды хозяйственной деятельности, в том числе и земледелие с помощью искусственного орошения. В то же время здесь были сосредоточены очень важные для наступившего железного века ископаемые.

Крах Урарту предопределил вхождение данных территорий в персидскую империю Ахеменидов в качестве отдельной сатрапии. Империя не только имела беспрецедентные на тот момент размеры, господствуя от Балкан до Инда и от Аральского моря до Ассуана, но и была чрезвычайно рационально организована, в ней поддерживалась развитая инфраструктура и религиозная терпимость. «За исключением Египта, большая часть завоеванных народов в результате всегда принимали ахеменидское господство, не ощущая его как иностранное владычество» [5, с. 47–48].

Во времена эллинизма, т.е. при наследниках Александра Македонского, иностранное влияние меньше чувствовалось в Закавказье, чем ранее [6, с. 418].

Бывший ахеменидский сатрап Армении Ерванд II в 331 г. до н.э. провозгласил себя Армянским царем, и с этого времени он и его преемники стали фактически независимыми правителями [7, р. 288]. Зависимость от государства Селевкидов была очень и очень условной. Даже при крайне агрессивном в своем поведении селевкидском монархе Антиохе III Великом (223–187 гг. до н.э.) его усилия подчинить себе различные армянские государства закончились их освобождением.

Наиболее перспективной государственной структурой на рубеже тысячелетий (с конца IV в. до н.э. по 428 г. н.э.) стала Великая Армения. Бывший селевкидский стратег был первым царем этого образования под именем Арташеса I (189 г. до н.э. – 160 г. до н.э.). Его походы на север, восток, юг и запад позволили занять все Армянское нагорье, а его внук Тигран II Великий (95–55 гг. до н.э.) расширил территорию за пределы традиционных армянских границ, завоевав державу Селевкидов и получив от покорных парфян титул «царя царей». Позже он вступил в ожесточенную борьбу с Римом и проиграл из-за войны на два фронта, поскольку римляне привлекли на свою сторону парфян. Тем не менее Великая Армения еще долго сохраняла статус третьей по силе державы после Древнего Рима и Парфии [8]. Она балансировала между Римом и пришедшими на смену парфянам иранскими Сасанидами, а в конце IV в. н.э. была разделена между ними. Тем не менее принятие в начале IV в. н.э. христианства позволило сохранить этническую общность армянскому народу [9, с. 201].

Другим древнейшим государством в закавказско-дагестанском регионе являлась Кавказская Албания, которая в свои лучшие времена включала территорию Дагестана вплоть до р. Сулак и Северный Азербайджан. Государство возникло в конце I тыс. до н.э. и просуществовало до Арабского вторжения, оказывая в том числе сопротивление экспансии Древнего Рима. О военной силе Кавказской Албании свидетельствует Страбон, который утверждает, что в борьбе с Помпеем они выставили 60 тыс. пехоты и 22 тыс. всадников [10, с. 22]. Албанские племена исповедовали язычество, но уже в III–IV вв. н.э. сюда проникает христианство.

Кавказская Албания с середины III в. н.э. оказывается в зоне внимания Сасанидского Ирана – государства, сменившего распавшуюся Парфянскую державу. В нем господствовали рабовладельческие отношения. «Рабов дарили, отдавали в залог, покупали и продавали...». Но «уже существовала, по видимому, система так называемого “частичного освобождения”, т.е. представление рабу права пользоваться долей произведенного продукта. Часть находилась в собственности общин» [11, с. 94]. То есть в чем-то эти отношения напоминали коммерциализированное рабство Древнеримской империи с посаженными на землю рабами. Но вот владение рабами со стороны общин и государства – это уже чисто сасанидская черта. Вторжение государственной власти в сферу рабовладения также сочеталось с ее религиозным автори-

таризмом: «зороастризм окончательно сложился в догматическую воинственную религию со строго определенным крылом только в сасанидское время. Верхушка зороастрийского духовенства была одной из могущественных прослоек господствующего класса и играла важную роль в политической жизни страны» [11, с. 97]. В то же время государство умело использовало религиозный реформизм манихейства, а затем и маздакизма для социального и политического лавирования, в чем не были замечены древнеримские власти.

Уже новые сасанидские властители – Ардашир, Шапур – предприняли походы в западный Прикаспий. Экспансию предприняла и зороастрийская церковь, которой противостояло христианство. «Притеснения со стороны сасанидских властей в 449 г. вызвали восстание христиан Кавказа, которые первым делом нанесли удар по резиденции персидского наместника в Дербенте» [12]. Сам Дербент был основан в 438 г. н.э. как крепость, состоящая из расположенной на холме цитадели Нарын-кала и идущих от нее к морю стен, которые запирали узкий (3 км) проход между морем и горами. Этот Каспийский проход служил прежде всего защитой от северных кочевников-скифов, сарматов, аланов, гуннов, хазар.

В Западном Закавказье первыми государствами считаются Колхиды на побережье Черного моря и Иберия к востоку от него. Мнение грузинских историков о существовании государства шахов в середине I тыс. до н.э. не является верифицированным [13, с. 216], скорее всего речь идет о зависимости ряда племен от державы Ахеменидов [14]. Вряд ли можно говорить о развитии государства в этом районе применительно к IV в. до н.э. [15, с. 246].

Формирование Колхиды и Иберии относится к рубежу тысячелетий, когда в этом районе сталкиваются интересы Рима, государства Селевкидов, Великой Армении и Понтийского царства. Для развития Колхиды большое значение имели греческие колонии на черноморском побережье. В организации Иберии значимую роль в постахеменидский период сыграли грузинские племена Картвелов-иберов – на рубеже III–II вв. до н.э. они расширили зону своего контроля и основали столицу – Мцхету.

Фарнаваз I (299–234 г. до н.э.) сумел объединить большую часть исторической Грузии и создал в своих владениях 8 территориальных единиц.

Для Закавказско-Дагестанского региона, как и для всего Ближнего Востока, Северной Африки, Пиренейского полуострова и Центральной Азии, судьбоносное значение имело появление Арабского халифата. В отличие от других завоевателей, арабы с Аравийского полуострова благодаря своей социально привлекательной религии – исламу – сумели осуществить комплексное культурно-цивилизационное обновление завоеванных стран и народов. Для арабов относительно удаленные от их главных центров принятия решений Закавказье и Дагестан являлись периферией, но периферией значимой – особенно район Дербента, контролировавшего проход на север.

Однако первые попытки в середине VII в. утвердиться здесь не имели успеха, в том числе и из-за внутренних распрей в самом халифате. Противостоящая ему Хазария одерживала безусловные победы. Ситуация изменилась

после 720 г. В течение 40 лет наблюдались ежегодные вторжения арабских войск на просторы Северного Кавказа и в глубинные районы Дагестана. И все это происходило на фоне усиления в VIII в. интереса к западному берегу Каспийского моря в связи с активизацией международной торговли из-за прекращения торговых отношений между Халифатом и Византией [16, с. 203].

Однако при династии Аббасидов на фоне усиления налогового гнета и народных восстаний в Хорасане, Средней Азии и Азербайджане арабам уже не до дальнейших походов – тем более что с начала IX в. Халифат начинает рассыпаться, в его различных частях возникают местные династии. «На Восточном Кавказе, в частности в Ширване и Дербенте, также утвердилось власть самостоятельных правителей арабского происхождения» [16, с. 207]. В Дербенте с 869 г. правит династия Хашимидов, в горных районах Дагестана усиливается независимость небольших территорий.

Следует иметь в виду, что в V–X вв. Дагестан не представлял единого этнического целого. На его территории существовало несколько небольших государственных образований: Дербент, Лакз, Табасаран, Джидан, Серир, Хайдак (Кайтаг), Гумик (Кумух), Филан, Зирихгеран и др. По своему составу они были преимущественно моноэтническими единицами [17, с. 70]. Возьмем, например, Табасаран к западу от Дербента. В свое время выдающимся российским знатоком кавказских языков П. К. Усларом была высказана гипотеза, что это название имеет иранское происхождение. Он подчеркивал, что в Табасаране даже в XIX в. было немало селений, жители которых говорили на одном из иранских наречий. На пришлое, иранское происхождение местного этноса, видимо, пришедшего из Табаристана и Исфахана, настаивает и А. К. А. Бакиханов [18]. Все это вполне соответствует практике миграций, добровольных и насильственных переселений, свойственных той эпохе. В то же время история Табасарана после покорения его арабами в VIII в. показывает, что утвердившиеся здесь в его северной и южной части арабские династии военачальников и управителей оказались достаточно стабильными – так, Табасаранское майсумство со столицей в Хучни существовало с X в. до 1813 г., т.е. до вхождения Дагестана в состав России. В соседнем государстве Ширваншахов, обособившемся от Халифата в 861 г., также воцарились наследники аббасидского полководца. Они на рубеже X–XI вв. начали войны с Дербентом, которые длились столетиями.

В то же время в Грузии, которая приняла христианство в IV в. н.э., арабы также приходили, и их главным опорным пунктом до конца VIII в. была Лазика. Ввиду общего соперничества между соседними государствами – Халифатом, Хазарией, Византией, полного влияния над грузинскими территориями никому из них добиться не удалось. Со временем здесь возникли небольшие государства – Тао-Кларджети, Абхазское царство, Картли, Кахети, Эрети. Баграт III (960–1014) – царь абхазов и картвелов – выступил первым объединителем Грузии, но приход турок-сельджуков, расценивших грузин как главное препятствие к завоеванию Кавказа [19, с. 155], затормозил продолжение объединительных процессов. Ситуацию исправил Давид IV Строи-

тель (1089–1125) – тем более что Первый Крестовый поход (1096–1099) отвлек внимание турецкого противника. При нем была взята под контроль большая часть Кавказа: например, он отбил у чужеземцев историческую столицу Тбилиси, захватил земли Армении и Ширвана. Поселив на своих землях 40 тыс. половецких воинов с семьями, покинувших Северный Кавказ, он приобрел дополнительную военную силу. Правление его правнучки – Тамары (1184–1213) – стало «золотым веком» Грузинского царства. Большая часть центральной и южной Армении стала грузинским протекторатом; грузинские войска вторглись в северный Иран. Она была признана царицей от Понта до Каспия и от Спери в верховьях р. Чорох до Дербента [20].

Несомненным рубежом в истории Евразии, а не только в истории Закавказья и Дагестана является беспрецедентная татаро-монгольская экспансия, создавшая суперимперию континентальных масштабов. Это гигантское государство до середины XIII в. сохраняло единство, хотя уже после смерти основателя – Чингисхана – в 1227 г. каждый из потомков получил во владение свой улус. Закавказье и Дагестан попали в сферу влияния Хулагуидов (1256–1353), получивших власть над Ираном. Эта держава с резиденциями на севере Ирана в Тебризе и Султанье занимала территорию «от Евфрата на западе до Амударьи на востоке и от Черного и Каспийского морей на севере до Оманского залива на юге». Причем «в начале 60-х гг. XIII в. начались затяжные войны, продолжавшиеся с перерывами около ста лет между Джучидами и Хулагуидами. Они велись из-за обладания Азербайджаном, через территорию которого проходили транзитные торговые пути...» [21, с. 253–254]. Ситуацию также запутывало то, что кроме джучидской Золотой Орды в соперничество татаро-монгольских улусов вмешивался еще один из них – государство среднеазиатских Чагатаидов. Все это усиливало общую нестабильность.

При всем многообразии государств Закавказья и Дагестана – больших и не очень – для них все же можно сформулировать некие общие моменты в государствообразовании и развитии. Мы полностью соглашаемся с профессором А. Ю. Саломатиным, что современное состояние науки и истории теории государства и права требует более детализированного описания, чем простой констатации связи того или иного государства с какой-либо общественно-экономической формацией. Во-первых, разнообразие природно-ландшафтных зон весьма велико, и они прямо коррелируются с типом хозяйственного развития. Иными словами, геополитика определяет экономику. Во-вторых, понятие формаций евроцентрично, оно разработано на западноевропейском материале, что явно, мягко говоря, не всегда подходит для других районов земного шара.

А. Ю. Саломатин рассмотрел в своей статье траектории развития классического европейского Запада, США как первопоселенческого социума и балканских стран с восстанавливаемой после османского господства государственностью [22]. В свете сказанного траекторию развития государственно-

сти в Закавказье и Дагестане мы бы выделили как путь полунезависимого государственного развития в зоне государственно-повышенной турбулентности.

Интересную гипотезу в отношении Закавказья в IX–XII вв. высказывают П. А. Бараненко и В. В. Хапаев [23]. Они формулируют понятие «буферной зоны, состоящей из армянских, грузинских и абхазских государств» применительно к XI–XII вв. По мнению авторов, существование подобных промежуточных, полунезависимых структур было выгодно Византии и, наоборот, их исчезновение благодаря непосредственному включению в состав империи провоцировало столкновения с турками-сельджуками.

Однако мы предлагаем посмотреть на проблему буферных государств и буферных зон намного шире, не ограничиваясь конкретным историческим случаем. Буферное или промежуточное между сильными государствами пространство формируется прежде всего в силу геополитических и геостратегических предпосылок – например, из-за особенностей рельефа, климата, характера соседних государств и их политики. Для Закавказья и тем более для Дагестана преобладание горного рельефа затрудняло строительство крупных государств и тем более империй. В то же время за пределами рассматриваемого региона предпосылки для державного и даже имперского строительства имелись (например, Иран и Византия, Арабский Халифат). Эти сильные внешние игроки конкурировали друг с другом за контроль над буферными образованиями, сочетая обычную аннексию с более завуалированным патронажем.

И все же Закавказье и Дагестан при всем их геостратегически пограничном положении никак нельзя квалифицировать как безгосударственное или протогосударственное «буферное пространство» наподобие южнороссийских степей в XIII–XVII вв. При доминировании здесь горного рельефа и затрудненности коммуникаций важную функцию материального накопления выполняли имевшиеся земледельческие равнины на территории современного Азербайджана и в меньшей степени на территории современной Грузии. Именно они и выступали стержнеобразующими элементами государственного строительства и давали возможность в отдельные моменты истории (пусть и ненадолго) создавать достаточно крупные государства (царство Урарту, Кавказскую Албанию, Грузинское царство при Давиде Строителе и Тамаре).

Список литературы

1. Гаджиев К. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Россия и мусульманский мир. 2010. № 2. С. 51–64.
2. Давудов О. М. Прикаспийская торговая дорога в свете исторических источников // История, археология и этнография Кавказа. 2009. № 2. С. 64–80.
3. Армянское нагорье // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Армянское_нагорье (дата обращения: 13.04.2025).
4. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М. : Издательство восточной литературы, 1959. 284 с.
5. Гюиз Ф. Древняя Персия. М. : Вече, 2007. 336 с.

6. Армения в системе держав Александра Македонского и Селевкидов // Всемирная история : в 10 т. / под ред. С. Л. Утченко. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 2. 898 с.
7. Toumahoff C. Studies in Christian Caucasian History. Washington, 1963. 385 p.
8. Тигран II // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тигран_II (дата обращения: 15.04.2025).
9. История Древнего мира : в 3 кн. Кн. 3. Упадок древних обществ / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М. : Наука, 1989. 406 с.
10. Гасанов М. Р. Кавказская Албания – древнейшее государство на территории Кавказа // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 21–27.
11. История стран Азии и Африки в средние века : в 2 ч. М. : Изд-во Московского университета, 1987. Ч. 1. 286 с.
12. Гаджимурадов М. Т. Сасанидская экспансия в Западный Прикаспий в раннем Средневековье // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6-1. С. 132–136.
13. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : Академкнига, 2003. 591 с.
14. Болтунова А. Н. Колхи и держава Ахеменидов // Проблемы античной истории и культуры. Ереван : Издательство АН АрмССР, 1979. 548 с.
15. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М. : Наука, 1982. 312 с.
16. Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана. Махачкала : ДНЦ РАН, 1996. 462 с.
17. Гасанов М. Р. Дагестан – зона встречи цивилизаций (древность и раннее Средневековье) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 68–72.
18. Табасаран // Википедия. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Табасаран> (дата обращения: 13.04.2025).
19. Папаскири З. Об одной загадке в грузино-сельджукских взаимоотношениях накануне Манцикертского сражения // Кавказ и глобализация. 2013. Т. 7, вып. 3–4. С. 150–162.
20. Тамара (царица) // Википедия. URL: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Тамара_\(царица\)](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Тамара_(царица)) (дата обращения: 14.04.2025).
21. Коновалова И. Г. Средневековый Восток. М. : АСТ : Астрель, 2008. 494 с.
22. Саломатин А. Ю. Траектории эволюции государственности (на примере западно-европейских стран, США и балканских государств) // Вестник Пензенского государственного университета. 2024. № 2. С. 40–46.
23. Бараненко П. А., Хапаев В. В. Буферные государства как инструмент внешней политики Византии на Востоке в IX–XII вв. // Современная научная мысль. 2023. № 2. С. 20–29.

References

1. Gadzhiyev K. Ethnonational and geopolitical identity of the Caucasus. *Rossiia i musulmanskiy mir = Russia and the Muslim world*. 2010;(2):51–64. (In Russ.)
2. Davudov O.M. The Caspian trade route in light of historical sources. *Istoriya, arkhheologiya i etnografiya Kavkaza = History, archeology, and ethnography of the Caucasus*. 2009;(2):64–80. (In Russ.)
3. Armenian highlands. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Armyanskoye_nagorye (accessed 13.04.2025).
4. Piotrovskiy B.B. *Vanskoye tsarstvo (Urartu) = Kingdom of Van (Urartu)*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1959:284. (In Russ.)

5. Gyuiz F. *Drevnyaya Persiya = Ancient Persia*. Moscow: Veche, 2007:336. (In Russ.)
6. Utchenko S.L. (ed.). Armenia in the system of powers of Alexander the Great and the Seleucids. *Vsemirnaya istoriya: v 10 t. = World history: in 10 volumes*. Moscow: Gospolitizdat, 1956;2:898. (In Russ.)
7. Toumahoff C. *Studies in Christian Caucasian Histori*. Washington, 1963:385.
8. Tigran II. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Tigran_II (accessed 15.04.2025).
9. Dyakonov M., Neronova V.D., Svetsitskaya I.S. (eds.). *Istoriya Drevnego mira: v 3 kn. Kn. 3. Upadok drevnikh obshchestv = History of the Ancient World: in 3 books. Book 3. The decline of ancient societies*. Moscow: Nauka, 1989:406. (In Russ.)
10. Gasanov M.R. Caucasian Albania is the oldest state on the territory of the Caucasus. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki = Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities*. 2014;(4):21–27. (In Russ.)
11. *Istoriya stran Azii i Afriki v sredniye veka: v 2 ch. = History of the countries of Asia and Africa in the Middle Ages: in 2 volumes*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1987;(part 1):286. (In Russ.)
12. Gadzhimuradov M.T. Sasanian expansion in the Western Caspian region in the early Middle Ages. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2014;(6-1):132–136. (In Russ.)
13. Shnirelman V.A. *Voyny pamyati: mify, identichnost i politika v Zakavkazye = Memory wars: myths, identity, and politics in Transcaucasia*. Moscow: Akademkniga, 2003:591. (In Russ.)
14. Boltunova A.N. Colchians and the Achaemenid Empire. *Problemy antichnoy istorii i kultury = Issues of ancient history and culture*. Yerevan: Izdatelstvo AN ArmSSR, 1979:548. (In Russ.)
15. Yaylenko V.P. *Grecheskaya kolonizatsiya VII–III vv. do n.e. = Greek colonization of the 7th – 3rd centuries a.d.* Moscow: Nauka, 1982:312. (In Russ.)
16. Gadzhiyev M.G., Davudov O.M., Shikhsaidov A.R. *Istoriya Dagestana = History of Dagestan*. Makhachkala: DNTS RAN, 1996:462. (In Russ.)
17. Gasanov M.R. Dagestan – a meeting point of civilizations (ancient and early medieval). *Nauchnaya mysl Kavkaza = Scientific thought of the Caucasus*. 2017;(1):68–72. (In Russ.)
18. Tabasaran. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Tabasaran> (accessed 13.04.2025).
19. Papaskiri Z. On one mystery in Georgian-Seljuk relations on the eve of the Battle of Manzikert. *Kavkaz i globalizatsiya = The Caucasus and globalization*. 2013;7(3–4): 150–162. (In Russ.)
20. Tamara (queen). *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Tamara-\(tsaritsa\)](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Tamara-(tsaritsa)) (accessed 14.04.2025).
21. Konovalova I.G. *Srednevekovyy Vostok = Medieval East*. Moscow: AST: Astrel, 2008:494. (In Russ.)
22. Salomatin A.Yu. Trajectories of the evolution of statehood (by the example of the Western European countries, the USA, and the Balkan states). *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University*. 2024;(2):40–46. (In Russ.)
23. Baranenko P.A., Khapayev V.V. Buffer states as an instrument of Byzantine foreign policy in the East in the 12th–13th centuries. *Sovremennaya nauchnaya mysl = Modern scientific thought*. 2023;(2):20–29. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Шахрутдин Гаджиалиевич Сеидов

доктор политических наук,
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: tabaris@yandex.ru

Shakhrutdin G. Seidov

Doctor of political sciences, professor
of the sub-department of state and law
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 23.05.2025

Принята к публикации / Accepted 20.07.2025

УДК 340

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-13

Первые шаги к правовым реформам электорального финансирования в США

В. П. Елизаров

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

summo-jure@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Правовое регулирование электоральных финансов является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в странах, определяющих себя в качестве демократических государств. Вопрос о том, как наладить прозрачную и подотчетную обществу систему электорального финансирования, в разных странах решается по-разному, что в значительной степени определяется историческим контекстом. Целью настоящей работы является анализ тех идеологических и политических обстоятельств, которые определили своеобразие американского законодательства в области электорального финансирования. *Материалы и методы.* Исследование проводилось на основе исторического и правового анализа тех доктринальных и политических течений, которые задали направление законотворческой деятельности и правоприменительной практики в первой половине XX в. в США. Анализ нормативно-правовых актов (таких как «Закон Тиллмана») дополнен изучением идеологического и общественного движения, получившего название «прогрессистов», которое стало локомотивом реформ, изменивших облик американской электоральной политики. *Результаты.* Определены и описаны первые опыты правового регулирования электоральных финансов в США. Основной движущей силой правовых реформ стало движение прогрессистов, получившее к началу XX в. серьезную поддержку в правовом сообществе Америки. Начав с законопроектов, принятых на уровне отдельных штатов законов, к концу третьей четверти XX в. сторонники данного направления в правовом сообществе США сумели принять целый ряд федеральных законов, регулирующих практику электоральных финансов. *Выводы.* Правовые реформы электорального финансирования в США стали возможны благодаря усилиям представителей «прогрессистского движения». В свою очередь это привело к складыванию оппозиции этим реформам в лице американских консерваторов. Дальнейшая история американского законодательства, регулирующего правила финансирования избирательных кампаний, определяется борьбой между этими двумя течениями.

Ключевые слова: избирательное законодательство, электоральные финансы, правовые реформы, прогрессистское движение, избирательные кампании

Для цитирования: Елизаров В. П. Первые шаги к правовым реформам электорального финансирования в США // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 144–154. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-13

First steps to legal reforms of electoral finance in USA

V.P. Elizarov

Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

summo-jure@yandex.ru

Abstract. *Background.* The legal regulation of electoral finance is one of the most debated issues in countries that define themselves as democracies. The question of how to establish a transparent and publicly accountable system of electoral finance is solved in different countries in different ways, which, to a large extent, is determined by the historical context. The purpose of this article is to analyze the ideological and political circumstances that have shaped American legislation on electoral finance. *Materials and Methods.* The study was conducted on the basis of historical and legal analysis of those doctrinal and political currents that set the direction of lawmaking and law enforcement practice in the first half of the 20th century in the United States. The analysis of normative and legal acts (such as the Tillman Act) was supplemented by the study of the ideological and social movement called “progressives”, which became the driving force of reforms that changed the shape of American electoral politics. *Results.* The article considers the first experiences of legal regulation of electoral finance in the United States. The main driving force of legal reforms was the movement of progressives, which by the beginning of the 20th century received serious support in the legal community of America. Having started with the bills adopted at the level of individual state laws, by the end of the third quarter of the 20th century the supporters of this direction in the legal community of the USA managed to adopt a number of federal laws regulating the practice of electoral finance. *Conclusions.* Legal reforms of electoral finance in the United States became possible thanks to the efforts of representatives of the “progressive movement”. In turn, this led to the formation of opposition to these reforms in the person of American conservatives. The further history of the American legislation regulating the rules of election campaign financing is determined by the struggle between these two ideological and legal currents.

Keywords: electoral law, electoral finance, legal reforms, progressivism in the United States, electoral campaign

For citation: Elizarov V.P. First steps to legal reforms of electoral finance in USA. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):144–154. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-13

Введение

В истории правового регулирования электоральных финансов США можно выделить три основных периода. Первый – с момента возникновения американского государства и до начала XX в., характеризуется практически полным отсутствием нормативных актов, регулирующих практику электорального финансирования. Второй – с начала XX в., и до 1971 г. – когда был принят «Федеральный закон о регулировании избирательных кампаний», характеризуется последовательным принятием отдельных законов, которые регулируют те или иные аспекты электорального финансирования. И третий – с 1971 г. по настоящее время, характеризуется наличием федерального законодательства, посвященного регулированию практики электорального

финансирования и обширной судебной практики, посвященной применению этого законодательства, включая решения Верховного суда.

В рамках настоящего текста будет рассмотрен второй из этих периодов: с начала XX в. и до 1971 г. («Федеральный закон о регулировании избирательных кампаний»). В ходе работы будут проанализированы идеологические установки политического движения, ставшего союзником правовой традиции, которая являлась движущей силой правовых реформ первой половины XX в., а также те нормативные акты, которые стали результатом деятельности американских законодателей, работавших в рамках данной традиции.

«Позолоченный век» и идеология реформ. Идеологическим движением, продвигавшим идею правовых реформ электорального финансирования, стало прогрессистское движение. Прогрессистское движение получает широкое распространение в США в конце XIX – начале XX в. и является реакцией на те социальные проблемы, которые современники связывали с так называемым «позолоченным веком» американской истории – эпохой быстрого роста американского рынка, промышленности и урбанизации. Связывая негативные эффекты «позолоченного века» (коррупция, социальное расслоение, монополизация экономики) с капитализмом (термин, который во второй половине XIX в. получает широкое распространение в среде гражданских активистов), сторонники прогрессистского движения ратовали за идеалы равенства. Внедрение принципов равенства и справедливости в правовую систему США, по их мнению, должно было стать залогом успешного движения к решению социальных проблем «позолоченного века» [1, р. 115–134].

Можно выделить два основных подхода к оценке прогрессистского движения в современных исследованиях истории реформ электорального финансирования. Первый представлен в книге Джона Сэмплза «Лукавство реформы электорального финансирования» [2], а другой – в работе Роберта Поста «Разделенные граждане: реформа электорального финансирования и Конституция» [3]. Различие в этих подходах определяется идеологическими установками исследователей. Вице-президент Института Катона, одного из крупнейших либертарианских мозговых центров США Джон Сэмплз возлагает на прогрессистское движение ответственность за чрезмерное, по его мнению, регулирование электоральных финансов, установленное «Федеральным законом о регулировании избирательных кампаний» 1971 г., а также в «Законе о реформировании избирательных кампаний основных партий» (Bipartisan Campaign Reform Act). На другом идеологическом полюсе находится декан школы права Йельского университета Роберт Пост, который в своей работе говорит о необходимости поставить под контроль практику использования корпоративных денег в современной американской политике. Соответственно, для него прогрессисты являются пионерами правового регулирования электоральных финансов. Особое место занимает Ясмин Дэвуд [4], которая, будучи канадской исследовательницей, свободной от политической ангажированности в отношении американской политики, занимает нейтральную позицию в этом споре. Однако, при всех различиях в подходах,

сторонники обоих подходов единодушны в признании значимости прогрессистского движения и оценке конкретных фактов.

Поначалу это движение получает широкую популярность среди представителей среднего класса, а его рупорами в средствах массовой информации становятся журналисты, получившие известность под именем «разгребателей грязи». Наиболее известным представителем этого движения стал знаменитый американский писатель, журналист и политик Эптон Синклер. В своих журналистских расследованиях «разгребатели грязи» привлекали внимание широкой публики к проблеме политической коррупции, связанной с ролью «больших денег» в американской политической жизни. На протяжении всего XIX в., по мнению прогрессистов, американская электоральная политика находилась под определяющим влиянием крупных корпораций и состоятельных людей. Такое положение дел подрывает доверие не только к политикам и политическим партиям, но и к институтам политического представительства как таковым [3, р. 26–30]. В условиях отсутствия законодательства, регулирующего практику финансирования избирательных кампаний, корпорации фактически «покупали» политиков, делая взносы в их избирательные бюджеты [5; 6, р. 1050–1053].

К концу XIX в. в правовом и политическом сообществе США складывается значительная группа юристов и политиков прогрессистского направления, солидарных с этой точкой зрения и считающих своей задачей разорвать порочный круг, связывающий «большие деньги» и коррумпированных американских политиков, ставших объектом разоблачения «разгребателей грязи». Идеологически прогрессисты апеллируют к институту общественного мнения [3, р. 29–33]. Политическая стратегия прогрессистов сводится к тому, чтобы поставить практику сбора и расходования средств на цели организации проведения избирательных кампаний под контроль закона [2, р. 42–60; 7, р. 45–49]. Правовыми мерами, которые, по мнению прогрессистов, позволят решить проблемы равенства и справедливости, должны были стать нормы, реализующие принцип финансового равенства участников выборов, а также обеспечивающие справедливый характер электорального процесса. Эти нормы можно в целом разбить на две группы. Первая группа включала в себя правила, устанавливаемые для практики сбора и расходования средств, собираемых на цели избирательных кампаний. Вторая группа включала правила, обеспечивающие публичность процесса финансирования избирательных кампаний. Однако если на уровне отдельных штатов им удастся добиваться отдельных успехов еще в конце XIX в., то на федеральном уровне их первая победа датируется 1907 г. [6, р. 1054–1055].

Первые опыты правового регулирования электоральных финансов.

В 1907 г. Конгресс США принимает «Закон Тиллмана» (Tillman Act, 1907). Этот закон становится той символической точкой, которая отмечает начало строительства федерального законодательства в области электорального финансирования [8, р. 918–927; 9]. Закон, названный в честь сенатора от

штата Южная Каролина, впервые на уровне федерального законодательства устанавливал правила регулирования практики сбора и расходования средств на цели избирательной кампании. Закон вводил запрет на пожертвования в пользу кандидатов, участвующих в выборах федерального уровня, для корпораций и крупных банков, ведущих операционную деятельность в нескольких штатах. В дополнение к этому Закон вводил потолки для возможности расходования средств, собранных кандидатом (электоральных расходов). Кроме того, «Закон Тиллмана» устанавливал требования по раскрытию и обнародованию информации о тех лицах, которые являлись спонсорами избирательных кампаний [8]. Современники оценивали принятие «Закона Тиллмана» как своего рода революцию, которая открывает дорогу к созданию стройной системы правового регулирования практики электорального финансирования США.

В начале XX в. реформаторы поступательно продолжали разрабатывать идею публичного контроля над практикой электорального финансирования, которая была актуализирована под влиянием многочисленных расследований «разгребателей грязи». В 1910 г. в Конгрессе был принят законопроект, инициированный «Национальной организацией публичности права» (National Publicity Law Organization (NPLO)), который предусматривал требование публикации данных об электоральных взносах и расходах. Этот законопроект, который, став законом, получил имя «Закон о порочных практиках» (the Federal Corrupt Practices Act), более известен под названием «Закон о публичности» (the Publicity Act), требовал, чтобы партийные комитеты, действующие в двух или более штатах, предоставляли отчеты о любых электоральных взносах и электоральных расходах, сделанных в связи с проведением избирательных кампаний в Палату представителей. Эти отчеты должны были предоставляться по результатам проведенных выборов. В 1911 г. были приняты поправки к «Закону о публичности», которые включали правило о публикации отчетов и впервые устанавливали ограничения на расходы для федеральных кампаний. Согласно требованиям Закона, Сенат и Палата представителей должны были отчитываться о расходах на избирательные кампании. Кроме того, комиссии, занимающиеся организацией конкретных кампаний, должны были быть готовы предоставлять финансовые отчеты до и после выборов. Кроме того, «Закон о публичности» ввел ограничения на электоральные расходы. Для выборов в Палату представителей ограничения составили 5000 долларов, а в Сенат – 10 000 долларов. В то же время действовали лимиты, установленные штатами, которые, как правило, были меньше [10, p. 14].

Ограничения на электоральные расходы сразу стали предметом критики и скоро были оспорены в суде. В 1921 г. Верховный суд принял решение по делу «Ньюберри против Соединенных Штатов», согласно которому утверждалось, что право Конгресса регулировать выборы не распространяется на партийные праймериз, таким образом отменялись ограничения на рас-

ходы¹. Эта интерпретация оставалась в силе до 1941 г., когда в деле «Соединенные Штаты против Классика» Верховный суд признал, что Конгресс обладает правом регулировать праймериз там, где закон штата признает их частью избирательного процесса, и там, где они определяют исходы общих выборов². Однако полностью восстановить свое право регулировать электоральные финансы для праймериз Конгресс сможет только в 1971 г., когда будет принят «Федеральный закон о регулировании избирательных кампаний».

В 1925 г. принимается закон с уже известным именем – «Закон о порочных практиках» (The Federal Corrupt Practices of 1925), который идеологически следовал своей более ранней версии 1910 г. Закон пересмотрел и несколько ужесточил правила публичной отчетности, а также пересмотрел ограничения на электоральные расходы.

Однако, несмотря на все эти нормы, эффективного правового режима по регулированию электоральных финансов не существовало. Хотя закон устанавливал требования публичной отчетности, механизмы ее организации не были предусмотрены. Например, закон не определял, кто может иметь доступ к финансовым отчетам, не было требования обязательной публикации отчетов. Более того, закон даже не устанавливал наказания в случае нарушений требований отчетности. В результате многие кандидаты вообще не предоставляли регулярных отчетов. Когда же они это делали, в силу отсутствия единого формата предоставляемая информация могла быть организована совершенно различными способами, что делало крайне сложной задачу по сбору данных для анализа. Получить доступ к отчетной информации через чиновника Палаты представителей или секретаря Сената было крайне затруднительно. Сами отчеты хранились, как правило, около двух лет, после чего уничтожались.

Ограничения на расходы были еще менее эффективными и повсеместно игнорировались. Поскольку ответственность за соблюдение ограничений возлагалась на партийные комитеты, данное правило легко обходилось путем создания многочисленных комитетов, работающих на одного и того же кандидата. Каждый из таких комитетов технически выполнял норму об ограничении расходов, при этом реальный общий объем финансовых средств значительно эти ограничения превышал. Кроме того, практика создания множества партийных комитетов помогала обойти требования об обнародовании взносов. Спонсоры кампании могли осуществлять взносы размером меньше 100 долларов в каждый комитет, уходя, таким образом, от требований отчетности.

В результате за все время действия закона были признаны нарушителями «Закона о порочных практиках» 1925 г. только два человека, причем

¹ Дело «Ньюберри против Соединенных Штатов» (Newberry v. United States, 256 U.S. 232 (1921)) // Википедия. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.44b60700-68ef3d6c-ec9c9790-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Newberry_v._United_States

² Дело «Соединенные Штаты против Классика» (United States v. Classic, 313 U.S. 299 (1941)) // Википедия. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d1571931-68ef3dfd-ddb8bca7-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/United_States_v._Classic

оба в самом начале действия закона в 1927 г. После этого на протяжении 45 лет ни один из кандидатов не был наказан за нарушение положений «Закона о порочных практиках».

Новый курс. С наступлением эпохи Рузвельта идея поставить под правовой контроль электоральные финансы приобретает неожиданный поворот. Связано это с тем, что в рамках государственной политики Нового курса появилась новая, неизвестная до сих пор практика политического финансирования. Нанятые на организованные в рамках Нового курса правительственные программы рабочие часто выступали в поддержку политиков от Демократической партии, причем эта поддержка могла иметь и финансовую составляющую. Деньги рабочих в поддержку Демократической партии стали неожиданным новым обстоятельством, смешавшим карты для противников демократов. Соответственно, адепты традиционных практик сбора денег для организации и проведения избирательных кампаний, большинство которых принадлежали к Республиканской партии, а также консервативное крыло демократов пытаются выстроить правовой заслон на пути новых технологий электорального финансирования.

В 1939 г. принимается «Закон Хатча» (The Hatch Act of 1939), который также называют «Законом о чистой политике» (the Clean Politics Act) [7, р. 58–63]. Этот закон, названный по имени своего спонсора – сенатора из Нью-Мексико Карла Хатча (сторонника Демократической партии), запрещал политическую деятельность для тех сотрудников федеральных учреждений, которые не подпадали под условия «Закона Пендлтона» (the Pendleton Act) [11]. В этом законе специально оговаривался запрет на обращение за финансовой помощью к сотрудникам федеральных учреждений и программ. Этот закон фактически отнимал у партийных организаций штатов и местных партийных организаций существенный источник дохода. Однако закон не запрещал денежные взносы от всех сотрудников правительственных учреждений. Поскольку в него не были включены сотрудники учреждений штатов и органов местного самоуправления, эти сотрудники продолжали оставаться важным источником дохода для избирательных кампаний в Конгресс.

В 1940 г. Конгресс принимает поправки к «Закону Хатча». Закон устанавливал ограничение размером в 5000 долларов в год для индивидуальных взносов (в фонды федеральных кандидатов и партийных комитетов) и 3 миллиона долларов в календарный год на общую сумму, которая может быть получена или потрачена партийным комитетом, действующим в двух или более штатах. Закон также запретил денежные взносы в фонды кандидатов или партийных комитетов со стороны федеральных подрядчиков. Однако на практике этот закон был малоприменим и не оказал существенного влияния на практику электорального финансирования.

Другим важным изменением в практике политического финансирования в эпоху Нового курса стал рост профсоюзного движения. Профсоюзы становятся важным источником пополнения бюджета избирательных кампаний. Политика Рузвельта, которая воспринималась как направленная в под-

держку рабочего класса, поощряла участие профсоюзов в электоральной политике. Профсоюзы становятся серьезной политической силой, а также значимым источником финансовых поступлений для Демократической партии. Например, в 1936 г. финансовая поддержка профсоюзами кампании по переизбранию Рузвельта составила 770 000 долларов [10, p. 14–17].

Движение к реформам. В 1943 г. республиканцы и демократы от южных штатов инициируют принятие «Закона Смита-Коннелли» (Smith-Connally Act or War Labor Disputes Act of 1943). Для принятия этого закона потребовалось преодоление президентского вето. Закон должен был уменьшить политическое влияние профсоюзов. Для этого принималось положение, устанавливающее ограничения на политические взносы профсоюзов, аналогично ограничениям на политические взносы со стороны корпораций, принятые в рамках «Закона Тиллмана». «Закон Смита-Коннелли» запрещал профсоюзам использовать свои основные фонды (treasury funds) для целей финансовой поддержки кандидатам на федеральных выборах. Однако здесь сыграла свою роль дата принятия закона – он принимался как закон военного времени, соответственно, время его действия автоматически прекращалось через шесть месяцев после окончания войны.

В 1946 г. республиканцы добиваются восстановления нормы о запрете финансовой поддержки федеральным кандидатам со стороны профсоюзов. Теперь эта норма становится постоянной и принимается как часть положений «Закона Тафта-Хартли» (Taft-Hartley Act of 1947) [7, p. 63–65]. Именно с этого времени запрет профсоюзам оказывать финансовую поддержку кандидатам на федеральных выборах становится частью федерального законодательства, регулирующего электоральные финансы.

После окончания Второй мировой войны практика электорального финансирования сталкивается с новыми вызовами. Партии продолжают оставаться основным институциональным игроком в сфере электоральных финансов, но в то же время значительно усиливается роль отдельных кандидатов, которые сами организуют свои собственные комитеты, создают свои фонды и самостоятельно ищут деньги на избирательные кампании. Кроме того, все более важную роль в американской (а чуть позднее и в мировой) политике начинает играть телевидение. Необходимость тратить деньги на телевизионную рекламу приводит к взрывному росту бюджетов избирательных кампаний для выборов всех уровней, но особенно для президентских и парламентских кампаний.

В 1956 г. общие расходы на проведение избирательных кампаний в США составили около 155 миллионов долларов, из которых 9,8 миллиона ушло на радио- и телевизионную рекламу. К 1968 г. общий объем электоральных расходов фактически удвоился и достиг 300 млн долларов. При этом расходы на медиа возросли в пять раз, достигнув 58,9 млн долларов [10, p. 18–20].

В этих условиях вопрос об опасности «больших денег» снова был поднят в повестке дня. Демократы опасались за свои избирательные бюджеты,

учитывая, что у республиканцев дело с поиском средств обстояло лучше. На президентских выборах 1968 г. республиканцы потратили вдвое больше денег, нежели демократы. Все это приводит к очередному витку обсуждения идеи реформы электорального законодательства, что и выливается в 1971 г. в принятие «Федерального закона о регулировании избирательных кампаний», который обозначает новую эру в истории американских электоральных финансов [12].

Заключение

На протяжении всей первой половины XX в. главной движущей силой правовых реформ, выступающей за то, чтобы поставить под государственный контроль практику сбора и расходования средств, предназначенных для организации и проведения выборов, являлось прогрессистское крыло американского идеологического спектра [2, р. 42–50; 3, р. 29–35; 4]. На федеральном уровне сторонники прогрессистов в правовом сообществе США, придерживающиеся конституционной традиции, отдающей приоритет принципам равенства и справедливости, стали значимой силой к 1907 г., когда они смогли провести через Конгресс «Закон Тиллмана». За ними последовали другие федеральные законы, такие как «Закон о порочных практиках» (1910 и 1925), «Закон Хатча» (1939), «Закон Смита-Коннелли» (1943), «Закон Тафта-Хартли» (1946). По большей части сторонники правовых реформ на протяжении данного периода примыкали к Демократической партии, которая и стала политическим инструментом, продвигавшим реформы электорального финансирования через Конгресс. Все правовые законопроекты прогрессистов встречают противодействия со стороны консервативного крыла американской политики, которые пытаются противостоять реформам как на площадке Конгресса США, так и в стенах Верховного суда. Однако к началу третьей четверти XX в. идеи прогрессистов получают достаточно широкое распространение в правовом и политическом сообществе США, что позволяет им расширять рамки своей деятельности в сфере законотворчества [13]. Именно в рассмотренный период с начала XX в. по конец 1960-х гг. в американском правовом сообществе сложилось два лагеря: прогрессистский (в котором было много сторонников Демократической партии) и консервативный (опиравшийся в основном на поддержку Республиканской партии). Можно согласиться с Ясмин Дэвуд в оценке того, что эти два движения (которые она называет «эгалитаристским» и «либертарианским»), задают доктринальные рамки всей последующей истории правовых реформ электорального финансирования [4, р. 330–331]. К моменту принятия в 1971 г. «Федерального закона о регулировании избирательных кампаний» прогрессисты сумели провести через Конгресс целый ряд законопроектов, которые закладывали основу для последующей систематизации федерального законодательства, регулировавшего практику электоральных финансов. Именно с этого момента начинается современная история правовых реформ электорального финансирования

в США, ход которой до настоящего момента определяется противостоянием между прогрессистами и консерваторами.

Список литературы

1. Baker P. Politics in the Gilded Age and Progressive Era // *The Oxford Handbook of American Political History*. Oxford : Oxford University Press, 2020. P. 115–134.
2. Samples J. *The Fallacy of Campaign Finance Reform*. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2006. 328 p.
3. Post R. C. *Citizens Divided. Campaign Finance Reform and the Constitution*. Cambridge, Massachusetts ; London, England : Harvard University Press, 2014. 405 p.
4. Dawood Y. Campaign Finance and American Democracy // *The Annual Review of Political Science*. 2015. № 18. P. 329–348.
5. Thayer G. *Who Shakes the Money Tree? American Campaign Financing Practices from 1789 to the Present*. New York : Simon & Schuster, 1973. 320 p.
6. Smith B. A. Faulty Assumptions and Undemocratic Consequences of Campaign Finance Reform // *The Yale Law Journal*. 1996. Vol. 105, № 4. P. 1049–1091.
7. La Raja, Raymon J. *Small Change: Money, Political Parties, and Campaign Finance Reform*. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2008. 304 p.
8. Winkler A. Other People's Money: Corporations, Agency Costs, and Campaign Finance Law // *Georgetown Law Journal*. 2004. № 92. P. 871–940.
9. Елизаров В. П. Свобода, равенство, регулирование: базовая дилемма американского электорального финансирования // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 4. С. 435–446. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.435-446
10. Corrado, Anthony *Money and Politics: A History of Federal Campaign Finance Law* // *The New Campaign Finance Sourcebook* / ed. by A. Corrado, T. E. Mann, D. R. Ortiz. Washington : Brooking Institution Press, 2005. P. 7–47.
11. Theriault S. M. Patronage, the Pendleton Act, and the Power of the People // *The Journal of Politics*. 2003. № 65 (1). P. 50–68.
12. Staats E. B. Impact of the Federal Election Campaign Act of 1971 // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1976. Vol. 425, iss. 1. P. 98–113.
13. Елизаров В. П. Два шага вперед, один шаг назад: правовые реформы электорального финансирования в США // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024. Т. 33, № 3. С. 115–135. doi: 10.21128/1812-7126-2024-3-115-134

References

1. Baker P. Politics in the Gilded Age and Progressive Era. *The Oxford Handbook of American Political History*. Oxford: Oxford University Press, 2020:115–134.
2. Samples J. *The Fallacy of Campaign Finance Reform*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2006:328.
3. Post R.C. *Citizens Divided. Campaign Finance Reform and the Constitution*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 2014:405.
4. Dawood Y. Campaign Finance and American Democracy. *The Annual Review of Political Science*. 2015;(18):329–348.
5. Thayer G. *Who Shakes the Money Tree? American Campaign Financing Practices from 1789 to the Present*. New York: Simon & Schuster, 1973:320.
6. Smith B.A. Faulty Assumptions and Undemocratic Consequences of Campaign Finance Reform. *The Yale Law Journal*. 1996;105(4):1049–1091.

7. La Raja, Raymon J. *Small Change: Money, Political Parties, and Campaign Finance Reform*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008:304.
8. Winkler A. Other People's Money: Corporations, Agency Costs, and Campaign Finance Law. *Georgetown Law Journal*. 2004;(92):871–940.
9. Elizarov V.P. Freedom, equality, regulation: the fundamental dilemma of American electoral finance. *Pravo: istoriya i sovremennost = Law: history and modernity*. 2022;6(4):435–446. (In Russ.). doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.435-446
10. Corrado, Anthony Money and Politics: A History of Federal Campaign Finance Law. *The New Campaign Finance Sourcebook*. Washington: Brooking Institution Press, 2005:7–47.
11. Theriault S.M. Patronage, the Pendleton Act, and the Power of the People. *The Journal of Politics*. 2003;(65):50–68.
12. Staats E.B. Impact of the Federal Election Campaign Act of 1971. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1976;425(1):98–113.
13. Elizarov V.P. Two steps Forward, one step back: election finance legal reform in the US. *Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye = Comparative constitutional review*. 2024;33(3):115–135. (In Russ.). doi: 10.21128/1812-7126-2024-3-115-134

Информация об авторах / Information about the authors

Виталий Павлович Елизаров

кандидат политических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права, Санкт-Петербургский
государственный экономический
университет (Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Садовая, 21)

E-mail: summo-jure@yandex.ru

Vitaly P. Elizarov

Candidate of political sciences,
associate professor of the sub-department
of theory and history of state and law,
Saint Petersburg State University
of Economics (21 Sadovaya street,
St. Petersburg, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.08.2025

Принята к публикации / Accepted 22.09.2025

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно со-то-вые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- **право**
- **социология**
- **экономика**

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; E-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата « ____ » _____ 20__ г.